

Учреждение образования  
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

**СБОРНИК СТАТЕЙ  
ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА НАУЧНЫХ РАБОТ,  
ВЫПОЛНЕННЫХ ОБУЧАЮЩИМИСЯ  
АКАДЕМИИ МВД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ  
В 2022 ГОДУ**

Минск  
Академия МВД  
2022

УДК 34  
ББК 67  
С23

**Сборник статей победителей конкурса научных работ, выполненных обучающимися Академии МВД Республики Беларусь в 2022 году / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2022. – 172, [4] с.**  
ISBN 978-985-576-360-5.

Включает статьи лауреатов конкурса научных работ обучающихся Академии МВД Республики Беларусь и авторов работ первой, второй и третьей категории. Предназначен для курсантов, слушателей, студентов и магистрантов учреждений образования Министерства внутренних дел и Министерства образования Республики Беларусь.

УДК 34  
ББК 67

ISBN 978-985-576-360-5 © УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2022

УДК 343.985

**В.А. Адамчик**, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *П.А. Кайбелев*

### **ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ПРОФИЛАКТИКА КВАРТИРНЫХ КРАЖ**

В Республике Беларусь за год совершается более 27 тыс. краж, из них каждая четвертая совершается из квартиры или частных домов, где люди проживают постоянно. Из всех зарегистрированных в 2020 г. квартирных краж раскрыто только 65,8 % [1].

Такой низкий процент раскрываемости обусловлен тем, что кражи совершаются тайно, с тщательной подготовкой их совершения. Невысокая результативность рассматриваемой нами деятельности также связана с недостаточной профессиональной подготовкой сотрудников органов внутренних дел (ОВД), в чьи обязанности входит принятие мер по установлению обстоятельств совершенного преступления, лиц, причастных к его совершению, а также установление местонахождения похищенного имущества.

Одним из направлений по сокращению количества совершаемых квартирных краж является совершенствование оперативно-розыскной профилактики (ОРП) данных видов преступлений.

ОРП представляет собой комплекс специальных мер упреждающего воздействия, проводимых оперативными подразделениями и сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ОРД), в пределах установленных полномочий с целью предотвращения готовящихся преступлений, пресечения покушений на преступления, выявления лиц, склонных к совершению преступления, и оказания на них профилактического воздействия для недопущения с их стороны преступного поведения; выявления причин и условий, способствующих совершению преступлений, и принятия мер по их устранению.

Сегодня осуществление ОРП оперативными подразделениями ОВД сопряжено с использованием более полного комплекса оперативно-розыскных сил, средств и методов; обладает специфическим информационным обеспечением; воздействует на допреступные формы поведения профилактируемых лиц и осуществляется в соответствии с Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» [2]. Основными направлениями деятельности специалистов в рамках рассматриваемого вопроса являются: выявление

причин и условий, способствующих совершению преступлений; создание предпосылок, определяющих законопослушное поведение профилируемого лица; сбор информации о криминально активных субъектах, их связях, преступном опыте, намерениях [3, с. 83–84].

К объектам ОРП относятся: лица, готовящие преступление; лица, высказывающие намерения совершить преступление; лица, различным образом способствующие совершению преступлений; лица, препятствующие работникам правоохранительных органов исполнять свои служебные обязанности, а также оказывающие на них и их близких психологическое и иное воздействие с целью оказания влияния на результаты служебной деятельности; лица, с которыми прекращено конфиденциальное сотрудничество по компрометирующим их основаниям; сотрудники правоохранительных органов, создающие предпосылки к раскрытию конфиденциальных источников, планируемых оперативно-розыскных мероприятиях (ОРМ), к утечке информации, составляющей государственную, служебную и иную охраняемую законом тайну; причины и условия, способствующие совершению преступлений [4, с. 381].

Основными направлениями профилактической деятельности являются: профилактика преступлений; предотвращение готовящихся преступлений; пресечение покушений на преступления.

Так, предотвращение готовящегося преступления представляет собой комплекс мер, направленных на недопущение замышляемых и подготавливаемых преступлений с целью склонить лицо к добровольному отказу от подготовительных действий к совершению преступления. Под пресечением покушений на преступления понимается комплекс мер, целью которых является прекращение умышленных действий лица, непосредственно направленных на совершение преступления.

Сущность ОРП заключается в следующем: осуществляется сбор сведений о лицах, проявляющих криминальную активность, их намерениях, связях, преступном опыте, образе жизни и анализ этих сведений. Если полученные сведения дают основания сделать вывод о вероятности преступного поведения, то в отношении профилируемого лица следует провести ОРМ «наблюдение», поставить его на профилактический учет. Оперативным сотрудникам также следует проводить различные поисковые мероприятия для установления признаков подготовки преступлений, преступной деятельности этих лиц, проверить причастность данных лиц к преступлениям, которые остались нераскрытыми. В ходе проведения ОРМ выявляются причины и условия совершения преступлений, в результате чего информируются органы государственной власти о необходимости принятия мер по устранению выявленных причин

и условий. Все поступки и действия профилируемых лиц следует фиксировать, а результаты приобщать к делам оперативного учета в целях их последующей реализации.

Перед проведением ОРП квартирных краж необходимо определить, какие лица склонны к совершению данного вида преступлений. При этом вызывает интерес совокупность социально-демографических и нравственно-психологических свойств [5, с. 42]. Под социально-демографическими свойствами понимаются пол, возраст, образование, семейное положение, род занятий, профессия, социальная принадлежность, материальная обеспеченность, место работы, источники доходов. Под нравственно-психологическими свойствами понимаются совокупность взглядов, ориентаций, приверженность определенным идеям, характер, увлечения, образование, наличие психических аномалий.

Анализ практики показывает, что лица, совершающие квартирные кражи, характеризуются завышенными материальными потребностями, а также неудовлетворительной социализацией индивида.

Исходя из указанных признаков, можно выделить следующие категории лиц, совершающих кражи из квартиры: лица, имеющие значительные материальные потребности, вызванные криминальным и антиобщественным образом жизни; ранее судимые за аналогичные преступления; несовершеннолетние, поддерживающие связь с преступниками и имеющие завышенные материальные потребности.

К первой категории лиц можно отнести лиц, злоупотребляющих спиртным, проигрывающих крупные суммы денег в азартных играх, наркоманов. Их объединяет тот фактор, что их потребности в большинстве случаев не могут быть удовлетворены за счет дохода, который они получают законным путем. Категория несовершеннолетних характеризуется отсутствием жизненного опыта и недостаточным уровнем социализации, они легко поддаются влиянию ранее судимых и встают на путь совершения имущественных преступлений.

Выделяют два вида ОРП преступлений: общая профилактика и индивидуальная профилактика. Методы общей профилактики предполагают: устранение условий, способствующих формированию личности правонарушителя; устранение возможности возникновения острых конфликтных ситуаций между людьми; устранение условий, облегчающих совершение преступлений на конкретных объектах; исключение посягательства на общественный порядок и личность граждан в общественных местах [6, с. 86].

В процессе осуществления общепрофилактических мероприятий по выявлению причин и условий квартирных краж оперативный сотрудник

собирает информацию, относящуюся к личности преступника, что создает определенные предпосылки для успешной организации индивидуальной профилактики.

Индивидуальная профилактика заключается в выявлении лиц, от которых, судя по достоверно установленным фактам их противоправного поведения, можно ожидать совершения преступления, и в проведении в отношении данных лиц активной работы по недопущению с их стороны преступлений [7, с. 44].

Эффективность индивидуальной профилактики зависит от верного выбора тактических приемов с учетом личности профилактируемого. Средства, методы и формы профилактического воздействия избираются в зависимости от возрастных и психологических особенностей лиц, к которым они применяются.

Следует подчеркнуть особую значимость в индивидуальной профилактике квартирных краж вопроса взаимодействия с учреждениями, исполняющими наказания, как одной из форм предупреждения на стадии формирования преступного умысла у лица. Выявление среди осужденных лиц, которые высказывают свои намерения после освобождения из мест лишения свободы заняться совершением преступлений, и своевременное информирование ОВД об их освобождении создает предпосылки эффективного применения мер индивидуальной профилактики [8, с. 34].

Стоит отметить, что важное значение в профилактике квартирных краж имеют меры виктимологического содержания, которые должны в себя включать: правовую пропаганду, разъяснительную работу среди населения, цель которой показать гражданам опасность и распространенность краж, способы их совершения и уловки, используемые преступниками. В этих целях используют: средства массовой информации, предупредительные плакаты, индивидуальные беседы; меры по активизации населения, которые направлены на то, чтобы граждане устанавливали индивидуальные средства технической защиты квартиры (сигнализации), а также устанавливали камеры видеонаблюдения в многоквартирных домах; непосредственное наблюдение за лицами, ведущими себя подозрительно в общественных местах, торговых объектах и т. п. Положительно скажется на профилактике квартирных краж объединение усилий криминологов, архитекторов и строителей на стадии проектирования и строительства жилья.

Эффективное осуществление ОРП затруднительно без взаимодействия органов, осуществляющих данный вид деятельности, так как в ходе осуществления профилактики перед субъектами стоит одна об-

щая цель и их совместная деятельность, обмен информацией друг с другом будет способствовать качественному выполнению поставленных задач.

Взаимодействие в сфере ОРП может осуществляться различными способами: согласование планируемых мероприятий; совместное проведение установленных мероприятий; обмен силами и средствами; оказание взаимной помощи; подготовка и переподготовка кадров. В процессе взаимодействия главным выступает вопрос обмена информацией, отсюда вытекает необходимость совершенствования такой формы взаимодействия, как формирование единого информационного пространства.

Проблема взаимодействия оперативных подразделений территориальных ОВД с учреждениями уголовно-исполнительной системы также является актуальной. Взаимодействие между этими органами позволяет решить ряд задач, среди которых можно выделить противодействие возрастанию криминального профессионализма, слиянию общеуголовной, экономической и организованной преступности.

Для эффективного осуществления ОРП необходима высокая осведомленность оперативных подразделений, что, согласно оперативно-розыскной практике, является затруднительным без взаимодействия с гражданами, в связи с чем следует использовать возможности конфидентов в решении задач профилактики преступлений.

Согласно результатам изучения оперативно-розыскной практики использование классических подходов в осуществлении ОРП ОВД не всегда приносит желаемый результат. В специальной литературе широко рассмотрены тактические построения по оказанию профилактического воздействия на лиц, склонных к совершению преступлений. Вместе с тем следует признать, что в большинстве случаев они сводятся к методам убеждения и принуждения [9, с. 73–74].

Полагаем, результаты проведенных исследований показывают, что при осуществлении ОРП редко используются легендирование, инсценирование, имитация, дезинформирование и др. Названные способы изначально появились благодаря непосредственному жизненному опыту межличностного взаимодействия людей при решении различных задач: воспитания, управления, политической борьбы, профилактики правонарушений и привлечения к ответственности. Считаем, следует обратить внимание на такой факт: в риторике древних греков и римлян есть немало интересных приемов воздействия на публику в виде различных сочетаний слов, т. е. фигур мысли и слова, и употребления слов в переносном смысле в таких тропах, как метафора, эпитет, ирония, гипербо-

ла. Позже проблема воздействия на человека разрабатывалась в рамках философии, логики, психотерапии [10, с. 11].

Качественное проведение ОРП позволит уменьшить уровень совершаемых квартирных краж, также данная деятельность препятствует возрастанию количества профессиональных преступников, что положительно скажется на состоянии преступности в Республике Беларусь. Проведение ОРП позволяет выявить лиц, которые склонны к совершению преступлений, и предотвратить совершение преступлений данными лицами.

#### Список использованных источников

1. Кражи: какие бывают, сколько происходит и как называются, 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mvd.gov.by/m/ru/news/6054>. – Дата доступа: 01.02.2022.
2. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. № 88-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. Яскевич, А.В. Особенности осуществления оперативно-розыскной профилактики органами внутренних дел / А.В. Яскевич, Д.Н. Лахтиков // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2016. – № 1. – С. 83–86.
4. Борин, Б.В. Понятие оперативно-розыскной профилактики преступлений / Б.В. Борин, Я.Г. Ишук // Пробелы в рос. законодательстве. – 2017. – № 3. – С. 381–386.
5. Ананич, В.А. Предупреждение рецидивной преступности / В.А. Ананич, С.Ю. Часнок. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. – 98 с.
6. Дымов, Г.А. Сущность и содержание оперативно-розыскной профилактики грабежей и разбоев, совершаемых несовершеннолетними / Г.А. Дымов // Бизнес в законе. – 2005. – № 1. – С. 86.
7. Чистотина, О.Н. Проблемы осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы / О.Н. Чистотина // Человек: преступление и наказание. – 2014. – № 4. – С. 43–46.
8. Филимонов, А.А. Об основах профилактики и раскрытия краж имущества / А.А. Филимонов, Д.И. Рубцов // Информ. Мордовия. – 2020. – № 4. – С. 32–38.
9. Яскевич, А.В. Вопросы допустимости дезинформирования при осуществлении оперативно-розыскной профилактики органов внутренних дел / А.В. Яскевич, Д.Н. Лахтиков // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2015. – № 2. – С. 73–76.
10. Шестаков, А.Г. Психологическое воздействие в служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел / А.Г. Шестаков // Вестн. Калинингр. фил. С.-Петербург. ун-та МВД России. – 2015. – № 2. – С. 11–13.

УДК 343:004

*Е.А. Артюх*, выпускник уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук  
*С.В. Кузьменкова*

#### ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

В последние годы отечественное законодательство в сфере исполнения уголовных наказаний претерпело значительные изменения, в определенной мере учитывающие международные правовые стандарты, которые постепенно входят в систему законодательства и практику деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания.

Вместе с тем следует отметить, что за короткий промежуток времени невозможно решить все проблемы, объективно накопившиеся за предыдущие десятилетия. Предстоит еще немало сделать, чтобы уголовно-исполнительная система соответствовала международным требованиям. Основной проблемой, на наш взгляд, является то, что реализация прав несовершеннолетних осужденных в условиях функционирования воспитательных колоний носит фактически декларативный характер.

Особое внимание следует уделить ряду прав несовершеннолетних осужденных: содержанию отдельно от взрослых (лиц, оставленных в воспитательных колониях по достижению ими восемнадцати лет); праву несовершеннолетних как на уединение, так и на возможность общения со сверстниками; развитию инициативы подростков, обучению их, организации быта и досуга, праву каждого фактически иметь возможность оспорить действия администрации и возможности иметь свидания с родственниками не реже одного раза в неделю.

Основными источниками, определяющими правовое положение несовершеннолетних, отбывающих наказание в виде лишения свободы являются Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений (ПВР ИУ) [1] и Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь (УИК) [2].

Применение информационных технологий при реализации прав и свобод несовершеннолетних осужденных, а также при их дальнейшей ресоциализации играет решающую роль.

Особенности подросткового возраста, с одной стороны, осложняют работу с контингентом, поскольку вынуждают персонал воспитательных колоний учитывать характерные черты личности воспитанников в

данном возрасте, но, с другой стороны, «пластичность» развивающейся личности подростка позволяет надеяться на успешность целенаправленной воспитательной работы.

Значимой составляющей дальнейшего правопослушного образа жизни осужденного является получение образования. Для качественно образовательного процесса крайне важно применение современных информационно-технических средств. Исследователи отмечают, что «обучение оказывает положительное влияние на поведение осужденных в период отбытия наказания, облегчает их социальную адаптацию после освобождения, снижает социальную напряженность в местах лишения свободы, способствует формированию трудовой мотивации, активной жизненной и профессиональной позиции» [3, с. 8]. О.А. Шаков также указывает на то, что «реализация и организация обучения осужденных в ИУ невозможны без применения компьютерных и мультимедийных средств обучения» [4, с. 99].

Обучение положительно отражается на микроклимате в колониях, обеспечивает полезную занятость осужденных, делает содержательным их досуг, позитивно влияет на состояние дисциплинарной практики, а также способствует стабилизации оперативной обстановки.

Актуальным, по нашему мнению, будет являться введение смешанной технологии обучения с использованием интерактивного обучения осужденных. Основу данной разновидности обучения составляет наглядность. Она мобилизует психическую активность обучающихся, вызывает интерес к занятиям, расширяет объем усвояемого материала, что положительно сказывается на всем процессе получения образования.

Интерактивное обучение – это учеба по индивидуальному плану. Комплект учебных материалов обучающийся получает сразу при зачислении – тексты лекций, задачки, практикумы на разных носителях: бумажных, CD, аудио- и видеоносителях. Последовательность изучения предметов и темпы работы выбираются самостоятельно. За один семестр можно пройти курс, который изучается целый год, или, наоборот, растянуть на два года. За каждый раздел курса студент-осужденный должен отчитываться – сдавать контрольные, тесты. Перейти к изучению следующего курса, не отчитавшись, нельзя [5].

Е.В. Коротаева отмечает, что интерактивное обучение одновременно решает три задачи:

- учебно-познавательную (предельно конкретную);
- коммуникационно-развивающую (связанную с общими, эмоционально-интеллектуальным фоном процесса познания);
- социально-ориентационную (результаты которой проявляются уже за пределами учебного времени и пространства) [6, с. 103].

Интерактивные методы обучения позволяют интенсифицировать процесс понимания, усвоения и творческого применения знаний при решении практических задач, эффективность обеспечивается за счет более активного включения обучающихся в процесс не только получения, но и непосредственного использования знаний. Если формы и методы интерактивного обучения используются регулярно, то у обучающихся формируются продуктивные подходы к овладению информацией, исчезает страх высказать неправильное предположение (поскольку ошибка не несет за собой негативной оценки) и устанавливаются доверительные отношения с преподавателем.

Интерактивное обучение повышает мотивацию и вовлеченность обучающихся в решение обсуждаемых проблем, что дает эмоциональный толчок к последующей поисковой активности, побуждает к конкретным действиям. В интерактивном обучении каждый успешен, так как вносит свой вклад в общий результат групповой работы – процесс обучения становится более осмысленным и увлекательным.

Кроме того, интерактивное обучение формирует умение мыслить неординарно, по-своему видеть проблемную ситуацию, выходы из нее; обосновывать свои позиции и жизненные ценности; развивает такие черты, как умения выслушивать иную точку зрения, сотрудничать, вступать в партнерское общение, проявляя при этом толерантность по отношению к своим оппонентам, необходимый такт, доброжелательность к участникам процесса совместного нахождения путей взаимопонимания, поиска истины.

На наш взгляд, такой подход к обучению позволит каждому осужденному проявить себя. В случае применения такого формата обучения в воспитательных колониях, у осужденных будет возможность проявить себя, освоить различные направления деятельности в комфортный для себя промежуток времени. Поскольку при простой форме получения образования, действующей в исправительных учреждениях в настоящее время, учитель равняется на «среднего» обучающегося, что в какой-то степени ущемляет более способных.

Для введения интерактивного образования в воспитательные колонии необходимо решить ряд вопросов организационного характера, главным из которых выступает финансовое обеспечение. Поскольку именно от финансирования зависит возможность обустройства воспитательных колоний аппаратными средствами, программным обеспечением, технической поддержкой специалистов информационных технологий. Немаловажным является также наличие в учреждении сотрудников с необходимыми навыками работы.

При получении осужденными образования также следует обратить внимание на возможность изучения дополнительного материала на онлайн-платформах. Пользование интернет-ресурсами в вышеуказанных целях может осуществляться из центра ДДЭОС, где у каждого осужденного будет своя учетная запись (имя пользователя и пароль). Следует ввести также определенный круг сайтов, доступ к которым будет разрешен для осужденных. Такой подход позволит решить проблему с уровнем образования осужденных, что окажет положительное влияние на их дальнейшую ресоциализацию.

Однако главная цель внедрения новых технологий в процесс исправления осужденных, а именно при получении осужденными образования, не только и не столько в повышении уровня образования (что также необходимо), сколько в исправлении осужденного. Ведь основание существования исправительной системы – это возвращение в общество правопослушных граждан. Другими словами, базовым действием в процессе исправления должно являться и является нравственное исправление. Полагаем, поэтому важно рассмотреть то, насколько новые технологии используются в процессе коррекции нравственных начал несовершеннолетних осужденных. В этой связи представляется интересным опыт дистанционного предоставления воспитательных программ нравственной направленности. Такие программы отличаются от общеобразовательных и профессиональных программ прежде всего решаемыми задачами. Здесь на первое место выходит формирование нравственности и развитие социально полезных навыков осужденных.

В настоящее время подобные программы актуальны в пенитенциарной системе Российской Федерации. Так, например, программа социальной реабилитации осужденных «Криминон», которая состоит из восьми разделов: «Дорога к счастью», «Улучшение способности к обучению», «Как справиться с подавлением», «Достоинство и целостность личности», «Общение», «Этика и состояния», «Понимание и преодоление наркотической зависимости», «Как жить с детьми». Разделы предоставляются на сегодня очно, заочно, дистанционно. Длительность изучения – от четырех до десяти недель. Но каждый осужденный проходит их в своем темпе. Разделы включают презентацию материалов, самостоятельную подготовку, практические задания, контроль знаний и коррекцию [7, с. 343].

Материалы рассчитаны, с одной стороны, на осужденных с различным уровнем образования (в том числе с достаточно низким), поэтому изложение материала простое. С другой стороны, на людей с деформированными системами ценностных ориентаций, поэтому материалы

содержат нравственные нормы, задания на переосмысление прошлого опыта, а также тренировки в повседневной жизни социально одобряемых форм поведения (доброжелательность, искренность, отзывчивость и т. д.).

Считаем, что заимствование опыта Российской Федерации в данном направлении сыграет значительную роль в процессе исполнения и отбывания наказания в отношении несовершеннолетних осужденных, позволит упростить процесс ресоциализации.

Таким образом, резюмируем необходимость замены обычной формы обучения несовершеннолетних осужденных на интерактивную, которая позволит повысить уровень образования вышеуказанной категории лиц. Большой интерес представляют также программы социальной реабилитации осужденных, которые в настоящее время актуальны в Российской Федерации. Реализация рассмотренных выше предложений, на наш взгляд, поспособствует скорейшей ресоциализации осужденных, а также позволит существенно снизить уровень рецидивной преступности в Республике Беларусь.

#### Список использованных источников

1. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-3 : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. № 112-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений [Электронный ресурс] : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 20 окт. 2000 г., № 174 : в ред. постановления М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 18.07.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. Максименко, В.А. Современное состояние и перспективы развития уголовно-исполнительной системы / В.А. Максименко // II Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сб. тез. выступл. и докл. участников (Рязань, 25–27 нояб. 2015 г.) : в 8 т. – Рязань, 2015. – Т. 1. – С. 7–16.
4. Шаков, О.А. Проблемы и перспективы применения современных компьютерных средств в учреждениях уголовно-исполнительной системы в период реформирования (в направлении психологической, воспитательной и социальной работы с осужденными) / О.А. Шаков, А.А. Бабкин, Д.Ю. Крюкова // Организационно-правовое, психолого-педагогическое и социально-экономическое обеспечение Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.: современное состояние и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 27–28 окт. 2011 г.) : в 2 т. – Рязань, 2011. – Т. 2. – Ч. 2. – С. 98–102.

5. Панина, Т.С. Интерактивное обучение // Т.С. Панина / Образование и наука. – 2007. – № 6. – С. 32–41.

6. Коротаева, Е.В. Обучающие технологии в познавательной деятельности школьников / Е.В. Коротаева. – М. : Сентябрь, 2003. – 176 с.

7. Загулова, Д.В. Современные информационные технологии и электронное обучение как одно из важнейших средств социальной адаптации и реабилитации осужденных // Д.В. Загулова, В.П. Жилияков / Современ. информ. технологии и ИТ-образование. – 2011. – № 7. – С. 342–348.

УДК 343.985

**А.В. Батюков**, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *П.А. Кайбелев*

### **ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАСКРЫТИЯ УБИЙСТВ, ЗАМАСКИРОВАННЫХ ПОД БЕЗВЕСТНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЛИЦ**

В обеспечении розыска лиц, пропавших без вести, установления личности неопознанных трупов и раскрытия замаскированных убийств можно выделить наиболее перспективные направления его развития на современном этапе. В первую очередь речь должна идти об эффективной организации сбора, обработки, накопления, хранения, поиска, распространения и использования необходимых сведений. От количества и качества исходной информации, ее доступности в конечном итоге зависит эффективность деятельности органов внутренних дел по идентификации пропавших лиц и последующему установлению их местонахождения.

Следует отметить, что в соответствии с абз. 7 ч. 1 ст. 16 и ч. 1 ст. 17 Закона Республики Беларусь от 15 июня 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД») должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (ОРД), при наличии сведений о гражданине, без вести пропавшем, может проводить комплекс оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ): «оперативный опрос», «наведение справок», «исследование предметов и документов и компьютерной информации», «оперативный осмотр», «наблюдение» и др. ОРМ, перечисленные в ч. 6 ст. 19 Закона «Об ОРД», проводятся при наличии дела оперативного учета (ДОУ) [1].

На сегодня в систему методов раскрытия различных категорий преступлений прочно вошли исследования с использованием полиграфа, направленные на выявление осведомленности обследуемых лиц о деталях преступных событий. Соответствующие исследования проводятся

специалистами и в процессе раскрытия преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан. Основной целью специалиста, проводящего исследование с использованием полиграфа по данной категории преступлений, является определение особенностей информированности обследуемого лица об обстоятельствах, связанных с исчезновением гражданина.

В случае наличия сведений о безвестном исчезновении человека в условиях, угрожающих жизни и здоровью, сотрудниками уголовного розыска организуются и проводятся ОРМ, направленные на поиск и установление местонахождения пропавшего, а также лиц, совершивших преступление. Последними, как правило, предпринимаются действия, направленные на сокрытие следов совершенного убийства.

В случае если лицо, совершившее преступление, содействует в его раскрытии, возникает необходимость проверки его показаний с целью обнаружения трупа. Как правило, данные действия производятся путем проведения осмотра места происшествия с привлечением специалистов, использующих в рамках поиска комплекс технико-криминалистических средств (ТКС). Одним из наиболее эффективных ТКС для поиска скрытых трупов является георадар. Работа георадара основана на классических принципах радиолокации, а именно на методе радиолокационного зондирования. Антенна георадара излучает в исследуемую поверхность сверхкороткие электромагнитные импульсы, которые отражаются от находящихся в ней предметов и окружающей подпочвенной среды. Приемная антенна георадара улавливает и посредством широкополосного усилителя увеличивает отраженный сигнал. Далее аналого-цифровой преобразователь формирует полученный сигнал в цифровой вид, а преобразованная таким образом информация изображается на индикаторе. Георадар не показывает какой именно предмет находится в почве, но дает информацию об изменении ее структуры, по которой специалист судит о возможном нахождении в обследуемой среде искомых предметов. На индикаторе в проецируемой плоскости отображается глубина залегания предмета и его ориентировочный размер. Предварительная подготовка использования георадара включает:

максимально возможное сужение границ поиска, для чего оперуполномоченным предварительно подробно допрашиваются подозреваемый о точном месте предполагаемого захоронения;

расчет необходимых сил и средств, а именно выбор транспорта, определение числа сотрудников милиции для охраны подозреваемого (обвиняемого), обеспечение наличия понятых, средств освещения и фотовидеофиксации, инвентаря для разметки района поиска и снятия грунта;



выбор наиболее подходящего для конкретно складывающейся ситуации вида следственного действия, в ходе которого будет производиться поиск трупа с применением георадара [2, с. 206–207].

Немаловажным фактором успешности поисковых работ являются оптимальные погодные условия, а именно отсутствие дождя и сухая почва на обследуемой территории. Огромное значение имеет соблюдение требований законодательства в части использования ТКС и правильность фиксации полученных результатов. Правовую основу применения ТКС составляют УПК, Закон «Об ОРД» и правовые акты, регламентирующие деятельность ОВД [1, 3, 4, 5].

Исчезновение человека при отсутствии видимых причин всегда вызывает массу вопросов у правоохранительных органов о криминальном или некриминальном характере события, но главным является вопрос о месте нахождения исчезнувшего лица. Анализ практики показывает, что при проведении ОРМ успешно решить данный вопрос позволяют современные цифровые устройства и криминалистические средства:

во-первых, это использование сведений, содержащихся в телекоммуникационных сетях операторов сотовой связи. Данная информация при условии корректных исходных данных оператора и ее тщательном анализе позволяет установить район пребывания абонента в определенное время;

во-вторых, место нахождения интересующего лица можно установить при условии изъятия и осмотра гаджетов, принадлежащих пропавшему лицу, в случае наличия в них встроенных модулей GPS или ГЛОНАС (смартфон, планшет, электронные часы, книги, пульсометр, шагомер, фитнес-браслет, автомобильный регистратор). Эти устройства при условии активации навигационной функции сохраняют в памяти данные о своем местонахождении;

в-третьих, устройства пользователя с технологией беспроводной локальной сети WI-FI, в которых сохраняется информация о месте и времени соединения с роутером;

в-четвертых, медиа-файлы (фото, видео), хранящиеся в различных цифровых устройствах, социальных сетях. Большинство современных фотокамер сохраняют данные о широте и долготе того места, где была сделана фотография или видеозапись;

в-пятых, билеты на транспорт, карты-пропуски, электронные платформы, оснащенные микросхемами, которые срабатывают прикосновением к валидатору в наземном городском транспорте, метро, на проходных в различные учреждения.

Перечень современных возможностей установления местонахождения исчезнувшего лица с применением технических и программных

средств, безусловно, не является исчерпывающим и постоянно расширяется с учетом глобальной цифровизации общества [6, с. 209–210].

Поисковая техника сокращает время обнаружения вещественных доказательств. Грамотное использование оперуполномоченными поисковых ТКС в процессе выявления преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан, обеспечивает решение задач, стоящих перед ОВД.

Следует отметить, что в настоящее время огромной популярностью пользуются системы видеонаблюдения. В этом нет ничего удивительного – ведь не существует другого технического средства, способного столь полно отразить картину окружающего нас мира. Благодаря своим незаменимым информативным возможностям системы видеонаблюдения стали привычным атрибутом современной жизни. Вполне естественно, что их широкие возможности не остались незамеченными и для правоохранительных органов. Области применения систем видеонаблюдения в правоохранительных целях достаточно разнообразны. К основным из них можно отнести следующие:

видеонаблюдение за местами массового пребывания граждан (вокзалы, аэропорты, метро и т. д.) и местах проведения культурно-массовых досугов (спортивные соревнования, праздники, народные гуляния и др.);

видеонаблюдение за стратегически важными объектами. Такие системы видеонаблюдения, как правило, эксплуатируются в составе интегрированных систем безопасности, совмещая функции видеонаблюдения, видеоконтроля, видеоохраны и контроля доступа;

видеонаблюдение в государственных организациях и учреждениях, в том числе в медицинских учреждениях и образовательных заведениях;

видеонаблюдение за архитектурными и историческими памятниками, музеями в целях сохранения материальных, духовных и художественных ценностей;

видеонаблюдение в магазинах, кассах торговых учреждений, банкоматах и других местах для борьбы с кражами со стороны покупателей, персонала и пользователей;

видеофиксация информации с использованием средств объективного контроля за движением автомобильного транспорта;

видеонаблюдение в квартирах, подъездах жилых домов, коттеджах и дачных сообществах для предотвращения краж, разбойных нападений и хулиганства.

Изъятые записи камер видеонаблюдения способствуют в раскрытии преступлений, в том числе, заказных убийств, связанных с хищением транспорта, исчезновения граждан вместе с транспортом. При помощи специальных систем возможно проверить передвижение автомобиля

через зоны контроля, а также использовать в раскрытии преступлений, для проверки показаний лица, возможно причастного к совершенному преступлению. Данная система может быть применена для установления автомобиля по фрагменту номера транспортного средства. Анализ данных, фиксируемых системами видеоконтроля, помогает установить маршрут движения автомобилей, на которых передвигаются преступники, учитывая передвижение похищенного автомобиля после совершения преступления, и установить транспортные средства, которые осуществляют сопровождение. Таким образом, в целях борьбы с преступностью необходимо постоянное совершенствование комплекса видеоаналитических систем, которые будут быстро анализировать огромный объем информации, что имеет значение для обеспечения безопасности при возникающих угрозах, а также сборе сведений, указывающих на причастность лица к совершенному преступлению [7, с. 118].

В целях установления фактов неизвестного исчезновения граждан и своевременного реагирования на них необходимо установить и постоянно поддерживать контакт с социальными работниками, работниками жилищно-коммунального хозяйства, почтовых отделений, районных поликлиник, органов социального обеспечения, опеки и попечительства и с их помощью выявлять одиноко проживающих, социально запущенных людей, не имеющих устойчивых родственных и дружеских связей, а также особенно пожилых и одиноких, которые не приходят за пенсией, почтовыми отправлениями, не платят длительное время за квартиру и коммунальные услуги. Указанные факты требуют немедленной проверки, так как не исключена вероятность того, что эти люди могли стать жертвами преступлений.

При поступлении информации о неизвестном исчезновении оперативному сотруднику необходимо: опросить соседей, сослуживцев, знакомых и родственников (при их наличии) пропавшего, в целях установления места его возможного пребывания. Рекомендуется наладить с кем-либо из опрашиваемых лиц доверительные отношения для получения в дальнейшем необходимой информации; выяснить, по какой причине гражданин переехал.

В случае установления обстоятельств, свидетельствующих о криминальном характере исчезновения, работа по раскрытию таких преступлений осуществляется сотрудниками уголовного розыска, которые в зависимости от складывающейся оперативно-розыскной ситуации, проводят следующие мероприятия:

осуществление проверки организаций, занимающихся риелтерской деятельностью, а также посредничеством при купле-продаже жилья;

выявление лиц, занимающихся противоправной деятельностью в сфере сделок с жильем;

проверка отказных материалов по фактам смерти одиноких и мало-семейных граждан, продавших свои квартиры с правом пожизненного проживания;

обеспечение оперативного сопровождения расследования дел об убийствах с целью завладения жильем или денежными средствами для полного выявления всех эпизодов преступной деятельности и причастных к этому лиц;

анализ имеющейся информации по данной линии работы в целях выявления серийных преступлений и лиц, их совершивших [8, с. 138–139].

Таким образом, качественное и полное проведение ОРМ и следственных действий способствуют своевременному установлению места нахождения трупа безвестно исчезнувшего лица, установлению и задержанию подозреваемых. В качестве первоочередных в плане раскрытия преступления должны предусматриваться меры, направленные на получение информации о возможных причинах и обстоятельствах исчезновения, сведений, обеспечивающих розыск исчезнувшего лица, установление фактов, которые бесспорно свидетельствуют о совершении в отношении его общественно опасного деяния.

#### Список использованных источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июня 2015 г., № 307-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. № 88-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Сиделев, В.В. Использование георадара для поиска криминальных захоронений по уголовным делам о неизвестном исчезновении граждан / В.В. Сиделев // Раскрытие и расследование преступлений, связанных с неизвестным исчезновением граждан : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 27 сент. 2018 г. / Моск. акад. Следств. ком. России ; под общ. ред. А.М. Багмета. – Москва, 2018. – С. 206–207.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. от 14.04.2021 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г., 27 февраля 2022 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З : в ред. от 23.07.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

6. Скобелин, С.Ю. Использование биллинговой и иной цифровой информации для установления местонахождения пропавшего без вести / С.Ю. Скобелин // Раскрытие и расследование преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 27 сент. 2018 г. / Моск. акад. Следств. ком. России ; под общ. ред. А.М. Багмета. – Москва, 2018. – С. 208–210.

7. Долженко, Н.И. Использование видеонаблюдения в расследовании преступлений / Н.И. Долженко // Наука и образование. – 2018. – № 5. – С. 117–119.

8. Шишкин, В.Н. Оперативно-розыскные меры по выявлению и раскрытию убийств, замаскированных под безвестное исчезновение / В.Н. Шишкин, А.Г. Белый // Общество и право. – 2007. – № 3. – С. 138–140.

УДК 343.1

**И.Ю. Бернацкий**, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *М.М. Якубель*

### **ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ЛИЦАМИ В ВОЗРАСТЕ ДО ВОСЕМНАДЦАТИ ЛЕТ**

Приоритетными задачами уголовного процесса являются: защита личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства, обеспечение законности и правопорядка, предупреждение преступлений, защита от необоснованного обвинения, изобличение и привлечение к уголовной ответственности виновных, обеспечение правильного применения закона. Вместе с тем необходимо отметить, что указанные задачи могут быть успешно решены только при условии, если в каждом уголовном деле будут установлены обстоятельства, входящие в предмет доказывания по уголовному делу.

В теории уголовного процесса изучению предмета доказывания по уголовным делам посвятили свои научные труды такие ученые, как Ю.С. Климович, П.В. Мытник, М.А. Шостак, А.И. Долгова, Н.И. Гурковская, Г.М. Миньковский, А.А. Ручина, а также иные отечественные и зарубежные авторы.

Ведя речь об отечественном законодательстве, стоит отметить, что согласно ч. 1 ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) доказыванию по уголовным делам подлежат следующие обстоятельства:

1. Наличие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения);

2. Виновность обвиняемого в совершении преступления;

3. Обстоятельства, влияющие на степень и характер общественной обвиняемого (обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, характеризующие личность обвиняемого);

4. Характер и размер вреда, причиненного преступлением;

5. Обстоятельства, подтверждающие, что имущество приобретено преступным путем или является доходом, полученным от использования этого имущества [1, с. 95–96].

Применительно к производству по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения выяснению подлежат обстоятельства, перечисленные в ч. 2 ст. 328 УПК:

1) время, место, способ и другие обстоятельства совершенного общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом;

2) совершение лицом общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом;

3) наличие у лица, совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, психического расстройства (заболевания) в прошлом, степень и характер психического расстройства (заболевания) в момент совершения общественно опасного деяния и ко времени производства по уголовному делу;

4) поведение лица, совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, как до его совершения, так и после;

5) характер и размер ущерба, причиненного общественно опасным деянием, предусмотренным уголовным законом [1, с. 328].

В свою очередь, по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних предусмотрен расширенный предмет доказывания как в Республике Беларусь, так и в ряде зарубежных стран. Это обусловлено спецификой категории субъектов, особенностями их правового статуса и психофизического развития.

Идея существования специального предмета доказывания по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних нашла свое отражение в ст. 16 Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские

правила). Упомянутая норма содержит предписание о том, что во всех случаях, за исключением мелких правонарушений, до вынесения компетентным органом власти окончательного решения, предшествующего приговору, необходимо тщательно изучить окружение и условия, в которых живет несовершеннолетний, или обстоятельства, при которых было совершено противоправное деяние, с тем чтобы содействовать вынесению компетентным органом власти разумного судебного решения по делу [2].

Отечественное уголовно-процессуальное законодательство отчасти восприняло данную норму. Так, согласно ч. 2 ст. 89 УПК по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних дополнительно должны быть выяснены:

- 1) возраст несовершеннолетнего (число, месяц, год рождения);
- 2) условия жизни и воспитания;
- 3) степень интеллектуального, волевого и психического развития;
- 4) наличие взрослых подстрекателей и иных соучастников [1, с. 96].

Особая значимость установления *возраста* обусловлена тем, что от него зависит прежде всего возможность привлечения рассматриваемого субъекта к уголовной ответственности. В соответствии со ст. 27 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста, за исключением случаев совершения преступлений, ответственность за которые наступает с 14 лет (убийство, причинение смерти по неосторожности, умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, изнасилование, хищение имущества путем модификации компьютерной информации и др.) [3, с. 18–19].

Согласно п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» (далее – постановление № 3) документами, подтверждающими возраст несовершеннолетнего, могут выступать свидетельство о рождении, паспорт. В случае отсутствия документов или при сомнении в их достоверности, данный вопрос следует решать в соответствии с п. 2 ст. 228 УПК путем назначения судебно-медицинской экспертизы [4]. Интересным по данному вопросу видится тот факт, что в указанном постановлении № 3 не уточняется, идет ли речь о паспорте гражданина Республики Беларусь либо, в том числе, и о паспорте гражданина другого государства [5, с. 197]. В данном случае мы разделяем высказанную в научной литературе позицию о том, что для установления возраста несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого может быть использован действующий паспорт гражданина любого государства. Кроме того, в научной литературе отмечается,

что помимо вышеуказанных документов, подтверждающих возраст подростка, УПК допускает использование в процессе доказывания и иных документов, указывая, что они признаются источниками доказательств, если обстоятельства и факты, изложенные в них, удостоверены должностными лицами организаций или гражданами и имеют значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 100 УПК).

В процессе установления возраста подростка следует также иметь в виду, что, согласно Указу Президента Республики Беларусь от 3 июня 2008 г. № 294 «О документировании населения Республики Беларусь», в частности п. 1.1, документами, удостоверяющими личность, являются, наряду с паспортом гражданина Республики Беларусь, вид на жительство в Республике Беларусь, удостоверение беженца, идентификационная карта гражданина Республики Беларусь, биометрический вид на жительство в Республике Беларусь иностранного гражданина, биометрический вид на жительство в Республике Беларусь лица без гражданства [6]. Полагаем, что и эти документы могут быть использованы для установления возраста несовершеннолетнего.

Следующим обстоятельством, подлежащим доказыванию, является установление *условий жизни и воспитания несовершеннолетнего*. В научной литературе выделяются различные условия жизни и воспитания. Так, Н.И. Гуковская, А.И. Долгова, Г.М. Миньковский считают обязательным для выяснения: условия жизни семьи; характеристики родителей и их отношения к воспитанию детей; характеристики бытового окружения и связей подростка; содержание воспитательной работы с несовершеннолетним по месту учебы (работы) и жительства; меры, ранее принимавшиеся компетентными органами по фактам девиантного поведения [7, с. 80].

Если подросток вернулся на место жительства после отбытия наказания или пребывания в воспитательном учреждении, выясняется также, были ли приняты необходимые меры по его устройству и организации надзора за его поведением [7, с. 83].

Представляется интересным мнение В.Я. Рыбальской, согласно которому при изучении условий жизни и воспитания лица, в отношении которого ведется производство по правилам гл. 45 УПК, важно помнить, что необходимо проследить связь не от преступления к несовершеннолетнему, а от несовершеннолетнего к преступлению. Для этого нужно нередко выяснять ряд обстоятельств, на первый взгляд, не имеющих непосредственного отношения к совершенному преступлению: успехи в спортивной секции, взаимоотношения с одноклассниками, преподавателями и т. д. [8, с. 100].

Думается, что важность установления, в каких условиях проживает, а также воспитывается несовершеннолетний, имеет принципиальную значимость для установления причин его противоправного поведения, а также способствует выявлению обстоятельств, смягчающих ответственность. Так, если подросток проживает в неблагополучной семье, условия проживания в жилище являются неблагоприятными, законные представители не участвуют в его воспитании, и рассматриваемый нами субъект совершает преступление (например, кражу), то в данном случае есть основания полагать, что преступление было совершено для удовлетворения базовых физиологических потребностей (например, потребность в пище). В данном случае, если будет установлено наличие вышеперечисленных неблагоприятных условий проживания, целесообразным видится признать преступление, совершенное вследствие стечения тяжелых личных, семейных или иных обстоятельств, что, в свою очередь, рассматривается как обстоятельство, смягчающее уголовную ответственность, предусмотренное п. 6 ч. 1 ст. 63 УК.

Альтернативным вариантом развития событий видится применение положений ст. 118 УК, согласно которой лицо, впервые совершившее в возрасте до восемнадцати лет преступление, не представляющее большой общественной опасности или менее тяжкое, может быть освобождено от уголовной ответственности с передачей его под наблюдение родителей или лиц, их заменяющих, по их просьбе, если по характеру совершенного преступления, данным о личности и иным обстоятельствам дела исправление несовершеннолетнего возможно без привлечения его к уголовной ответственности. Однако в данном случае необходимым представляется обратить внимание на то, что согласно ч. 2 ст. 118 УК передача подростка под наблюдение родителей, или лиц, их заменяющих, возможна при условии внесения последними залога, размер которого зависит от категории совершенного несовершеннолетним преступления. Сумма залога определяется с учетом материального положения родителей или лиц, их заменяющих, в пределах от десяти- до двадцатикратного размера базовой величины, установленного на день внесения залога, за преступления, не представляющие большой общественной опасности, и в пределах от двадцати- до пятидесятикратного размера базовой величины за менее тяжкие преступления. В случае совершения лицом, переданным под наблюдение, в течение года нового умышленного преступления, сумма внесенного залога поступает в доход государства [3, с. 76].

*Степень интеллектуального, волевого и психического развития.*

Интеллектуальное развитие человека представляет собой его умственные, мыслительные особенности. Отставание в умственном разви-

тии, не связанное с болезненным психическим расстройством, – это значительное отклонение от нормального уровня интеллектуального развития подростка [9]. Данную информацию лицо, ведущее производство по уголовному делу, может получить как от самого несовершеннолетнего в ходе непосредственного общения при производстве следственных и иных процессуальных действий, так и от родителей, педагогов, друзей и других лиц, а также в результате исследования соответствующих документов. Согласно п. 15 постановления № 3 при наличии данных, вызывающих сомнение в умственном развитии подростка, совершившего общественно опасное деяние, следует назначать психологическую или комплексную психолого-психиатрическую экспертизу в соответствии с требованиями ст. 226–228 УПК. На разрешение психолого-психиатрической экспертизы может быть поставлен вопрос о том, было ли способно лицо, совершившее общественно опасное деяние, признавать его фактический характер или общественную опасность. При положительном ответе врача-психиатра эксперт-психолог разрешает вопрос о том, соответствует ли умственное развитие несовершеннолетнего его возрасту, и если нет, то какому возрасту оно соответствует [4].

В случае если судом будет установлено, что лицо, не достигшее восемнадцати лет, признанное обвиняемым, вследствие отставания в умственном развитии, не связанного с психическим расстройством (заболеванием), во время совершения общественно опасного деяния было не способно признавать фактический характер или общественную опасность своего деяния, то суд, в соответствии с п. 15 постановления № 3, постановляет оправдательный приговор, руководствуясь при этом ч. 3 ст. 27 УК [4].

Не подлежит уголовной ответственности и лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, т. е. не могло признавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить ими вследствие психического расстройства (заболевания) [3, с. 19]. В данном случае стоит отметить, что производство по данной категории уголовных дел ведется по правилам гл. 46 УПК, закрепляющей особенности производства по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения.

В соответствии со ст. 29 УК определенные правовые последствия влечет и нахождение лица во время совершения общественно опасного деяния в состоянии уменьшенной вменяемости, в результате которого лицо не могло в полной мере признавать значение своих действий или руководить ими вследствие психического расстройства (заболевания). С целью разрешения указанного вопроса также необходимо проведение

судебно-психиатрической или судебной психолого-психологической экспертизы. Согласно ч. 2 ст. 29 и ч. 1 ст. 116 УК совершение лицом, в отношении которого ведется производство по правилам гл. 45 УПК, общественно опасного деяния в состоянии уменьшенной вменяемости, при назначении наказания учитывается как смягчающее ответственность обстоятельство [3, с. 19–20, 116].

В контексте анализируемого обстоятельства необходимым представляется отметить, что производство по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения осуществляется по правилам гл. 46 УПК. В рамках исследования данного обстоятельства особый интерес вызвала работа А.А. Ручины «Особенности обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве о применении принудительных мер медицинского характера в отношении несовершеннолетних». Так, автор вполне справедливо отмечает, что при ведении особого производства в отношении несовершеннолетних, страдающих психическими расстройствами (заболеваниями), должны устанавливаться обстоятельства: обстоятельства, характеризующие объективную сторону совершенного деяния, причастность лица к совершению данного деяния; характер и размер вреда, причиненного деянием; наличие у лица психического расстройства в прошлом, а также степень и характер психического заболевания в момент совершения деяния; связь психического расстройства лица с опасностью для него и окружающих, или возможностью причинения иного существенного вреда; события, послужившие основанием для совершения общественно опасного деяния; иные обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела [10, с. 32].

Тем не менее отдельные приведенные положения носят дискуссионный характер. Так, ученый считает, что к иным обстоятельствам, имеющим значение для расследования и разрешения данной категории уголовных дел, следует относить условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, психологический климат в семье, отношения с родителями и т. д. Однако при этом автор не видит необходимым установление таких обстоятельств, как возраст подростка, утверждая, что он должен быть установлен до начала особого производства, а также влияние на лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, старших по возрасту. Свою позицию он аргументирует тем, что последнее из названных обстоятельств не имеет значения при принятии решения по уголовному делу.

*Наличие взрослых подстрекателей и иных соучастников.*

Лица, не достигшие совершеннолетия, в силу их психофизических особенностей, отсутствия жизненного опыта, нередко совершают пре-

ступления под влиянием совершеннолетнего, либо же лица, пользующегося у них авторитетом. В соответствии со ст. 172 УК предусмотрена ответственность за вовлечение лицом, достигшим восемнадцати лет, заведомо несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана или иным способом. На практике такие случаи также не редкость. Так, в ходе проведения предварительного расследования по уголовному делу о хищении электродвигателя, совершенном несовершеннолетним, следователем было установлено, что совершить хищение подростку предложил его отец, после того как убедился, что в одиночку не сможет унести похищенное. Для того чтобы сын согласился, родитель его заверил, что часть вырученного от продажи похищенного пойдет на нужды подростка. В указанном случае отец несовершеннолетнего был привлечен к уголовной ответственности за совершение совокупности преступлений: кражи и вовлечения в ее совершение несовершеннолетнего сына. Подросток, в свою очередь, был также привлечен к ответственности за совершенное хищение, однако факт вовлечения был принят во внимание как обстоятельство, смягчающее ответственность подростка [11].

Таким образом, проведенный анализ действующего УПК, а также научных трудов по исследуемой теме позволяет сделать вывод о том, что под предметом доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет, следует понимать систему обстоятельств, подлежащих выяснению с учетом специфики социально-психологических признаков данной категории лиц, которые требуются для верного разрешения уголовного дела и решения задач уголовного процесса.

В настоящее время существует ряд процессуальных гарантий, предоставляемых несовершеннолетним в целях защиты их прав и законных интересов. В их число входит и расширенный перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, закрепленный в ч. 1 и ч. 2 ст. 89 УПК, который позволяет лицу, ведущему уголовный процесс, более детально изучить все те факторы, которые могли способствовать совершению преступления несовершеннолетними. Однако на сегодня в отечественном УПК отсутствует перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения в отношении лиц, не достигших совершеннолетия. Думается, что в целях обеспечения надлежащей защиты прав несовершеннолетних, совершивших предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние в состоянии невменяемости или заболевших психическим расстройством (заболеванием) после совершения преступления, целесообразным будет закрепление в

УПК указания на то, что в описанных ситуациях установлению по делу должны подлежать обстоятельства, перечисленные в ч. 1, 2 ст. 89, а также в ч. 2 ст. 443 УПК. Представляется, что указанный подход позволит лицу, ведущему уголовный процесс, всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства совершенного общественно опасного деяния, с учетом возрастных особенностей личности несовершеннолетнего и имеющегося у него психического расстройства (заболевания).

#### Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : по состоянию на 9 сент. 2021 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2021. – 480 с.
2. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [Электронный ресурс] : Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/beijing\\_rules.shtml/](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml/). – Дата доступа: 10.06.2022.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : по состоянию на 5 янв. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 303 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» [Электронный ресурс] / Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-ONLINE». – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=s20200003>. – Дата доступа: 11.06.2022.
5. Якубель, М.М. Некоторые теоретико-правовые вопросы установления возраста подозреваемого, обвиняемого при производстве по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних [Электронный ресурс] / М.М. Якубель // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики : сб. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: Ю.П. Шаплеров (пред.) [и др.]. – Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – С. 196–200.
6. Указ Президента Республики Беларусь от 3 июня 2008 г. № 294 «О документировании населения Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. – Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-ONLINE». – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=p30800294>. – Дата доступа: 14.06.2022.
7. Гуковская, Н.И. Расследование и судебное разбирательство дел о преступлениях несовершеннолетних / Н.И. Гуковская, А.И. Долгова, Г.М. Миньковской. – М., 1974. – 107 с.
8. Рыбальская, В.Я. Уголовно-правовое, уголовно-процессуальное и виктимологическое понятие потерпевшего // В.Я. Рыбальская. – М. : Правоведение, 1976. – № 3. – 125 с.
9. Процессуальные особенности расследования преступлений несовершеннолетних [Электронный ресурс] / STUDMED.RU. – Режим доступа: [https://www.studmed.ru/shimanovskiy-vv-processualnye-osobennosti-rassledovaniya-prestupleniy-nesovershennoletnih\\_5266022c6ae.html](https://www.studmed.ru/shimanovskiy-vv-processualnye-osobennosti-rassledovaniya-prestupleniy-nesovershennoletnih_5266022c6ae.html). – Дата доступа: 15.06.2022.

[www.studmed.ru/shimanovskiy-vv-processualnye-osobennosti-rassledovaniya-prestupleniy-nesovershennoletnih\\_5266022c6ae.html](https://www.studmed.ru/shimanovskiy-vv-processualnye-osobennosti-rassledovaniya-prestupleniy-nesovershennoletnih_5266022c6ae.html). – Дата доступа: 15.06.2022.

10. Ручина, А.А. Особенности обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве о применении принудительных мер медицинского характера в отношении несовершеннолетних / А.А. Ручина // Полиц. деятельность. – 2019. – № 3. – С. 27–34.

11. Ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение и совершение преступления [Электронный ресурс] / Ошмянский районный исполнительный комитет. – Режим доступа: <https://oshmiany.gov.by/ru/>. – Дата доступа: 16.06.2022.

УДК 347.1

**И.Ю. Бернацкий**, курсант факультета криминальной милиции

Научные руководители – кандидат юридических наук, профессор *Д.А. Колбасин*, кандидат юридических наук *Р.Ю. Березнёв*

#### АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СВЯЗИ С ЦИФРОВИЗАЦИЕЙ СФЕРЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В современном мире цифровые технологии оказывают существенное влияние на все сферы жизнедеятельности общества. При этом сравнительно недавно современная «цифровая революция» распространилась и на систему права, затрагивая наиболее важные ее институты. Так, применяемые в самых разнообразных областях жизни общества передовые цифровые технологии, под которыми мы понимаем искусственный интеллект (Artificial intelligence), блокчейн (Blockchain), виртуальную реальность (Augmented reality), цифровые технологические платформы (агрегаторы), а также связанные с ними иные технологии, стали фундаментом для формирования новых общественных отношений, регулирование которых происходит через призму гражданского законодательства.

Представляется необходимым отметить, что внедрение вышеуказанных технологий обусловили повышенное внимание к проблематике их использования в сфере гражданских правоотношений. Вместе с тем обратим внимание на тот факт, что актов законодательства, непосредственно направленных на регулирование отношений, возникающих в сфере интеллектуальной собственности с учетом складывающейся циф-

ровизации, не наблюдается. Однако, как на международной арене, так и в рамках отечественного законодательства существуют нормативные правовые акты, объектом регулирования которых выступают отношения, складывающиеся в цифровой сфере в целом, т. е. определяющие основные правовые понятия, категории, институты. Кроме этого, возрастает интерес ученых к общетеоретическим и научно-практическим исследованиям, в том числе, в сфере интеллектуальной собственности, которая, на наш взгляд, подвергалась наибольшему воздействию. В частности, мы ведем речь о том, что на сегодня новые технологии породили значительное количество вопросов в сфере интеллектуальной собственности, решать которые необходимо в кратчайшее время.

Ведя речь о международных правовых актах, стоит обратить внимание на Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12, которым были утверждены Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г. [1]. В отечественном законодательстве следует отметить Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет о развитии цифровой экономики) [2]. Целесообразно также учитывать Указ Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» [3].

В современной науке отдельные аспекты проблематики, связанной с цифровизацией сферы интеллектуальной собственности, нашли свое отражение в научных трудах О.А. Бакиновской, Р.Ю. Березнёва, Н.Л. Бондаренко, В.С. Каменкова, Ю.Г. Конаневича, С.С. Лосева, С.Г. Мухина, Л.М. Рябцева, А.В. Чигилейчика и др. Однако вынуждены констатировать, что отдельные вопросы, связанные с цифровизацией сферы интеллектуальной собственности, как отечественными, так и зарубежными авторами рассмотрены не были.

Прежде всего необходимо отметить, что термин «цифровая среда» уже является неотъемлемым элементом в жизни каждого человека. Вместе с тем однозначного мнения по поводу того, что все-таки является цифровой средой, не наблюдается. Уже на протяжении многих лет ученые проводят исследования над определением сущности интересующей нас категории. Так, в отдельных научных изданиях цифровую среду рассматривают как совокупность информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и необходимой информационной инфраструктуры. В свою очередь, информационная инфраструктура включает в себя объекты информатизации, информационные системы, сайты в сети Интернет и т. п. [4].

Наиболее удачным видится определение, представленное В.И. Блиновым, который рассматривает цифровую среду как «систему условий и возможностей, подразумевающей наличие информационно-коммуникационной инфраструктуры и предоставляющей человеку набор цифровых технологий и ресурсов для самореализации, личностно-профессионального развития, решения бытовых и профессиональных задач» [5, с. 77].

Обратим внимание, что на сегодня правовую основу гражданских отношений в сфере интеллектуальной собственности составляют нормативные правовые акты Республики Беларусь и международные договоры.

В рамках международно-правового регулирования особый интерес представляют Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности (подписана в Стокгольме 14 июля 1967 г.) [6], Соглашение о сотрудничестве по пресечению правонарушений в области интеллектуальной собственности (подписана в Москве 6 марта 1998 г.) [7] и некоторые другие.

Рассматривая отечественное законодательство, стоит обратить внимание на тот факт, что основополагающие начала правовой охраны интеллектуальной собственности находят свое отражение в ст. 51 Конституции Республики Беларусь [8]. Кроме этого, результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них, нашли закрепление в Гражданском кодексе Республики Беларусь (ГК). Данному вопросу в ГК посвящен разд. V «Интеллектуальная собственность» [9].

Более того, следует акцентировать внимание на том, что регулирование отношений, связанных с интеллектуальной собственностью, в силу их многозначительности и многогранности, не исчерпывается вышеуказанными актами законодательства. В настоящее время имеются и специальные акты законодательства. В контексте исследуемой проблематики особый интерес вызывают законы Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» [10], «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» [11], «О товарных знаках и знаках обслуживания» [12].

Несмотря на значительное количество нормативных правовых актов, вынуждены констатировать, что в современном мире наблюдается отсутствие как на международной арене, так и в отечественном законодательстве нормативных правовых актов, объектом регулирования которых выступают правоотношения, возникающие в сфере интеллектуальной собственности в условиях цифровой среды.

Однако, как уже было отмечено ранее, на сегодня прослеживается отсутствие правового регулирования отношений, складывающихся в сфере интеллектуальной собственности в условиях цифровизации. При



этом интенсивность наблюдаемых тенденций детерминирует необходимость разработки новых подходов к правовому регулированию складывающихся правоотношений.

В частности, на сегодня возникают вопросы, связанные с закреплением принципов, на которых будет строиться деятельность, направленная на создание объектов интеллектуальной собственности, принимая во внимание веяния современной реальности; определением ИИ как субъекта, деятельность которого порождает продукты интеллектуальной собственности; появлением новых способов защиты объектов интеллектуальной собственности на современном этапе развития инновационных технологий.

Следует согласиться с Н.Л. Бондаренко и Ю.Г. Конаневичем, которые указывают на необходимость трансформации правовой доктрины и уход от советских догматов при построении современной системы права [13, с. 66].

Проанализировав отечественную и зарубежную доктрину, нормативные правовые акты Республики Беларусь и иностранных государств, можно сделать следующие выводы.

1. Под цифровой средой стоит понимать систему условий и возможностей, подразумевающей наличие информационно-коммуникационной инфраструктуры и предоставляющей человеку набор цифровых технологий и ресурсов для самореализации, личностно-профессионального развития, решения бытовых и профессиональных задач. Кроме того, видится целесообразным рассматривать цифровую среду для гражданских правоотношений с положительной точки зрения, поскольку она выводит их на совершенно «новый уровень», предоставляя их участникам ряд возможностей, о которых еще недавно человечество могло только мечтать. Однако это, в свою очередь, обуславливает необходимость адаптации правовых норм, направленных на регулирование данных правоотношений.

2. В целях совершенствования деятельности участников правоотношений, складывающихся в сфере интеллектуальной собственности в условиях цифровизации, видится целесообразным рассмотреть возможность структурной унификации всех норм, регламентирующих особенности данного вида деятельности в рамках одного нормативного правового акта – Кодекса Республики Беларусь об интеллектуальной собственности.

3. В рамках оптимизации действующего законодательства видится необходимым дополнить основополагающие начала гражданского законодательства следующими принципами: баланс прав и законных интересов при использовании возможностей цифровой среды; приоритет

привлечения отечественных организаций (компаний) по обработке и хранению различных данных (в том числе в сфере интеллектуальной собственности) на территории Республики Беларусь в целях обеспечения суверенитета и национальной безопасности государства; запрет лишения или сокращения объема личных неимущественных и имущественных прав, а также свобод по сравнению с существовавшими до внедрения новых технологий; недопустимость дискриминации лиц, не имеющих доступа к цифровым технологиям.

4. Несмотря на возможности ИИ на сегодня, полагаем, признание собственника ИИ автором «труда», созданного ИИ, а сами инновационные технологии следует рассматривать исключительно как инструмент получения продукта интеллектуального труда.

5. Целесообразным видится рассмотрение возможности закрепления отдельных видов цифровых знаков (токенов) – взаимозаменяемых и невзаимозаменяемых, а также определить их правовой режим. Кроме этого, учитывая уникальность NFT, представляется рациональным рассматривать их как индивидуально-определенные вещи. В свою очередь, отсутствие четкой регламентации правовой природы NFT позволяет рассматривать их с объектом интеллектуальной собственности, с патентом, удостоверяющим право на изобретение, полезную модель, промышленный образец, а с другой стороны – с ценной бумагой.

#### Список использованных источников

1. Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года [Электронный ресурс] : Решение Высш. Евраз. экон. совета, 11 окт. 2017 г., № 12 // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-ONLINE». – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=f91700293>. – Дата доступа: 17.03.2022.
2. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 18.03.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 1 фев. 2010 г., № 60 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 18.09.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
4. Цифровая среда (пространство) [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Обозник». – Режим доступа: [www.oboznik.ru/?p=56735](http://www.oboznik.ru/?p=56735). – Дата доступа: 10.03.2022.
5. Блинов, А.И. Дидактическая концепция цифрового профессионального образования и обучения / редкол.: А.И. Блинов [и др.]. – М. : Перо, 2019. – 98 с.

6. Конвенция, учреждающая Всемирную Организацию Интеллектуальной Собственности [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1900270>. – Дата доступа: 06.03.2022.

7. Соглашение о сотрудничестве по пресечению правонарушений в области интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/8313631>. – Дата доступа: 05.03.2022.

8. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 80 с.

9. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

10. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

11. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 дек. 2002 г., № 160-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

12. О товарных знаках и знаках обслуживания [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 февр. 1993 г., № 2181-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

13. Бондаренко, Н.Л. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторной функции государства в данной сфере / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // *Ex iure*. – 2021. – № 1. – С. 56–67.

УДК 343.1

**Н.А. Богучунус**, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *М.М. Якубель*

### **КОМПЬЮТЕРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СУЩНОСТЬ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ДОКАЗЫВАНИИ**

За последние два с половиной столетия мир прошел через три промышленные революции. Каждая из них кардинально меняла общество и жизнь людей. Во время первой появились фабрики, создавшие огромное

количество рабочих мест. Вторая подарила людям электричество, комфорт и массовое поточное производство. Третья – цифровая – открыла миру интернет, а с ним и доступ ко всей имеющейся информации.

Современные технологии присутствуют во всех сферах и становятся основой современного существования. Крупнейшие корпорации постепенно трансформируются в IT-компании, чтобы эффективно решать проблемы нового времени. Интернет и технологии умного дома в будущем позволят переложить рутинные заботы на искусственный интеллект и роботов. У человека появляется возможность получать образование в удобном формате и работать из любой точки мира. Повсеместное внедрение интернета создает рабочие места для медиаполицейских, онлайн-терапевтов и играмастеров. Решение вопросов здоровья человека потребует появления инженеров-генетиков и биофармакологов.

Однако стоит отметить, что преступность растет пропорционально развитию общества, совершенствуясь, перенимая новейшие технологии, важно, чтобы и в правоохранительной системе были закреплены механизмы, позволяющие предотвращать, раскрывать и расследовать преступления в сфере высоких технологий.

Практика использования информации, которая может быть получена из компьютерной системы или компьютерной техники, для установления обстоятельств преступлений (компьютерная информация) в уголовном процессе еще только формируется. На сегодня в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь отсутствует категория, которая позволила бы четко обозначить данный вид информации, а также не определен порядок ее получения, исследования, использования при производстве по материалам и уголовным делам.

Вопросы определения понятия, признаков, свойств цифровой и компьютерной информации исследуют в своих трудах А.П. Вершинин, В.Б. Вехов, М.В. Горелов, А.И. Зазулин, Н.А. Зигура, И.И. Карташов, С.П. Кушниренко, О.А. Лесников, И.Н. Лукьянова, П.А. Луценко, Н.Н. Лыткин, В.А. Мещеряков, М.Д. Олегов, А.В. Ткачев, М.А. Шостак и др.

В современных условиях вопросы, связанные с пониманием роли и места компьютерной информации в уголовном процессе, приобретают все большую актуальность и требуют незамедлительного разрешения. Первостепенной задачей является выработка четкого и однозначного определения категорий, связанных с данным явлением.

Проанализировав мнения и взгляды на определение такого вида информации, мы приходим к выводу, что в процессуальной науке не выработано единого термина для ее обозначения.

Так, С.П. Кушниренко предлагает использовать понятие цифровой информации, понимая под ней любую информацию, представленную в виде последовательности цифр, доступную для ввода, обработки, хранения, передачи с помощью технических устройств [1].

В.А. Мещеряков ввел понятие электронно-цифрового объекта, под которым предложил понимать систему дискретных электронных сигналов, предназначенную для обозначения какой-либо информации и представленной в форме, пригодной для ее автоматизированной обработки, хранения и передачи с использованием средств вычислительной техники (компьютеров) [2].

Существование, передача и представление компьютерной информации определяют необходимость рассмотрения и анализа понятия «компьютерная техника».

Так, под компьютерной техникой понимается техника, предназначенная в основном для реализации комплексных технологий обработки и хранения информации и является базой интеграции всех современных технических средств обеспечения управления информационными ресурсами [3].

Понятие компьютерной техники сходное с понятием коммуникационной техники, под которой понимается техника, предназначенная для реализации технологий передачи информации и предполагает как автономное функционирование, так и функционирование в комплексе со средствами компьютерной техники [4]. Следовательно, понятие «компьютерная техника» более широкое. Оно представляет собой ключевой комплекс технического обеспечения, посредством и на основе которого реализуются остальные аспекты работы с информационной системой.

На основании вышеизложенного, считаем, что более емким и содержательным понятием для обозначения сведений, имеющих значение для уголовного дела, будет выступать термин «компьютерная информация».

В уголовном процессе главенствующую роль занимает процесс доказывания, именно в ходе него представляется возможным установить наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, его совершившего, либо же его невиновность. Отметим, что в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь принято говорить о содержании и форме доказательственной информации, т. е. о доказательствах и их источниках.

Чаще всего компьютерная информация хранится и транслируется с помощью носителей информации. Но в процессе доказывания важно содержание информации, находящейся на данных носителях, а не сам носитель. Носитель является лишь средством хранения и в некоем роде

закрепления фактических данных о том или ином событии. Такой же позиции придерживаются И.И. Карташов и О.А. Лесников, отмечая, что сам по себе материальный носитель такой информации существенного значения для целей уголовного процесса не имеет, как не имеет значения форма или цвет конверта, в который упакованы материальные следы, изъятые с места преступления [5].

Отметим, что Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (УПК) не закрепляет понятия «компьютерная информация». Отдельные положения находят свое отражение в ст. 204<sup>1</sup> УПК, которая закрепляет порядок осмотра компьютерной информации. В ч. 5 вышеуказанной статьи закреплено, что осмотр компьютерной информации, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, изъятых при производстве процессуальных действий, санкционированных прокурором, проводится без санкции прокурора [6].

Таким образом, согласно ст. 204<sup>1</sup> УПК предполагается, что в числе носителей компьютерной информации могут выступать компьютерные системы, сети, машинные носители.

В целях будущей оптимизации процесса доказывания по уголовным делам предлагается в последующем отказаться от разделения сущностного понимания доказательства на его содержание и форму, выделив самостоятельные виды доказательств, в том числе нормативно закрепить компьютерную информацию как отдельный вид доказательства.

Наиболее часто в уголовном процессе компьютерная информация используется в виде электронного документа. Вопрос о юридической природе такого вида компьютерной информации, как электронный документ остается дискуссионным.

Электронные документы по своей правовой природе наиболее близки к письменным доказательствам. Однако при введении в уголовный процесс компьютерной информации, как доказательства, электронный документ, целесообразно будет относить к одному из видов такого доказательства.

Чтобы электронный документ в уголовном процессе признавался достоверным, требуется совокупность двух основных критериев, а именно – целостность и подлинность. Под целостностью электронного документа следует понимать свойство электронного документа, определяющее, что в него не были внесены изменения и (или) дополнения, а его подлинность будет подтверждаться наличием электронной цифровой подписи.

Стоит отметить, что еще одним видом компьютерной информации можно считать сообщения в мессенджерах. Допустимость такого дока-

зательства обеспечивается верификацией/идентификацией лиц, которые участвуют в переписке. Обязательными требованиями будет являться определение подлинности текста, электронных устройств, посредством которых формировалось то или иное сообщение, а также определение формы процессуального оформления полученной информации.

Для рассмотрения сущности использования социумом возможностей мессенджеров необходимым представляется рассмотрение и определение наиболее популярных мессенджеров, существующих на сегодня.

Касаясь вопроса популярности мессенджеров в мире, ресурс Statista.com приводит следующие данные о количестве пользователей каждого мессенджера:

- 1) WhatsApp – 2 млрд пользователей;
- 2) Facebook Messenger – 1,3 млрд пользователей;
- 3) WeChat – 1,2 млрд пользователей;
- 4) QQ – 648 млн пользователей;
- 5) Telegram – 500 млн пользователей;
- 6) Discord – 300 млн пользователей;
- 7) Viber – 260 млн пользователей;
- 8) Skype – 50 млн пользователей [7].

Относительно населения Республики Беларусь, «Лаборатория Касперского» составила рейтинг наиболее популярных цифровых сервисов и мессенджеров на основе опроса белорусских пользователей. Результаты данного опроса следующие: самым распространенным мессенджером стал Viber (87 %), далее идет Telegram с 56 %, а замыкает список WhatsApp с 46 % [8].

Переписка в электронной почте также может являться видом компьютерной информации. Однако стоит отметить, что использование переписки посредством электронной почты как доказательства в уголовном процессе имеет ряд специфических особенностей. Во-первых, вопрос достоверности такой переписки, в первую очередь из-за невозможности достоверно установить лицо, которое вело переписку с использованием учетной записи. Во-вторых, изучение информации в переписке целесообразно проводить посредством компьютерной техники хотя бы одного из участников переписки, с целью исключения сбоев в работе сервиса электронной почты, а также возможного обнаружения иных следов, хранящихся непосредственно на компьютерной технике (копии архивов переписки, хранение файлов в памяти компьютера).

Таким образом, мы приходим к выводу, что с целью адаптации уголовно-процессуальных норм к современной практике распространения и использования компьютерной информации, отражения в УПК

возможности использования такой информации, как доказательства в уголовном процессе, необходимо решение следующих вопросов:

- определение и нормативное закрепление понятия компьютерной информации в уголовном процессе;
- определение признаков и видов такой информации;
- определение понятия носителя компьютерной информации;
- определение порядка работы с каждым из видов компьютерной информации в части, касающейся придания им формы доказательства в уголовном процессе.

#### Список использованных источников

1. Кушниренко, С.П. Цифровая информация, как самостоятельный объект криминалистического исследования / С.П. Кушниренко // Вестн. криминалистики. – 2006. – № 2 (18). – С. 43–47.
2. Мещеряков, В.А. Электронные цифровые объекты в уголовном процессе и криминалистике / В.А. Мещеряков // Воронежские криминалистические чтения : сб. науч. тр. // Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2004. – № 2. – С. 153–169.
3. Структура и состав информационной системы [Электронный ресурс] // STUDE.ME. Учебные материалы для студентов. – Режим доступа: [https://studme.org/296105/informatika/struktura\\_sostav\\_informatsionnoy\\_sistemy](https://studme.org/296105/informatika/struktura_sostav_informatsionnoy_sistemy). – Дата доступа: 01.06.2022.
4. Техническое обеспечение компьютерных информационных систем. Классификация технического обеспечения [Электронный ресурс] // Информационный ресурс CYBERPEDIA. – Режим доступа: <https://cyberpedia.su/14xf825.html>. – Дата доступа: 01.06.2022.
5. Карташов, И.И. Цифровая информация в уголовно-процессуальном доказывании: понятие и свойства / И.И. Карташов, О.А. Лесников // Электрон. науч. журн. «Наука. О-во. Государство». – 2020. – Т. 8, № 4 (32). – С. 73–82.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 мая 2000 г., № 377-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. № 112-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
7. Most popular global mobile messenger apps as of January 2022, based on number of monthly active users [Электронный ресурс] // Информационный ресурс Statista.Logo. – Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/258749/most-popular-global-mobile-messenger-apps/>. – Дата доступа: 02.06.2022.
8. Названы самые популярные сервисы и мессенджеры у белорусов [Электронный ресурс] // Информационный ресурс DevsDay.ru. – Режим доступа: <https://devsday.ru/news/details/381708>. – Дата доступа: 03.06.2022.

*Д.Д. Буева*, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *В.А. Чванкин*

### **ПОНЯТИЕ И ВИДЫ СЛЕДОВ СТОП БОСЫХ НОГ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ**

Развитие посредством приспособления в различных обстоятельствах – двигатель прогресса, развитие во всем: в технике, образовании, медицине, обществе, государстве и т. д. Не стоит на месте и развитие преступности, мир прогрессирует и вместе с ним преступникам приходится совершенствовать свои способы совершения преступления, орудия для совершения преступлений, так как появляются новые объекты для посягательства преступников. В связи с этим в экспертных подразделениях для выполнения своей главной задачи – раскрытие преступлений и оказание необходимой профессиональной помощи – сотрудниками следствия и органов внутренних дел также проводится постоянное совершенствование, развитие и улучшение качества выполняемой работы.

Следы стоп босых ног человека, как и следы пальцев рук, а также ладонных поверхностей являются одним из объектов обнаружения в ходе осмотра места происшествия и в последующем объектом судебной дактилоскопической экспертизы. Прежде чем раскрыть значение понятия «следы стоп босых ног», необходимо раскрыть значение более широкого понятия, а именно – понятия «след».

Понятие «след» встречается в различных отраслях в криминалистике, в том числе в дактилоскопии, в трасологии и т. д. Толкование понятия «след» рассматривается учеными как в широком, так и в узком смысле, толкование понятия также различается и в зависимости от того, какая наука дает трактовку.

#### **I. В криминалистике:**

1. В широком смысле след – это изменения, которые наступили после совершения преступления в материальной составляющей обстановки места происшествия, которые отражают взаимодействие всех объектов, их связь между друг другом и с совершенным деянием, их особенности как внешнего строения, так и внутренней структуры, дает возможность провести идентификацию объектов следообразования, устанавливать их групповую принадлежность, а также конкретные факты происшедшего события [1].

2. В узком смысле след – это отображение на одном из объектов, последствий взаимодействия во время совершения преступления с внешним строением другого объекта [2].

#### **II. В дактилоскопии:**

1. В широком смысле следы – это идентифицирующие объекты, т. е. это такие объекты, при помощи которых происходит установление тождества конкретного лица, являющегося идентифицируемым объектом [3, с. 46].

2. В Большом юридическом словаре дается определение в узком смысле: след – отпечатки папиллярных линий и узоров, которые были оставлены на различных предметах [4, с. 13].

На основе изучения и анализа вышеуказанных определений сформулировали авторское понятие «след», т. е., с нашей точки зрения, след – это изменения во внешнем и (или) внутреннем строении идентифицирующего объекта, которые были внесены при взаимодействии идентифицирующего объекта с идентифицируемым на протяжении определенного периода времени или в момент следового контакта.

Из широкого понятия «след» выведено более узкое понятие «след босой ноги».

Понятие «след босой ноги» дается и в методике проведения дактилоскопической экспертизы. След босой ноги – материально-фиксированное отображение на объекте внешнего строения подошвенной поверхности стопы ноги [5, с. 14].

В большинстве научной литературы, посвященной криминалистике, имеются аналогичные определения понятия «след босой ноги». Например, след босой ноги – это следы, которые отобразились на различных поверхностях разнообразных материальных предметов при контакте подошвенной части ступней человека с ними [6].

Однако, считаем, что для более точного и полного восприятия понятие «след босой ноги» также требует некоторой корректировки. Так, мы сформулировали авторское понятие «след стопы босой ноги». След стопы босой ноги – это материально-фиксированное отображение внешнего строения и особенностей подошвенной части стопы ноги при непосредственном соприкосновении с объектом.

Следы стоп босых ног в дактилоскопии подразделяются на несколько видов, так же, как и следы обуви человека, ног человека в носках, чулках, колготках, следы, в которых отобразились папиллярные линии, относят к объектам судебной дактилоскопической экспертизы, все остальные следы ног человека с неотобразившимися в них папиллярными линиями являются объектом судебной трасологической экспертизы [7, с. 6]. При этом следует отметить, что если след стопы босой ноги не-

пригоден для проведения идентификации личности в рамках судебной дактилоскопической экспертизы, то по потожировому веществу также могут назначить и биологическую экспертизу.

В дактилоскопии ученые выделяют несколько видов следов стоп босых ног, сами же виды, в свою очередь, образовались в связи с множеством вариационных ситуаций образования следа. Исходя из этого, существуют следующие виды следов стоп босых ног:

1. На основании направления и характера движения человека следы подразделяются [8]:

- а) на статические;
- б) динамические.

*Статические следы стоп босых ног* – образуются, когда следообразующий и следовоспринимающий объекты находятся в состоянии покоя, на этапе, когда их движение по отношению друг к другу при следовом контакте на определенный момент времени останавливается. Статические следы характеризуются формой, размерами, различными особенностями внешнего строения следообразующего объекта. Данные следы образуются при окончании движения, но оно может продолжаться и дальше, в этом случае могут отобразиться и признаки динамического следа (человек наступил ногой в грунт, постоял и продолжил движение). Из-за этого отображение, детали внешнего строения следообразующего объекта могут быть видоизменены, а данный факт важен и его необходимо учитывать при проведении судебной дактилоскопической экспертизы.

*Динамические следы стоп босых ног* – след, полученный при движении обоих объектов следообразования или одного из них, например, беговая дорожка выступает в роли следовоспринимающего объекта, а стопа человека – в роли следообразующего объекта, оба участника следообразования движутся, вследствие чего мы получаем динамический след.

2. В зависимости от того, на какой поверхности был оставлен след, следы подразделяются [9, с. 30]:

- в) на объемные;
- г) поверхностные.

*Объемные следы стоп босых ног* – следы, которые были оставлены следообразующим объектом (босой ступней ноги человека) на такой поверхности (следовоспринимающем объекте), на которой след можно будет измерить в трех различных размерах (ширина, глубина, длина). Объемный след может образовываться в двух ситуациях по отношению к следовоспринимающему объекту. Первое – следовоспринимающий объект обладает достаточной пластической деформацией (следообразующий объект спрессовывает материю следовоспринимающего объекта

при их взаимодействии). Вторым вариантом – это когда следовоспринимающий объект разрушается при взаимодействии со следообразующим объектом, но при этом место разрушения принимает форму следообразующего объекта и другие параметры, особенности [10, с. 24].

*Поверхностные следы* делятся на виды:

1. Поверхностные следы наслоения;
2. Поверхностные следы отслоения;
3. Поверхностные следы термического или светохимического изменения.

Поверхностные следы стоп босых ног измеряются двумя величинами – шириной и длиной, которые характеризуют поверхностное строение следообразующего объекта. Сами же поверхностные следы делятся на следы отслоения, наслоения и иные [11, с. 44].

*Следы отслоения* – следы, образованные в момент, когда следообразующий объект или забирает часть покрытия или находящегося сверху материала на следообразующем объекте или вовсе его уничтожает (частично или полностью).

*Следы наслоения* – следы, образованные при наложении, переносе материала с поверхности следообразующего объекта или отвалившегося от него материала (на стопе, например, была грязь, сухая или свежая краска и т. д., при контакте следообразующего объекта со следовоспринимающим она отвалилась), в первом и во втором случае материал может переноситься как частично, так и полностью.

Поверхностные следы могут также возникнуть и после термического, светохимического, фотохимического и других воздействий. Вещество, которое наслоилось, отслоилось при следообразовании или появилось на поверхности после различных воздействий, иногда может само выступать в качестве следа, такие следы также пригодны для идентификации.

3. В зависимости от степени различимости следы делятся [12, с. 65]:

- а) на видимые;
- б) невидимые;
- в) слабовидимые.

*Видимые следы* – следы, которые человек видит невооруженным глазом, при обычном, повседневном освещении.

*Невидимые следы* – следы, которые мы невооруженным глазом не видим, например, из-за того что следы сливаются с фоном, и чтобы их увидеть, необходимо применить различные методы (например, химические, физические и т. п.) в зависимости от ситуации.

*Слабовидимые следы* – следы, которые человек не может увидеть, если не поменяет приемы наблюдения или свет, иногда достаточно просто посмотреть под другим углом, если, например, след на стекле.

4. По месту нахождения следы делятся [13, с. 55]:

- а) на локальные;
- б) периферические.

*Локальные следы* – следы, возникающие в пределах следового контакта слеодообразующего объекта со следовоспринимающим объектом.

*Периферические следы* образуются при изменениях, происходящих на поверхности следовоспринимающего объекта за границами его контактного взаимодействия со слеодообразующим объектом.

Таким образом, на основе изучения криминалистической и специальной литературы нами обобщены и систематизированы теоретические знания по понятию «след босой ноги» и основным видам следов, сделана их классификация, сформулировано авторское определение понятий «след» и «след стопы босой ноги».

#### Список использованных источников

1. Следы [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://studref.com/466402/pravo/kriminalisticheskoe\\_issledovanie\\_sledov#:~:text=Следы%20%20это%20наступившие%20в,условия%20и%20обстоятельства%20происшедшего%20события.](https://studref.com/466402/pravo/kriminalisticheskoe_issledovanie_sledov#:~:text=Следы%20%20это%20наступившие%20в,условия%20и%20обстоятельства%20происшедшего%20события.) – Дата доступа: 15.05.2022.
2. Криминалистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://studwood.ru/1179936/pravo/opredelenie\\_sleda\\_shirokom\\_uzkom\\_smysle](https://studwood.ru/1179936/pravo/opredelenie_sleda_shirokom_uzkom_smysle). – Дата доступа: 18.05.2022.
3. Корноухов, В.Е. Дактилоскопическая экспертиза: современное состояние и перспективы развития / В.Е. Корноухов, В.К. Анциферова, Г.П. Морозова. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. – 416 с.
4. Эджубова, Л.Г. Статистическая дактилоскопия / под ред. Л.Г. Эджубова. – М. : Формула права, 1999. – 68 с.
5. Методика проведения дактилоскопической экспертизы / Реестр методических материалов в области судебно-экспертной деятельности // Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь, код 020.001.0005.
6. Криминалистическое исследование следов ног [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://crimlib.info/Криминалистическое\\_исследование\\_следов\\_ног](https://crimlib.info/Криминалистическое_исследование_следов_ног). – Дата доступа: 01.06.2022.
7. Миронов, Л.И. Трасологическое исследование следов рельефа кожи человека / Л.И. Миронов. – М. : ВНИМОП МООП СССР, 1968. – 27 с.
8. Криминалистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://asologiya.html#:~:text=Статичесstudopedia.ru/9\\_93801\\_kriminalisticheskaya-trskie%20следы%20образуются%20в%20момент,особенности%20внешнего%20строения%20слеодообразующего%20объекта.](https://asologiya.html#:~:text=Статичесstudopedia.ru/9_93801_kriminalisticheskaya-trskie%20следы%20образуются%20в%20момент,особенности%20внешнего%20строения%20слеодообразующего%20объекта.) – Дата доступа: 25.05.2022.
9. Анищенко, И.А. Трасология и судебная трасологическая экспертиза : учеб. пособие / И.А. Анищенко [и др.] ; под общ. ред. В.Н. Смоленчука ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2018. – 520 с.

10. Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза : практ. пособие / И.А. Анищенко [и др.] ; под ред. И.А. Анищенко ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2010. – 135 с.

11. Пророков, И.И. Криминалистическая экспертиза следов : учеб. пособие для вузов МВД СССР (трасологические исследования) / И.И. Пророков ; отв. ред. А.Ф. Вольнский. – Волгоград, 1980. – 286 с.

12. Аленичев, П.Н. Криминалистическая экспертиза: Трасология : учебник. Вып. 6 / П.Н. Аленичев, В.С. Аханов, И.Е. Зуев, А.И. Миронов [и др.] ; под ред.: Г.А. Самойлова. – М. : Изд-во ВШ МООП СССР, 1968. – 248 с.

13. Майлис, Н.П. Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Судеб. экспертиза» / Н.П. Майлис, К.В. Ярмак, В.В. Бушуев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2017. – 264 с.

УДК 343.985

**Н.Г. Букшта**, выпускник факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук  
**А.М. Шинкевич**

#### ТЕРРОРИЗМ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Идея террора появилась еще в Ветхом Завете. Первым в истории ярким проявлением терроризма было восстание зилогов против римской экспансии в Иудею. Восстание проходило под религиозным знаменем – противостояния иудейского монотеизма римскому государственному язычеству, действительным основанием для возмущения и восстания явилась политическая подкладка, римская экспансия, захват власти, изменение образа жизни и верований завоеванных народов. Религиозные лозунги стали объединяющим центром, именно «вера делала иудейских повстанцев не только не боящимися смерти, но и ищущими ее на поле боя» [3, с. 33].

В истории человеческого общества довольно мало найдется спокойных периодов, войны, восстания, социальные и природные катаклизмы нарушают спокойное привычное течение жизни. Именно в эти периоды население в целом либо отдельные социальные группы выражают свое недовольство правителями, властью, проводимой политикой.

Политическое устройство и уклад жизни населения всегда взаимосвязаны. Нарушение любой структуры, в том числе и социальной, влечет за собой процесс возмущения, возвращение системы в равновесное

состояние, для чего необходимо устранить причины возмущения. Крайним способом устранения причин нарушения системы как раз и является терроризм. И пока этот факт не будет признан, борьба с терроризмом будет сводиться к бесполезным метаниям по поводу уже свершившихся фактов.

Террор является одной из острейших проблем человечества на рубеже XX–XXI вв. Террористические акты происходят по всему миру практически ежедневно, они стали страшной реальностью жизни многих стран. Для некоторых регионов террор превратился в серьезную преграду на пути развития экономики, государственности и общества в целом. Проблема терроризма как негативного общественного явления чрезвычайно актуальна на сегодня и для Беларуси. Нельзя не согласиться с мнением, что терроризм «представляет глобальную угрозу современной международной безопасности, безопасности личности, общества и государства» [1, с. 3]. Неслучайно отечественные ученые уже стали называть террор «чумой XXI века» и даже «врагом № 1» человечества.

В настоящее время имеется большое число исследований, посвященных теме терроризма и борьбы с ним, однако по многим вопросам, касающимся данной проблемы, единство мнений отсутствует. Нет даже единого определения самого понятия «терроризм», хотя можно встретить более сотни существующих дефиниций этого термина как в законодательствах различных стран, так и в научной литературе.

Терроризм (от лат. *terror* – страх, запугивание) – это форма политического экстремизма, применение или угроза применения жестоких методов насилия, включая физическое уничтожение людей, запугивание правительства и населения для достижения определенных целей [7, с. 32]. Нормы международного права отвергают политическую мотивированность актов терроризма и регламентируют всестороннее межгосударственное сотрудничество в противодействии этому злу против человечества [6, с. 188].

Правовую основу в противодействии терроризму составляют Конституция Республики Беларусь, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Республики Беларусь и иные нормативные правовые акты.

В законодательстве Республики Беларусь **терроризм** определяется как социально-политическое **криминальное явление**, представляющее собой **идеологию и практику применения насилия или угрозы насилем** в целях оказания воздействия на принятие решений органами власти, воспрепятствования политической или иной общественной деятельности, провокации международных осложнений или войны, устраниения населения, дестабилизации общественного порядка [5].

В Беларуси предусмотрена уголовная ответственность по ст. 340 «Заведомо ложное сообщение об опасности», ст. 289 «Акт терроризма» и ст. 290 «Угроза совершением акта терроризма» Уголовного кодекса Республики Беларусь [12].

До настоящего времени среди ученых нет единого мнения в определении терроризма. Существует огромное количество определений. И.В. Михеев в своей работе указывает, что их уже «около двухсот». Такое положение дел он объясняет «как сложностью самого явления, которым является терроризм, так и факторами субъективного характера, существующими на внутригосударственном и международном уровнях» [11].

Отсутствие единого определения терроризма связано не только с тем, что существуют различные трактовки этого сложного явления, но и с различным пониманием того, кого необходимо отнести к террористам, поэтому часто происходит произвольная трактовка самого понятия терроризма и неоправданное его расширение. В результате проявлением терроризма начинают считать любое проявление насилия. Одновременно с этим наблюдается и неоправданное сужение понятия терроризма, дабы к нему не отнести деяния так называемых легитимных борцов за свободу.

Большинство специалистов, исследующих проблему террора, ставят под сомнение возможность появления единого определения терроризма в обозримом будущем, а историк и политолог Уолтер Лакер считает, что единого определения терроризма вообще никогда не будет найдено, поскольку «существует не одна, а множество форм терроризма, которые значительно отличаются друг от друга в зависимости от времени и пространства, а также по мотивации, проявлениям и целям» [4, с. 21].

Фактически такого же мнения придерживается и российский специалист по проблеме террора О.В. Будницкий: «По-видимому, дать некое всеобщее определение терроризма весьма затруднительно (если вообще возможно), хотя очевидно, что его неотъемлемыми чертами действительно являются угроза жизни и безопасности людей и политическая мотивировка применения насильственных действий» [10].

В терроризме обычно выделяют три направления: националистический, религиозный и социальный. На практике все эти виды, как правило, переплетаются друг с другом. Терроризм – явление многоликое: и социальное, и политическое, и психологическое. Он всегда представляет собой реакцию части общества на определенные процессы, происходящие в какой-либо стране, регионе или мире в целом. Стремительное развитие современной цивилизации повлекло за собой обострение множества глобальных проблем. Как отмечает в своих трудах С.У. Дикаев,



«наличие в мире множества террористических организаций и их активизация отражают процесс усложнения международных противоречий, возникновение и существование многоплановых международных конфликтов, вовлечение в них все большего числа этносов, государств и конфессий» [2, с. 5].

В 2022 г. беспокойство со стороны мирового сообщества вызвано большим количеством жертв террористов и огромным ущербом, наносимым терактами. Сегодня никто не застрахован от терроризма: ни высокоразвитые страны, ни отстающие в своем развитии государства с различными режимами и устройством. Новые средства связи, интернациональный образ жизни современного общества, новейшие виды вооружений ослабляют значимость государственных границ и многих средств, ранее защищавших от терроризма. Многообразие террористической деятельности все больше возрастает, все больше приобретает характер национальных, религиозных, этнических конфликтов, сепаратистских и освободительных движений.

В современных условиях террористическая деятельность характеризуется:

четкой организационной структурой, состоящей из руководящего и оперативного звена, различных подразделений (разведка и контрразведка, группа материально-технического обеспечения, боевые группы и группы прикрытия);

большим масштабом и размахом, отсутствием четко выраженных государственных границ;

взаимодействием с международными террористическими центрами и организациями;

тщательной вербовкой, профессиональной конспирацией;

наличием информаторов в органах власти и правоохранительных органах;

техническим оснащением, которое конкурирует, а то и превосходит оснащение государственных армий;

наличием целой сети учебных полигонов и различных укрытий и др.

С использованием современных средств ведения войны (в том числе и информационные) международные террористы умело навязывают народам свои идеи и оценки различных ситуаций, привлекают в свои ряды молодых людей и профессиональных наемников. Терроризм нашего времени – это уже не столько диверсанты-одиночки, убийцы-камикадзе и угонщики самолетов. Современный терроризм представляет собой мощные структуры, с должным оснащением и вооружением. Примеры на Ближнем Востоке показывают, что современный терроризм с помощью спонсоров и доноров может вести диверсионно-террористическую

войну, принимать участие в крупных вооруженных конфликтах. К тому же терроризм стал весьма прибыльным бизнесом в глобальном масштабе. В этой сфере появился развитый «рынок труда» [9, с. 88].

На сегодня одной из наиболее популярных разновидностей терроризма в мире, в частности и в Республике Беларусь, является «свагинг». Его используют для запугивания граждан, *дестабилизации* деятельности *органов власти, учреждений образования, организаций, предприятий и т. д.*

«Свагинг» – это тактика домогательства, которая заключается во введении аварийно-спасательной службы в заблуждение (например, путем мистификации, направленной против диспетчера соответствующей спасательной службы) [8].

Подводя итог, можно отметить, что терроризм существовал на протяжении всей истории существования человека на земле. Среди ученых нет единого мнения относительно конкретного периода его возникновения, а также самого понятия «терроризм». Белорусский законодатель под терроризмом понимает социально-политическое **криминальное явление**, представляющее собой **идеологию и практику применения насилия или угрозы насилием** в целях оказания воздействия на принятие решений органами власти, воспрепятствования политической или иной общественной деятельности, провокации международных осложнений или войны, устрашения населения, дестабилизации общественного порядка. Терроризм, как фактор политической дестабилизации, подрывает систему государственной власти и управления, влияет на эффективность управления обществом, регулирование социально-политическими процессами. Он является питательной средой для образования и поддержки оппозиционных образований, ослабляет государственные и общественные структуры. Террористическая деятельность всегда нацелена на принятие политического решения или отказа от него в интересах террористов посредством дестабилизации социально-политической обстановки в обществе путем устрашения, давления и насильственных действий.

#### Список использованных источников

1. Бельский, В.Ю. Терроризм как социально-политическое явление. Противодействие в современных условиях / В.Ю. Бельский, А.Ю. Сацута. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 367 с.
2. Дикаев, С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое уголовно-правовое исследование) / С.У. Дикаев. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. – 486 с.
3. Калика, А. Россия должна избежать «палестинизации» / А. Калика // НГ-Дипкурьер. – 2004. – С. 31–36.

4. Лакер, У. Терроризм: краткая история / У. Лакер // Интелрос. – 2007. – № 5. – С. 21–24.
5. О борьбе с терроризмом : Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2002 г. № 73-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2018 г. № 90-3. – Минск : Амалфея, 2021.
6. Рыжов, В.Б. Международная преступность: понятие, доктринальное и правовое обоснование методов противодействия ей на современном этапе / В.Б. Рыжов // Образование и право. – 2018. – № 4. – С. 183–193.
7. Сараев, Н.В. Стратегия борьбы с современным терроризмом / Н.В. Сараев, А.В. Чекина // Отечеств. юриспруденция. – 2017. – № 1 (15). – С. 32–34.
8. Сватинг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сватинг>. – Дата доступа: 16.06.2022.
9. Светличный, С.А. Терроризм в современной истории / С.А. Светличный // Междунар. науч.-исслед. журн. – 2013. – № 12 (19). – С. 88–90.
10. Терроризм: история и современность. Статья первая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scienceport.ru/library/-literature/151-terrorizm%3A-istoriya-i-sovremennost-statya-pervaya-%28o-v-budnitskiy%29/?PRINT=Y>. – Дата доступа: 13.06.2022.
11. Терроризм: понятие, ответственность, предупреждение (уголовно-правовое исследование) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://knigogid.ru/books/1790073-terrorizm-ponyatie-otvetstvennost-preduprezhdenie-ugolovno-pravovoe-issledovanie/toread>. – Дата доступа: 08.06.2022.
12. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-3 (ред. от 11.11.2019 г.) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 15.10.1999, № 76, 2/50.

УДК 343.985

**Н.Г. Букита**, выпускник факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *В.И. Пикта*

### СУЩНОСТЬ И ПРИРОДА «ФОРЕНЗИКИ»

В конце 1970-х гг. с появлением первых персональных компьютеров (ПК), предназначенных для эксплуатации одним пользователем в его личных интересах, началась массовая компьютеризация и информатизация общества, а с развитием в начале 1990-х гг. глобальной сети Интернет стало возрастать количество преступлений (киберпреступлений), осуществляемых с использованием ПК посредством глобальной сети Интернет.

Киберпреступления – это преступная деятельность, целью которой является неправомерное использование компьютера, компьютерной сети или сетевого устройства [1]. В настоящее время спектр видов киберпре-

ступлений обширен. С использованием глобальной информационной сети Интернет такие виды преступлений, как кибертерроризм, кибербуллинг, груминг, сватинг, кибермошенничество, интернет-шпионаж, киберсталкинг и другие преступления не имеют государственных границ и могут легко совершаться с компьютерной системы одного государства в отношении субъектов другого государства.

Для борьбы с нарастающей проблемой киберпреступности организовали новый раздел криминалистики – компьютерная криминалистика. В США компьютерная криминалистика получила название «*computer forensics*», что дословно переводится как «компьютерная экспертиза». При заимствовании слова из английского языка произошло сужение значения, поэтому в русском языке слово «форензика» означает не криминалистику в общем, а именно компьютерную криминалистику [2].

В настоящее время благодаря техническому прогрессу все больше сфер жизни общества подвергаются цифровизации, и следственная деятельность не исключение. Поскольку цифровизация является массовым явлением, это не могло не сказаться и на росте киберпреступности, что является ключевой предпосылкой и необходимостью для научных разработок, направленных на совершенствование законодательства в сфере противодействия преступности в сети Интернет, а также для расследования и раскрытия киберпреступлений. В работах современных ученых содержатся различные точки зрения относительно сущности и природы «форензики», большинство из них придерживаются узконаправленных частных теорий. При этом для них не имеют значения ни наименование, ни структурная характеристика.

Н.Н. Федотов – один из первых отечественных криминалистов, предложивший использовать термин «форензика». Позиция данного криминалиста состоит в том, что «форензика» – это подраздел криминалистики, который является прикладной наукой о раскрытии преступлений, связанных с компьютерной информацией, об исследовании доказательств в виде компьютерной информации, методах поиска, получения и закрепления таких доказательств [3, с. 11].

В Республике Беларусь направление компьютерной криминалистики находится на начальных этапах своего развития, однако в зарубежных государствах оно уже достаточно усовершенствовано и даже классифицируется на виды:

«Компьютерная форензика» осуществляет анализ оперативной памяти, жесткого диска, реестра, журналов операционной системы;

*Network forensics* занимается расследованием в области сетевого стека;

*Forensic data analysis* анализирует файлы, структуры данных и бинарные последовательности, которые остались после атаки или использовались при вторжении;

*Mobile device forensics* изучает особенности извлечения данных из iOS и Android;

*Hardware forensic* данное направление наиболее сложно, именно поэтому и менее популярно. Оно осуществляет экспертизу аппаратного обеспечения и технических устройств. Например, исследует работу скиммера, который установлен в банкомате или диапазон частот работы Wi-Fi передатчика. Особенностью форензики является то, что следы киберпреступления, как правило, нематериальны, а значит их изучение не сможет провести обычный криминалист, не обладающий познаниями в сфере IT-технологий. Именно поэтому для выявления механизма следообразования такого вида следов необходимо привлекать специалиста из сферы IT-технологий.

Стоит отметить и связь форензики с другими науками. К числу таких наук относятся:

кибернетика и информатика: разделы криптографии, стенографии, защиты информации, искусственного интеллекта и т. д.;

уголовное право: содержит составы конкретных киберпреступлений;

уголовный процесс: регламентация порядка производства и доказывания, связанных с процессом расследования киберпреступлений;

информационное право: теоретические разработки в области понятий информации, информационных технологий и информационных правоотношений;

судебная экспертиза: методики производства соответствующих экспертиз, к числу которых, в частности, относится судебная компьютерно-техническая экспертиза.

В структуре киберпреступлений преобладают мошенничества и кражи. Для совершения преступлений используются ресурсы глобальной сети Интернет и других средств анонимного общения. Весь интернет можно разделить:

на *Surface Web* (видимый, индексируемый);

*Deep Web* (доступный, не индексируемый);

*Dark Web* (не доступный, не индексируемый).

*Surface Web* – это часть интернета, которой пользуется абсолютное большинство пользователей, на нем зарегистрированы официальные сайты государственных органов, легальных коммерческих организаций, он составляет примерно 4 % от общего пространства. Все запросы и

материалы индексируются и доступны через Yandex, Yahoo, Google и другие поисковые системы.

*Deep Web* – это «невидимая» часть сети Интернет, информация не поддается индексации по причине шифрования и особого строения IP-адресов, которые постоянно меняются. Зайти на подобные ресурсы можно только с использованием специальных поисковых систем, таких как Pipl, MyLife, Yippy. Тут можно найти личные данные и контакты человека, данные юридического характера, научные работы, исследования и пиратский контент, которые недоступны широкому кругу лиц. Занимает примерно 90 % всей информации.

*Dark Web* – темная сторона интернета, которая занимает 6 % от общей массы и недоступна большому кругу лиц. Чтобы попасть на них, необходимо иметь разрешение и пароль. Большая часть киберпреступлений организуется именно в этой части интернета: незаконный оборот оружия, наркотиков, порнографии, общение участников международных организованных террористических групп и многое другое – все это происходит в «темном интернете». В ней действует принцип соблюдения анонимности. Интернет до сих пор не имеет четко закрепленного правового статуса, действия и процессы, происходящие во Всемирной паутине, практически не регулируются законодательством. Отсутствие границ в киберпространстве обуславливает международный характер киберпреступности. Кроме того, отсутствие единых для всего мирового сообщества подходов к определению круга преступных деяний и доступность компьютерных сетей, средств телекоммуникационной связи приводит к тому, что преступники могут беспрепятственно выбирать правовую среду того государства, которая наиболее соответствует их преступным целям и сводит к минимуму риски привлечения к ответственности. При совершении киберпреступлений также активно используются мессенджеры – программы для мгновенного обмена сообщениями через сеть Интернет. Самым распространенным является Telegram [4].

Отсутствие нормативной базы и анонимность пользователей порождают правовой нигилизм, с одной стороны, а с другой – говорят об отсутствии гарантий безопасности для граждан и государства в целом. Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство все еще слабо адаптировано к современным информационно-телекоммуникационным технологиям, что делает процесс выявления, пресечения и расследования киберпреступлений сложным, позволяет преступникам уходить от ответственности, рождает у них чувство вседозволенности и безнаказанности.

На сегодня, когда продукты научно-технического прогресса, к которым относятся, в том числе, и источники повышенной опасности, контролируются и поддерживаются в надлежащем техническом состоянии, обеспечивающим безопасный режим их функционирования, с помощью информационных технологий, повышаются риски возникновения общественно опасных последствий в результате несанкционированного вмешательства в их деятельность.

Кибератаки становятся все более продвинутыми и сложными для определения. Киберпреступники могут месяцами находиться в IT-инфраструктуре объекта (коммерческой или общественной организации, государственного органа или предприятия), на который они посягают, и оставаться незамеченными. Такие действия имеют колоссальную потенциальную угрозу, особенно когда речь идет об объектах критической инфраструктуры: успешная кибератака на ее объекты может пошатнуть экономическую стабильность в стране и заметно ухудшить уровень жизни населения, нанести гораздо более серьезный ущерб, чем физические действия, природные и техногенные катастрофы, поэтому кибербезопасность становится стратегически важным фактором благополучия государства.

В детерминации киберпреступлений особенно значимы следующие факторы:

все большее развитие высоких технологий и их активное повсеместное внедрение во все сферы жизнедеятельности, в результате чего происходит постепенное стирание границ между онлайн- и офлайн-миром;

свободный доступ к информационным системам огромного количества пользователей и их постоянное увеличение;

постоянное расширение возможностей предоставления услуг через сеть Интернет и мобильную связь, особенно это касается электронной торговли и кредитно-банковской сферы;

предоставление возможности совершения различных действий и получения услуг онлайн, без обязательного личного присутствия;

неравномерность экономического развития и уровня жизни населения в различных странах мира;

геополитическая нестабильность, которая осложняет процесс взаимодействия отдельных стран и препятствует организации успешной борьбы с киберпреступностью;

популярность социальных сетей, а также сервисов по определению местонахождения, удаленному контролю;

наличие уязвимостей в программном обеспечении компьютерной техники и мобильных устройств;

отсутствие возможности обеспечения абсолютной защищенности каналов передачи информации и др.

В Республике Беларусь за совершение преступлений в сети Интернет может наступить административная ответственность (ст. 11.1 «Мелкое хищение»; ст. 23.4 «Несанкционированный доступ к компьютерной информации» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях) [5]. Административная ответственность наступает в случае хищения предмета преступного посягательства, не превышающего стоимость одной базовой величины (по состоянию на 15 июня 2022 г. в Республике Беларусь 1 базовая величина составляет 32 рубля Национального банка Республики Беларусь). В Республике Беларусь за совершение преступлений, связанных с интернетом, также предусмотрена уголовная ответственность (ст. 209 «Мошенничество»; ст. 212 «Хищение имущества путем модификации компьютерной информации»; ст. 222 «Незаконный оборот средств платежа и (или) инструментов»; ст. 349 «Несанкционированный доступ к компьютерной информации»; ст. 350 «Уничтожение, блокирование или модификация компьютерной информации»; ст. 352 «Неправомерное завладение компьютерной информацией»; ст. 354 «Разработка, использование, распространение либо сбыт вредоносных компьютерных программ или специальных программных или аппаратных средств»; ст. 355 «Нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети» Уголовного кодекса Республики Беларусь) [6].

Подводя итог, можно сказать, что форензика (компьютерная криминалистика, расследование киберпреступлений) – это прикладная наука о раскрытии преступлений, связанных с компьютерной информацией, об исследовании цифровых доказательств, методах поиска, получения и закрепления таких доказательств. Методы компьютерной криминалистики могут обеспечить полноценное расследование инцидентов информационной безопасности. Правильный подход и использование необходимых методов цифровой криминалистики в соответствии с требованиями к каждому инциденту, обеспечит сбор необходимых цифровых доказательств, а также позволит определить слабые места в корпоративной сети и провести полноценные превентивные меры. Стоит отметить также, что в ходе расследования нужно помнить о проблеме невмешательства в данные носители и принимать необходимые меры для каждого из методов.

#### **Список использованных источников**

1. Советы по защите от киберпреступников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/what-is-cybercrime>. – Дата доступа: 05.06.2022.

2. Пархонов, В.А. К определению понятия «информационное преступление» / В.А. Пархонов // Вестн. Иркут. гос. экон. акад. – 2001. – № 1. – С. 92–96.

3. Федотов, Н.Н. Форензика – компьютерная криминалистика / Н.Н. Федотов. – М. : Юрид. Мир. – 2007. – 432 с.

4. Darknet, Dark Web, Deep Web, Surface Web – разные части Всемирной паутины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://itsecforu.ru/2018/02/07/darknet-dark-web-deep-web-surface-web>. – Дата доступа: 11.06.2022.

5. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 21 апр. 2003 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. – Минск : Амалфея, 2015. – 419 с.

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г. № 275-3 (ред. от 11.11.2019 г.) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 15.10.1999, № 76, 2/50.

УДК 351.74:061.1(100)

*А.А. Жалова*, выпускница магистратуры

Научный руководитель – кандидат юридических наук,  
доцент *Р.А. Середа*

### **МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ – ИНТЕРПОЛ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ЦЕНТР ИНФОРМАЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ**

Во взаимодействии по противодействию преступности на глобальном и межправительственном уровне особое место занимает Международная организация уголовной полиции – Интерпол, которая является второй из крупнейших (после ООН) международных межправительственных организаций, объединяющих 195 государств-участников.

К основным функциям Интерпола относятся следующие:

предоставление оперативной информации и доступа полицейским органам к базам данных;

предоставление защищенного канала связи для обмена полицейской информацией государствами–членами Интерпола и Генеральным секретариатом;

оперативная поддержка полицейских ведомств;

обучение и повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов государств-членов, в том числе посредством проведения специальных семинаров-тренингов [1, с. 51].

Интерпол предоставляет возможность международного полицейского сотрудничества правоохранительным органам и в случаях отсут-

ствия дипломатических отношений между государствами-участниками, что обусловлено нейтралитетом данной организации. Статьей 3 Устава Интерпола запрещено «любое вмешательство в дела политического, военного, религиозного или расового характера». Нейтралитет – это основной принцип Интерпола. Организация всегда остается за пределами национальной и международной политики, главной задачей которой является противодействие преступности путем международного полицейского сотрудничества.

Обеспечение неукоснительного соблюдения нейтралитета Интерпола в соответствии со ст. 3 остается одной из неотъемлемых составляющих ежедневной работы Генерального секретариата Интерпола, что необходимо для сохранения нейтралитета Интерпола на международной арене. Статья 3 до сих пор остается динамичным и действенным положением Устава Интерпола, широко применяемым на практике [2, л. 73].

Стоит отметить тот факт, что ст. 3 Устава Интерпола устанавливает ограничения, которые в равной степени относятся и к Генеральному секретариату Интерпола, и к странам–участницам Интерпола, которые должны следовать обязательствам соблюдения Устава Интерпола и воздерживаться от сотрудничества по делам запрещенного данной статьей характера. Интерпол проводит проверку запросов, направляемых Национальным центральным бюро (НЦБ) по каналам Интерпола, а также хранящихся в базе данных Организации сведений на предмет их соответствия Уставу Интерпола. Интерпол может отказать от исполнения запроса, сославшись на ст. 3 Устава, но именно страны-участницы имеют право самостоятельно определять, носит ли преступление политический, военный, расовый или религиозный характер.

В системе органов Интерпола существует орган, аналогичного которому нет в структуре других международных организаций – НЦБ. Хотя НЦБ функционируют в полицейских системах стран-участниц, но одновременно они являются структурными единицами Интерпола [3, с. 54].

НЦБ управляется должностными лицами национальных органов внутренних дел и обычно входит в состав отвечающего за их деятельность министерства.

Будучи опорными пунктами международного полицейского сотрудничества, НЦБ в своих странах поддерживают деловые связи с судом, прокуратурой, пограничной и таможенной службами, а на международном уровне – с НЦБ других стран и Генеральным секретариатом Интерпола [4].

Одной из уникальных особенностей функционирования НЦБ является то, что запросы Генерального секретариата и НЦБ стран-участниц, наделенных правом помечать свои документы грифом «INTERPOL»,

поступают напрямую к руководителю НЦБ, минуя Министерство иностранных дел или другие государственные институты. Руководитель НЦБ имеет возможность без промедления поручить подчиненным ему сотрудникам к установленному сроку исполнить запросы, чем достигается высокая оперативность и эффективность в деятельности Интерпола, а также отдельных НЦБ.

Организация международного полицейского сотрудничества при неукоснительном соблюдении принципа нейтралитета и соблюдении прав человека осуществляется Интерполом в рамках стратегической концепции Организации, которая сформулирована как «Сотрудничество правоохранительных органов для обеспечения безопасности в мире» («Connecting police for a safer world»). Своей главной целью Интерпол считает предупреждение преступности и борьба с ней путем расширения сотрудничества и инноваций в решении задач правоохранительных органов и вопросов безопасности. Интерпол стремится обеспечить максимально возможное взаимодействие между правоохранительными органами через защищенные каналы связи, постоянный доступ к глобальным полицейским базам данных, оперативную поддержку, возможности наращивания потенциала и обучения [5].

Интерполом осуществляются такие виды деятельности, как информационное обеспечение международного розыска, правотворческая деятельность, ведение криминалистических учетов, международный розыск преступников, без вести пропавших лиц и иные.

Правотворческая деятельность Интерпола выражается в его активном участии при разработке международных договоров по борьбе с отдельными видами преступлений. Помимо этого, Интерпол сам активно заключает международные договоры и становится участником уже существующих. Интерпол также занимается внутренним правотворчеством. Так, по итогам каждой сессии принимаются резолюции, которые определяют отдельные аспекты сотрудничества по борьбе с преступностью [6, с. 38].

По мнению Генерального секретаря Интерпола Ю. Штока, высказанному на 89-й Генеральной Ассамблее Организации в 2021 г. в Турции, «единственный способ для правоохранительных органов в наших 195 странах-участницах эффективно бороться с транснациональной преступностью – это международное полицейское сотрудничество» [7].

Стратегической программой Интерпола на 2022–2025 годы предусмотрены четыре приоритетных направления деятельности Организации [8].

Первым приоритетным направлением определено, что Интерпол является международным информационным центром сотрудничества

правоохранительных органов, предоставляющим своевременную и достоверную информацию с соблюдением правил конфиденциальности и безопасности данных. Основной сферой деятельности Интерпола является сбор и обмен уголовной, оперативно-розыскной, аналитической и иной полицейской информацией.

Интерпол стремится предоставить каждому сотруднику правоохранительных органов стран-участниц возможность в своей ежедневной деятельности по противодействию преступности при возникновении необходимости обмениваться информацией посредством каналов Интерпола с зарубежными коллегами, осуществлять необходимые проверки, получать всю необходимую информацию и пользоваться механизмами Интерпола в любое время.

Быстрый и оперативный обмен информацией между всеми государствами-членами Интерпола и его Секретариатом осуществляется на основе созданной международной полицейской телекоммуникационной системы I-24/7 (Interpol, 24 часа в сутки, 7 дней в неделю). Членство в Интерполе дает возможность доступа ко всем базам данных Генерального секретариата Интерпола, оперативную круглосуточную связь с правоохранительными органами государств-членов Организации, возможность вывести на международный полицейский уровень огромный массив информации по разыскиваемым физическим и юридическим лицам, автомобилям, культурным ценностям, похищенным и утраченным документам. При этом информационные каналы Интерпола являются на сегодня самыми оперативными и надежно защищенными [9, с. 22].

Вторым приоритетом является совершенствование деятельности правоохранительных органов путем сотрудничества. Интерпол, являясь современным центром информационного взаимодействия, предлагает правоохранительным органам широкий спектр возможностей и знаний в области полицейской деятельности, в том числе различные базы данных, криминалистические учеты, а также обучение по их использованию.

В настоящее время правоохранительные органы всех стран мира сталкиваются с тем, что преступники и террористы используют в своей криминальной деятельности последние достижения в области цифровых технологий, быстро адаптируют свои преступные модели и маршруты совершения преступлений под современные реалии, а также в целях уклонения от наказания. Как единственная организация, способствующая глобальному полицейскому сотрудничеству и обмену информацией во всем мире, Интерпол стремится рационализировать международные усилия правоохранительных органов по противодействию транснацио-

нальной преступности, интегрировать разрозненные системы данных в единую, а также ликвидировать бреши в системе глобальной безопасности [10].

Следующим приоритетным направлением Интерпола является совершенствование и внедрение инновационных подходов в деятельность правоохранительных органов.

Интерпол уделяет большое внимание будущим тенденциям развития и стратегическому прогнозированию, предоставляя площадку для обсуждения вопросов совершенствования деятельности правоохранительных органов. В рамках ежегодных встреч Strat Talks представители стран-участниц Интерпола обсуждают результаты технологических достижений, демографические проблемы, вопросы экологии, экономики и торговли в рамках полицейского сотрудничества на национальном, региональном и международном уровнях.

Еще одним приоритетным направлением является повышение эффективности и результативности данной организации. Интерпол стремится быть более конкурентоспособной и эффективной организацией в целях своевременного реагирования на изменения мировых тенденций, укреплять свою правовую базу и согласовывать институциональную политику. Организация на постоянной основе проводит работы по модернизации своих процессов и ресурсов в целях обеспечения эффективного и квалифицированного предоставления доступа к своим сервисам.

Организация особое внимание уделяет обучению и развитию профессиональных навыков сотрудников правоохранительных органов, повышению их лидерских качеств. Интерпол стремится к постоянному совершенствованию качества учебных программ и тренингов, проводимых Генеральным секретариатом в сфере повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов.

Таким образом, в настоящее время Интерпол является современным центром международного полицейского сотрудничества, который благодаря своей уникальной структуре, правовой базе и техническому оснащению способен эффективно координировать информационное взаимодействие правоохранительных органов по противодействию преступности. Данное взаимодействие строится на определенных принципах, таких как принципы уважения и соблюдения прав и свобод человека, равенства всех стран-участниц, уважения государственного суверенитета стран, обеспечения неотвратимости ответственности за совершенное противоправное деяние, а также принципах противодействия только общеуголовным преступлениям, всеобщности полицейского сотрудничества, гибкости и оперативности методов работы, законности и гуманиз-

ма, которые регулируют деятельность самой Организации и международное сотрудничество ее членов. В целях обеспечения эффективности такого сотрудничества Интерполом сформулированы глобальные полицейские цели и приоритетные направления деятельности, практическая реализация которых позволяет Организации устойчиво повышать уровень результативности методов международного сотрудничества, а также совершенствовать международно-правовые формы информационного взаимодействия Интерпола с правоохранительными органами стран-участниц.

#### Список использованных источников

1. Моргун, Д.О. Актуальные вопросы сотрудничества органов международной уголовной юстиции и Международной организации уголовной полиции (Интерпола) / Д.О. Моргун // Армия и общество. – 2014. – № 2. – С. 51–55.
2. Водянов, А.В. Международно-правовое регулирование деятельности Интерпола по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / А.В. Водянов. – М., 2015. – 196 л.
3. Родионов, К.С. Интерпол: вчера, сегодня, завтра / К.С. Родионов. – Изд. 3-е. – М. : Междунар. отношения, 1990. – 223 с.
4. Авуц, А.Р. Структура, компетенция и принципы сотрудничества Интерпола [Электронный ресурс] / CYBERLENINKA. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-kompetentsiya-i-printsipy-sotrudnichestva-interpola/viewer>. – Дата доступа: 14.06.2022.
5. INTERPOL-Strategy [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.interpol.int/Who-we-are/Strategy>. – Date of access: 14.06.2022.
6. Убушаев, А.А. Современное состояние Интерпола / А.А. Убушаев // Новый юрид. вестн. – 2019. – № 6. – С. 37–39.
7. INTERPOL General Assembly ends with strong support for Organization's global mandate [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2021/INTERPOL-General-Assembly-ends-with-strong-support-for-Organization-s-global-mandate>. – Date of access: 14.06.2022.
8. INTERPOL-Strategic Framework 2022–2025 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.interpol.int/Who-we-are/Strategy/Strategic-Framework-2022-2025>. – Date of access: 14.06.2022.
9. Котляров, И.И. Международная организация уголовной полиции: история и современность / И.И. Котляров, Ю.В. Пузырева // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2016. – № 8. – С. 120–124.
10. INTERPOL-I-Core [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.interpol.int/How-we-work/I-CORE-our-vision-for-change/The-Need-for-I-CORE>. – Date of access: 14.06.2022.

*Н.А. Зайцев*, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *М.М. Якубель*

### **О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ПРИМЕНЕНИЮ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ И ЛЕЧЕНИЯ**

Социальная направленность белорусского законодательства подтверждается наличием в уголовном процессе отдельного производства в отношении лиц, совершивших общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, в состоянии невменяемости, либо заболевших психическим расстройством (заболеванием), лишаящим их возможности сознавать значение своих действий либо руководить ими, после совершения общественно опасного деяния. Рассматриваемый вид производства закреплен в гл. 46 «Производство по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения» Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) [1]. Указанное производство ведется в отношении субъекта, именуемого в законе «лицо, совершившее общественно опасное деяние» и определяемого, согласно п. 13 ст. 6 УПК, как лицо, совершившее общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, в состоянии невменяемости или заболевшее после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием).

Осознание необходимости наделения особыми правами и гарантиями психически больных лиц происходило постепенно с развитием права, что отражено в научных трудах ученых-процессуалистов, работавших в различные исторические периоды: С.И. Викторский, В.К. Случевский, Н.А. Неклюдов, П.А. Колмаков, Е.А. Яцкевич, Г.Н. Мухин, М.М. Якубель, Р.М. Шагеева, З.Г. Гасанова и др.

В своих работах они рассмотрели отдельные аспекты ведения уголовного процесса в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами (заболеваниями).

Постепенно идеи о необходимости отдельного правового регулирования участия таких лиц в правоотношениях, в том числе в уголовно-процессуальных, нашли отражение в законодательстве. Тем самым были заложены основы, на базе которых впоследствии сформировался

современный институт производства по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения.

Впрочем, анализ содержания норм действующего УПК говорит о том, что сфера участия лица, совершившего общественно опасное деяние, полностью не проработана на законодательном уровне, в связи с чем налицо как пробелы в нормативном закреплении, так и в практике реализации соответствующих норм.

Так, одной из существенных проблем является отсутствие закрепленных в законе оснований, при наличии которых субъект должен обретать статус «лица, совершившего общественно опасное деяние». Представляется, что такой статус субъект должен приобретать одновременно с началом производства о применении в отношении его принудительных мер безопасности и лечения.

Еще одной проблемой, нуждающейся в качественном и оперативном решении, является отсутствие законодательного закрепления оснований к началу производства по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения.

Как было отмечено ранее, основания наделения лица «особым» статусом не закреплены в отдельной норме УПК, но они могут быть выделены путем анализа положений ст. 442 УПК, закрепляющей основания применения принудительных мер безопасности и лечения [1].

Представляется, что субъект приобретает статус лица, совершившего общественно опасное деяние, в случае если станет известно об одном из двух фактах:

о том, что лицо совершило в состоянии невменяемости общественно опасное деяние, ответственность за которое закреплена в нормах Уголовного кодекса Республики Беларусь;

о том, что лицо совершило преступление, но заболело до постановления приговора или во время отбывания наказания психическим заболеванием (расстройством), лишаящим его возможности сознавать значение своих действий или руководить ими [2].

Серьезным упущением белорусского законодателя, по нашему мнению, является и отсутствие четко сформулированного в определенной норме или главе УПК перечня прав, обязанностей и гарантий рассматриваемой категории лиц. Содержание правового статуса лица, совершившего общественно опасное деяние, вытекает из норм Конституции, УПК, предписаний, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 марта 2013 г. № 1 «О практике применения судами принудительных мер безопасности и лечения в уголовном судопроизводстве» и других нормативных документов [3]. В результате можно сделать вывод о лице, совершившем общественно опас-



ное деяние, следующих правах, которые могут и в некоторых случаях должны быть им реализованы, несмотря на психическое состояние:

- право на участие законного представителя;
- право на защиту;
- право на проведение судебно-психиатрической экспертизы с целью установить действительное наличие психического заболевания и иные;
- а также ряда прав, которые могут быть им реализованы в зависимости от текущего состояния его психики во время производства предварительного следствия:
- право знать, по какой причине к нему могут быть применены принудительные меры безопасности и лечения;
- право на дачу объяснений, показаний;
- право представлять доказательства;
- право заявлять ходатайства;
- право приносить жалобы на решения, а также на действия должностных лиц органов, ведущих уголовный процесс, и иные.

Участники уголовного процесса, как правило, помимо прав, имеют круг определенных обязанностей. Однако, может ли лицо, страдающее психическим расстройством, иметь какие-либо обязанности в ходе досудебного либо судебного производства? Если да, то неясно, какие меры воздействия к нему целесообразно и возможно применить, в случае неисполнения таких обязанностей?

Видится допустимым наделять лицо, совершившее общественно опасное деяние, обязанностями, исходя из его индивидуальных возможностей. В случае если лицо не может самостоятельно осуществлять эти обязанности ввиду наличия у него психического заболевания, то они должны быть обеспечены законным представителем, который понесет ответственность за их неисполнение. К таким обязанностям целесообразно отнести:

- обязанность явиться для прохождения судебно-психиатрической экспертизы в установленном законом порядке;
- обязанность являться по вызовам органа уголовного преследования и суда;
- обязанность соблюдать правила проведения судебного заседания и др.

Однако о гарантиях говорить проблематично ввиду того, что отсутствует четкое законодательное закрепление прав и обязанностей рассматриваемых лиц. На наш взгляд, данная категория лиц не должна терять какие-либо гарантии ввиду неспособности полностью отдавать отчет своим действиям и руководить ими, а, наоборот, должна приобретать дополнительные, а расследование дела с их участием должно происходить в общем порядке с соблюдением соответствующих процессуальных га-

рантий. Анализ содержания постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 марта 2013 г. № 1 «О практике применения судами принудительных мер безопасности и лечения в уголовном судопроизводстве» позволяет сделать вывод о наличии у лица, совершившего общественно опасное деяние, гарантий на проведение судебного заседания исключительно в присутствии защитника, недопустимость отказа от защитника [3].

Говоря о психически больных лицах, участвующих в уголовном процессе, стоит отметить наличие правового пробела, который заключается в отсутствии четкого перечня психических заболеваний, при наличии которых в отношении лица должно быть начато «особое» производство, предусмотренное гл. 46 УПК.

В этой связи стоит обратить внимание на идеи Я.В. Комышан, которая предлагает взять Международную классификацию болезней (МКБ-10) за основу дифференциации психически больных субъектов. Класс V(F) рассматриваемой классификации описывает различные психические заболевания, а также их степени тяжести: легкая, умеренная и тяжелая. По мнению ученого, недостаточно деления субъектов на недееспособных и ограниченно дееспособных, так как невозможно учесть индивидуальные особенности личности при такой классификации. В своем научном труде она предлагает, по нашему мнению, наиболее рациональное решение данной проблемы: взять за основу МКБ-10 и дифференцировать лиц, страдающих психическими заболеваниями, на три категории:

- первая категория (лица с легкой формой проявления психического заболевания);
- вторая категория (лица с умеренной формой проявления психического заболевания);
- третья категория (лица с тяжелой формой проявления психического расстройства) [4, с. 126].

Законодательное закрепление представленной классификации лиц, страдающих психическими заболеваниями, в уголовном процессе, позволило бы предоставить субъектам, страдающим психическим расстройством, максимальный объем прав, исходя из их индивидуальных возможностей.

*Первой категории лиц*, у которых психическое заболевание (расстройство) проявляется в легкой форме, возможно предоставить право участвовать в уголовном процессе без защитника. Видится возможным допустить таких лиц к участию в следственных действиях.

*Второй категории лиц* было бы рационально сохранить право участвовать в некоторых следственных действиях, но с обязательным участием защитника, а при необходимости, специалиста.

На наш взгляд, *третью категорию* лиц, которые не сознают значение своих действий и не могут руководить ими, нерационально привлекать к непосредственному участию в уголовном процессе на любых стадиях.

В действующем УПК отсутствует четко определенный порядок наделения лица ранее упомянутым статусом. По нашему мнению, это существенное упущение законодателя, ведь рассматриваемая категория лиц – это субъекты, нуждающиеся в дополнительной защите своих прав и свобод, в дополнительных гарантиях. Отсутствие нормативно установленного порядка приобретения ими рассматриваемого статуса делает их более уязвимыми.

В практике работы органов уголовного преследования не редки ситуации, когда основания для начала «особого» производства, обнаруживаются не сразу, поэтому лицо, совершившее общественно опасное деяние, в состоянии невменяемости, какое-то время может пребывать в статусе «подозреваемого» или «обвиняемого», что подразумевает наличие у него иного объема прав и гарантий в уголовном процессе.

Особое внимание стоит уделить случаям, когда лицо приобретает психическое заболевание (расстройство) после совершения преступления, например, в ходе предварительного расследования после проведения ряда следственных действий с его участием в статусе «подозреваемого» или «обвиняемого».

В связи с этим неясно, могут ли результаты следственных действий, проведенных с участием такого лица в общем порядке, являться доказательствами? Нет также четко закрепленного порядка перевода психически больных лиц из одного статуса в другой. Говоря о процессуальном документе, на основании которого в уголовном процессе появляется лицо, совершившее общественно опасное деяние, стоит уделить пристальное внимание проблеме, связанной с отсутствием законодательно закрепленного порядка перевода лица из статуса подозреваемого либо обвиняемого в статус лица, совершившего общественно опасное деяние.

Представляется, что это решение должно находить отражение в материалах уголовного дела в виде отдельного постановления, выносимого на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы. Такое постановление, как представляется, имеет исключительно процессуальное значение, должно отражать уголовно-правовую квалификацию общественно опасного деяния, а также психическое заболевание, ввиду наличия которого лицо не может отдавать отчет своим действиям и руководить ими. Однако непонятно, может ли такое лицо в дальнейшем участвовать в уголовном процессе. Должно ли оно быть отстранено от участия в производстве процессуальных действий полностью

или может быть привлечено к отдельным из них. А.Г. Яцкевич считает, что лица, в отношении которых ведется рассматриваемое производство, могут участвовать в определенных следственных действиях, при выполнении которых не требуется активное проявление эмоциональных и волевых качеств, совершение разумных поступков [5, с. 95]. Указанную позицию разделяет и М.М. Якубель. Кроме того, она критикует содержащееся в ч. 4 ст. 436 УПК требование УПК составлять протокол (с соблюдением ст. 193 и 194 УПК) в случае, если производство следственных действий с участием лица, совершившего общественно опасное деяние, невозможно в силу его психического состояния, и указывает на необходимость составления в данном случае постановления, которое должно быть предъявлено для ознакомления защитнику и законному представителю лица, страдающего психическим расстройством. Кроме того, М.М. Якубель предлагает дополнить ст. 436 УПК разъяснением о том, что выносимый документ о невозможности участия касается лишь тех следственных действий, ход которых обеспечивается, а результат зависит от способности лица сознавать значение своих действий или руководить ими [6, с. 57].

Представляется, что лицу, совершившему общественно опасное деяние, не всегда целесообразно самостоятельно ознакомливаться с данным процессуальным документом по различным причинам: лицо может не понять его суть и содержание, эмоционально отреагировать и др. Полагаем, следует согласиться с мнением М.М. Якубель о том, что указанный процессуальный документ должен предоставляться к ознакомлению защитнику рассматриваемого лица и его законному представителю в целях наиболее точной и эффективной реализации личных и конституционных прав психически больных лиц, участвующих в уголовном процессе [6, л. 59].

Таким образом, анализ имеющихся теоретических разработок и нормативного закрепления порядка ведения производства по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения свидетельствует о наличии правовых пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь, заключающихся в отсутствии нормативных положений, которые бы конкретизировали процессуальное положение рассматриваемой категории лиц, и таким образом обеспечивали дополнительный объем процессуальных прав и гарантий, который необходим таким субъектам в силу их уязвимости и неспособности сознавать значение своих действий и руководить ими. Совершенствование имеющейся нормативной регламентации предлагается осуществлять с учетом приведенных в статье разработок ученых-процессуалистов, которые, основываясь на отечественном и зарубежном опыте и правоприменении

менительной практике, аргументированно предложили пути решения имеющихся теоретико-прикладных проблем.

### Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. : с изм. и доп., вступ. в силу 09.09.2021 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. : с изм. и доп., вступ. в силу 05.01.2022 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. О практике применения судами принудительных мер безопасности и лечения в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 28 марта 2013 г., № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: [https://court.gov.by/ru/jurisprudence/post\\_plen/criminal\\_proc/e7b572e7a18a407d.html](https://court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/criminal_proc/e7b572e7a18a407d.html). – Дата доступа: 15.06.2022.

4. Комышан, Я.В. Проблема дифференциации объема дееспособности граждан, страдающих психическими расстройствами / Я.В. Комышан // Вестн. Самар. гос. ун-та. – 2015. – № 11. – С. 125–126.

5. Яцкевич, А.Г. Производство по применению принудительных мер медицинского характера: правовой статус участников / А.Г. Яцкевич. – Минск : Веды, 1999. – 104 с.

6. Якубель, М.М. Досудебное производство по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.М. Якубель. – Минск, 2011. – 186 л.

УДК 342.9

*Д.В. Карзанова*, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *А.С. Кривонощенко*

### ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Основным видом контроля, который осуществляется в системе органов внутренних дел, является ведомственный контроль, который проводится силами самого Министерства внутренних дел (МВД). Именно с помощью данного вида контроля выявляется большинство нарушений

законности и служебной дисциплины среди личного состава органов внутренних дел.

Особенность этого вида контроля проявляется в том, что в его основе заложена субординационная подчиненность. Признаком ведомственного контроля можно считать и то, что в процессе реализации его органами своих полномочий деятельность подконтрольного объекта оценивается прежде всего с точки зрения целесообразности и эффективности его деятельности и по широкому кругу вопросов [1, с. 518–519].

Являясь стадией процесса управления и неотъемлемой частью организаторской деятельности руководителя любого органа, ведомственный контроль призван создавать необходимые условия для нормального функционирования органов внутренних дел и выступать в качестве одного из надежных способов повышения дисциплины и ответственности личного состава, инструмента реального выполнения принимаемых решений, а также других поручений. Для органов внутренних дел постоянное совершенствование контрольной деятельности диктуется объективной необходимостью. Оно предопределено сложностью и многообразием решаемых задач, стремлением всемерно улучшать исполнительскую дисциплину, укреплять законность [2, с. 50].

Основные задачи ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел формируются исходя из содержания решаемых ими задач и специфики служебной деятельности личного состава. С учетом особого значения в их деятельности человеческого фактора, а также приоритетов управленческой деятельности основные задачи контроля целесообразно расположить в следующем порядке:

обеспечение личной безопасности, профессиональной защищенности, формирование активной жизненной позиции, патриотических и нравственно-этических начал жизнедеятельности личного состава, соответствующего уровня профессиональной подготовки;

обеспечение неуклонного выполнения конституционных положений по формированию правового государства, требований законов и других нормативных актов, регламентирующих деятельность органов внутренних дел;

организация процесса управленческой деятельности по реализации мероприятий долгосрочных планов (программ), решений Главы государства, распоряжений Правительства и решений Министра;

совершенствование организационной деятельности по обеспечению творческой и результативной оперативно-служебной деятельности;

организация работы по профилактике и предупреждению нарушений правового и административного порядка, исполнительской и служебной дисциплины;

решение вопросов информационного, материально-технического, вещевого, медицинского и других видов обеспечения служебной деятельности личного состава;

оказание организационно-методической и практической помощи в совершенствовании технологии и психологии управленческой деятельности и ее всестороннего обеспечения [3, с. 75].

Руководитель любого уровня должен исходить из того, что полнота и качество выполнения оперативно-служебных и других задач в первую очередь зависят от морально-психологического состояния личного состава, уровня его профессиональной подготовки и готовности к активным и решительным действиям по защите конституционного строя и обеспечению общественного порядка. В этой связи особое внимание должно уделяться информационной и аналитической работе в контексте человеческого фактора. Контроль в этом плане должен быть направлен на выявление причин и факторов, создающих очаги социальной напряженности, а также формирующих элементы профессиональной деформации сотрудников. На основании выводов из оценки морально-психологического состояния личного состава руководитель принимает соответствующие решения по исключению или минимизации причин и факторов, негативно влияющих на сознание и мышление подчиненных, создающих дискомфорт служебных взаимоотношений, и развитию и совершенствованию мотивации и стимулированию самоотверженной службы.

Понимая сложность декларированного Конституцией Республики Беларусь правового государства, каждый руководитель, строя свою жизнедеятельность по древнему принципу «делай как я», должен уделять постоянное внимание соблюдению законности в правоохранительной деятельности подчиненных, а также обеспечению неуклонного исполнения законодательных актов и других руководящих документов. Для этого в системе ведомственного контроля необходимо предусматривать систему соответствующего мониторинга и оперативного реагирования на явные и скрытые нарушения законности и исполнительской дисциплины [3, с. 75].

В соответствии с п. 9 Положения о Министерстве внутренних дел Республики Беларусь МВД в пределах своей компетенции и в соответствии с законодательством осуществляет в установленном порядке ведомственный контроль за соответствием требованиям законодательства деятельности, осуществляемой органами внутренних дел, внутренними войсками, в том числе их обособленными подразделениями, имеющими учетный номер плательщика, оказывает им консультационную и методологическую помощь, определяет приоритетные направления совер-

шения их деятельности, принимает нормативные правовые акты и осуществляет контроль за их исполнением.

Ведомственные нормативные акты играют служебную роль в правовом регулировании общественных отношений, что подтверждается их назначением, целью издания, а также преобладающими типами моделей ведомственной регламентации (в подавляющем большинстве случаев это издание нормативных актов министерств и ведомств в развитие вышестоящих органов, а также с целью их конкретизации) [4, с. 23].

Главным субъектом контрольной деятельности в системе МВД является Министр внутренних дел Республики Беларусь. Он несет персональную ответственность за выполнение возложенных на МВД задач и реализацию государственной политики в установленной сфере деятельности. Министр внутренних дел в пределах своей компетенции принимает нормативные правовые акты, обязательные для исполнения всеми субъектами, которым они адресованы, принимает индивидуальные правовые акты и организует их выполнение и соблюдение. Контроль над выполнением тех или иных нормативных правовых актов Министр может возложить на своих заместителей, которые курируют соответствующие направления деятельности МВД.

Министр также заслушивает и проверяет отчеты, справки, докладные записки, подготовленные по результатам проведения контрольных мероприятий. Министр внутренних дел может устанавливать периодичность проведения контроля, а также форму контрольного мероприятия; определять и утверждать перечень должностных лиц, которые будут осуществлять соответствующее контрольное мероприятие в составе комиссии, группы, а также определять критерии его эффективности.

Большое значение с точки зрения обеспечения эффективности управленческой деятельности имеет контроль и оказание помощи подчиненным в организации и обеспечении своевременного и качественного выполнения предусмотренных планированием задач и мероприятий. Руководитель, организуя эту работу, должен учитывать целый ряд факторов, влияющих на этот процесс, начиная от конкретных условий реализации оперативно-служебных и других задач и заканчивая личностными и деловыми качествами подчиненных руководителей и непосредственных исполнителей [3, с. 76].

Исходя из того, что организационная деятельность по обеспечению добросовестного отношения к службе и поддержанию на должном уровне исполнительской дисциплины осуществляется разумным сочетанием экономических, административных и психологических методов, руководитель, делегируя соответствующие полномочия подчиненным,

должен умело контролировать и направлять эту работу. Демонстративно уважительное отношение к руководящему составу, четкая реализация в повседневной деятельности норм и правил служебного этикета не только способствует повышению авторитета руководящего состава, но и обуславливают творческую и результативную управленческую деятельность.

Важнейшей функцией, решаемой штабными подразделениями, является осуществление контроля. Он остается главным рычагом успешной оперативно-служебной и управленческой деятельности органов внутренних дел.

Последовательно проходит процесс переориентации основных направлений оперативно-служебной деятельности. Методика работы предусматривает не только опрос граждан и анализ их ответов, но и изучение степени влияния руководителей на складывающееся положение, в том числе путем проведения через определенный период повторного изучения обстановки в регионе, позволяет наиболее эффективно оценивать реальное положение дел. Все это дает возможность получать более объемную и объективную информацию о состоянии правопорядка, эффективности работы органов внутренних дел [5].

Коллегиальным контрольным органом в системе органов внутренних дел является коллегия Министерства в составе: Министра (председатель коллегии), Заместителя Государственного секретаря Совета Безопасности Республики Беларусь, заместителей Министра, начальников департаментов МВД с правами юридического лица и иных должностных лиц. В соответствии с ч. 2 п. 12 Положения о Министерстве внутренних дел Республики Беларусь на заседания коллегии могут приглашаться руководители других государственных органов, в том числе местных исполнительных и распорядительных органов, и иных государственных организаций.

Существенными контрольными полномочиями наделяются структурные подразделения МВД, которые осуществляют контроль над деятельностью должностных лиц, сотрудников и гражданских служащих Министерства, как по вертикали, так и по горизонтали. Этот контроль затрагивает кадровые, материально-технические, оперативно-служебные, административно-инспекторские, а также другие вопросы деятельности органов внутренних дел.

Важное место в системе органов внутренних дел принадлежит территориальным органам внутренних дел. Именно от деятельности таких органов и их должностных лиц зависит эффективность охраны общественного порядка, обеспечения личной и имущественной безопасности граждан и хозяйствующих субъектов. От того, насколько высок уровень

законности и дисциплины сотрудников территориальных органов внутренних дел, зависит доверие граждан к системе органов внутренних дел. Поэтому кадровый контроль над деятельностью сотрудников, непосредственно обеспечивающих правопорядок, а также ведущих борьбу с преступностью, объективно необходим [6, с. 72].

Таким образом, ведомственный контроль и надзор за деятельностью органов внутренних дел представляет собой специфическую деятельность руководящих органов, в частности самого Министерства внутренних дел и Министра внутренних дел, являющуюся частью государственного контроля и реализуемую в целях обеспечения соблюдения подчиненными или входящими в их состав органами и подразделениями требований законодательства при непосредственном осуществлении возложенных на органы внутренних дел задач, а также своевременного выявления, пресечения и предотвращения незаконных действий.

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод, что контроль за деятельностью органов внутренних дел представляет собой самостоятельный, относительно обособленный, целенаправленный вид деятельности специальных субъектов государственного аппарата, направленный на приведение в соответствие работы органов внутренних дел, сотрудников принятым решениям, а в случае выявления отклонений от них – на оперативное принятие мер по их устранению и рассмотрению вопроса о привлечении лиц, виновных в этом, к ответственности.

#### Список использованных источников

1. Мах, И.И. Административное право Республики Беларусь / И.И. Мах. – Минск : Амалфея, 2008. – 704 с.
2. Управление органами внутренних дел : курс лекций / под ред. В.А. Круглова, С.Г. Дырды. – Минск : Акад. МВД, 2005. – 136 с.
3. Сиваков, Ю.Л. Основы управления органами внутренних дел / Ю.Л. Сиваков. – Минск : Акад. МВД, 2007. – 108 с.
4. Киричук, И.Р. Организация и деятельность органов внутренних дел как предмет правового регулирования (вопросы теории) : автореф. дис. 12.00.01 / И.Р. Киричук. – Москва, 1991. – 26 с.
5. О Штабе: задачи, функции [Электронный ресурс] / Министерство внутренних дел. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=9001>. – Дата доступа: 14.05.2022.
6. Демидов, Ю.Н. Административная деятельность органов внутренних дел. Общая часть : учебник / Ю.Н. Демидов, М.В. Костенников, А.В. Куракин. – Домодедово : ВИПК МВД России, 2016. – 285 с.

*Е.М. Комков*, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *В.В. Паращенко*

### **ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЕРЕДАЧИ И ПРЕКРАЩЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК**

С течением времени Беларусь перешла к рыночным отношениям и возросла необходимость индивидуализации продукции различных производителей, число которых постепенно возрастало. Из-за появления на рынке большого количества производителей возросло количество судебных споров в этой сфере. Наметился значительный рост проблемы недобросовестной конкуренции. Для решения этой проблемы существуют товарные знаки, которые дают возможность разграничить и индивидуализировать продукцию одного изготовителя от товаров, выпускаемых на рынок другими производителями. «Все отчетливее проявляется необходимость принятия действенных мер для преодоления тех негативных последствий, на которые обрекает правообладателей появление новых технологий», – отмечает В.В. Филипповский [1].

Товарный знак представляет собой способ выделения своего товара из ряда аналогичных при помощи нанесения какого-либо выделяющего элемента. Г.Ф. Шершеневич под товарным знаком считает определенные наружные отметки, посредством использования которых хороший купец смог бы отличить свои товары от чужих [2, с. 87]. Е.А. Ариевич под товарным знаком понимает специально охраняемый знак, который выделяет тот или иной товар в отдельную группу для юридических лиц и граждан от похожих товаров других лиц [3, с. 2].

Товарные знаки, которые предназначены для идентификации товаров или услуг, подразделяются на престижные и обыкновенные. Обыкновенные разрабатываются их владельцем или по его поручению и регистрируются в установленном законодательством порядке. Престижные присваиваются фирмам за их особые достижения. Например, могут быть использованы изображения медалей, призов и иных знаков отличия, присвоенные фирмам на выставках разного уровня [4, с. 21].

В современной науке встречается такое понятие, как «нетрадиционные» товарные знаки. Для унификации понятий и терминологии в рамках международного сотрудничества для указания на такие нестандартные товарные знаки П.В. Герман использует термин «нетрадици-

онные» товарные знаки [5, с. 10]. В отношении исследуемого явления М.А. Егорова использует категорию «знаки особого вида» [6, с. 324]. Среди «нетрадиционных» видов товарных знаков В.И. Бирюлин выделяет растительные, когда некое обозначение последовательно формируется из разных растений во время их роста, специально подобранных и рассаженных в клумбах напротив офиса компании [7, с. 8].

В ст. 51 Конституции Республики Беларусь закреплено положение о том, что интеллектуальная собственность охраняется Законом. Исходя из этого товарный знак, являясь составным элементом интеллектуальной собственности, имеет важнейшее значение, так как исключительные права на него гарантированы Законом, имеющим высшую юридическую силу.

В настоящее время основным источником нормативного регулирования такой правовой категории, как товарный знак является Закон Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. № 2181-ХП «О товарных знаках и знаках обслуживания» (далее – Закон № 2181-ХП). Его особенность заключается в том, что в нем полностью отражен порядок регистрации товарного знака на имя организации или физического лица. В нем закреплена норма, уточняющая Конституцию Республики Беларусь в части охраны товарного знака со стороны государства, а именно правовая охрана товарного знака в Республике Беларусь осуществляется на основании его регистрации в государственном учреждении «Национальный центр интеллектуальной собственности».

В процессе осуществления своей деятельности часто возникают ситуации, когда правообладатель расширяет свой бизнес, предоставляя право вести его по технологиям правообладателя, стандартам, используя фирменный стиль бренда; владелец товарного знака принял решение, что его обозначение больше неактуально для его бизнеса, и необходимо осуществить полный ребрендинг; правообладатель принимает решение о смене направления деятельности и товарный знак ей не соответствует. И тогда возникает необходимость в передаче либо прекращении исключительных прав на товарный знак.

Законом № 2181-ХП установлены три способа передачи прав на товарный знак: уступка исключительного права на товарный знак, предоставление лицензии на использование товарного знака и залог имущественных прав, удостоверяемых свидетельством на товарный знак.

Исключительное право на товарный знак может быть уступлено владельцем товарного знака по договору организации или физическому лицу в отношении всех или части товаров, для которых зарегистрирован товарный знак.

Право на использование товарного знака может быть предоставлено владельцем товарного знака (лицензиаром) другому лицу (лицензиату) по лицензионному договору в отношении всех или части товаров, для которых зарегистрирован товарный знак.

В свою очередь, лицензионный договор, договор уступки исключительного права на товарный знак, договор о залоге имущественных прав, удостоверяемых свидетельством на товарный знак, а также изменения в указанные договоры регистрируются в патентном органе в установленном Законом № 2181-ХІІ порядке.

Несоблюдение требования о регистрации лицензионного договора, договора уступки исключительного права на товарный знак, договора о залоге имущественных прав, удостоверяемых свидетельством на товарный знак, а также изменений в указанные договоры влечет их недействительность.

В настоящее время многие предприниматели регистрируют товарный знак, совпадающий с фирменным наименованием компании. Часто такое совпадение происходит по звучанию с фирменным наименованием. Разница просматривается только в написании, а именно в фирменном наименовании используется кириллица, в свою очередь, в товарном знаке используются буквы латинского алфавита. В некоторых подобных ситуациях как в фирменном наименовании, так и в товарном знаке используются буквы латинского алфавита. Многие правообладатели таких товарных знаков при возникновении необходимости передачи прав на такой товарный знак сталкиваются с рядом проблем.

В ст. 1022 Гражданского кодекса (ГК) Республики Беларусь указывается на то, что уступка исключительного права на товарный знак не допускается, если она может явиться причиной введения в заблуждение потребителя относительно товара, работы и (или) услуги или производителя товара, исполнителя работы и (или) услуги.

В правовой практике в Республике Беларусь при процедуре уступки права на товарный знак другому лицу часто наблюдается отказ в осуществлении данного юридически значимого действия со стороны сотрудников Национального центра интеллектуальной собственности. Они обосновывают свою позицию тем, что, учитывая ст. 1022 ГК Республики Беларусь, смена правообладателя товарного знака, сходного по звучанию и написанию с фирменным наименованием, в обязательном порядке вводит в заблуждение рядового потребителя относительно товара, работы и (или) услуги или производителя товара, исполнителя работы и (или) услуги.

Исходя из вышеуказанного, мы предлагаем внести следующие изменения: в ч. 1 ст. 4 Закона № 2181-ХІІ добавить п. 1.6, в котором ука-

зать на обязательность наличия отличия товарного знака от фирменного наименования, которое заключается в использовании другого алфавита, особого написания, отличительности произношения и др. Данные изменения необходимы для преодоления правовых противоречий в дальнейшем при осуществлении такого юридически значимого действия, как передача права на товарный знак.

Прекращение правомочий, связанных с товарным знаком, связано с институтом прекращения правовой охраны товарного знака, который закреплен в разд. V Закона № 2181-ХІІ.

При этом законодателем выделяется два субинститута в данном разделе: признание недействительным предоставление правовой охраны товарному знаку и прекращение правовой охраны товарного знака.

Предоставление правовой охраны товарному знаку может быть признано недействительным полностью или частично при наличии следующих оснований:

- в течение срока действия правовой охраны, если она была предоставлена в нарушение предусмотренных законом требований;

- в течение срока действия правовой охраны, если связанные с регистрацией действия владельца товарного знака признаны антимонопольным органом или судом недобросовестной конкуренцией;

- в течение пяти лет с даты публикации сведений о регистрации товарного знака в официальном бюллетене по основаниям, указанным в Законе № 2181-ХІІ.

Необходимо отметить, что признание недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку в связи с поступлением заявки, обладающей более ранним приоритетом, производится независимо от того, поступила ли заявка до или после регистрации.

Любое лицо также может подать в течение срока действия правовой охраны возражение против предоставления правовой охраны товарному знаку в Апелляционный совет, если правовая охрана была предоставлена в нарушение установленных Законом № 2181-ХІІ требований.

Заинтересованное лицо или его представитель могут подать в течение действия правовой охраны возражение против предоставления правовой охраны товарному знаку в Апелляционный совет, если правовая охрана была предоставлена в нарушение установленных Законом № 2181-ХІІ требований, а также в течение пяти лет с даты публикации сведений о регистрации товарного знака в официальном бюллетене по основаниям, указанным в Законе № 2181-ХІІ. Порядок рассмотрения возражений Апелляционным советом устанавливается Советом Министров Республики Беларусь.

Решение Апелляционного совета, принятое по результатам рассмотрения возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку, может быть обжаловано в Верховный Суд Республики Беларусь в течение шести месяцев с даты его получения.

Правовая охрана товарного знака прекращается при наличии следующих оснований:

- истечения срока действия регистрации;
- решения Верховного Суда Республики Беларусь;
- использования коллективного знака на товарах, не обладающих едиными качественными или иными общими характеристиками;
- письменного заявления об отказе от нее владельца товарного знака;
- прекращения деятельности организации или смерти физического лица – владельца товарного знака, если их исключительное право на товарный знак не перешло к правопреемникам;
- решения Верховного Суда Республики Беларусь, принятого по заявлению любого лица в связи с превращением товарного знака в обозначение, вошедшее во всеобщее употребление как обозначение товаров определенного вида.

Необходимо учитывать то, что правовая охрана общеизвестного товарного знака прекращается по решению Апелляционного совета, принятому по заявлению любого лица, если этот знак утрачивает широкую известность в Республике Беларусь среди соответствующих потребителей в отношении определенной группы товаров, для которой он был признан общеизвестным. Решение Апелляционного совета может быть обжаловано в Верховный Суд Республики Беларусь в течение шести месяцев с даты его получения лицом, подавшим заявление, либо владельцем общеизвестного товарного знака.

Регистрация товарного знака аннулируется патентным органом в связи с прекращением ее действия или признанием ее недействительной. Запись об аннулировании регистрации товарного знака вносится в Реестр и публикуется патентным органом в официальном бюллетене.

Таким образом, развитие института товарного знака в современном мире напрямую связано с функцией такого знака указывать происхождение товара и укреплять конкурентные преимущества правообладателя. Одновременно просматриваются тенденции к расширению правовой охраны знаков, которые приобрели известность в обороте, что нередко ведет к смещению баланса интересов участников оборота, снижает вероятность узнаваемости знака, поскольку знаком маркируются разнообразные товары и услуги одного правообладателя. Оценка нематериальных активов с учетом известных товарных знаков приводит к повышению цен со стороны правообладателей известных знаков, обеспечивая им до-

полнительные конкурентные преимущества в обороте. За относительно небольшой период в Республике Беларусь был принят обширный перечень нормативных документов, позволяющих эффективно регулировать общественные отношения, складывающиеся в сфере интеллектуальной собственности в целом и обороте товарных знаков в частности.

Товарные знаки, являясь неотъемлемой частью интеллектуальной собственности, получили свое отражение в широком круге нормативно-правовых актов. Развивающиеся экономические, политические, общественные отношения в мире требуют постоянной модернизации правового регулирования, постоянный рост количества различных компаний и их фирменных наименований требует основательной правовой охраны и защиты. Для этих целей Республикой Беларусь ратифицируются различные международные акты и оперативно внедряются в систему нашего законодательства, для того чтобы поддерживать развитие нашего государства на стабильном и эффективном уровне, за счет создания необходимых условий и гарантий для всех категорий граждан и юридических лиц.

Вопрос о товарных знаках неоднократно привлекал внимание ученых и исследователей в области гражданского права. Тем не менее отдельные его аспекты так и остаются дискуссионными.

Исходя из вышеуказанного, мы предлагаем следующие изменения: в ч. 1 ст. 4 Закона № 2181-ХП добавить пункт 1.6, в котором указать на обязательность наличия отличия товарного знака от фирменного наименования, которое заключается в использовании другого алфавита, особого написания, отличительности произношения и др. Данные изменения необходимы для преодоления правовых противоречий в дальнейшем при осуществлении такого юридически значимого действия, как передача права на товарный знак.

#### Список использованных источников

1. Филипповский, В.В. Защита от недобросовестной конкуренции [Электронный ресурс] / В.В. Филипповский // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – М. : СПАРК, 1995. – 556 с.
3. Ариевич, Е.А. Правовые вопросы экспертизы товарных знаков в СССР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Ариевич. – М., 1984. – С. 12.
4. Карташова, Л.В. Средства информации о товарах : товар. справ. / Л.В. Карташова, М.А. Николаева, М.А. Положишникова. – М. : Экономика, 1997. – 175 с.
5. Герман, П.В. Правовая охрана «нетрадиционных» товарных знаков в Российской Федерации и в странах Европейского Союза : дис. канд. юрид. наук : 12.00.03 / П.В. Герман. – М., 2007. – 176 л.



6. Егорова, М.А. Коммерческое право [Электронный ресурс] : учеб. для вузов / М.А. Егорова. – М. : РАНХиГС при Президенте Рос. Федерации. Статут, 2013 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

7. Бирюлин, В.И. Коммерческое обозначение, или Кот в мешке / В.И. Бирюлин // Патенты и лицензии. – 2007. – № 8. – С. 6–11.

УДК 342.726

**С.Ю. Мельников**, выпускник магистратуры

Научный руководитель – кандидат юридических наук,  
доцент *А.А. Подупейко*

### **ПРАВА ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЙ, НА ПОЛУЧЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ, НА СВОБОДНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ МНЕНИЙ И УБЕЖДЕНИЙ**

Доверие граждан к политическим институтам – один из важнейших условий стабильного функционирования политической системы, развития государства и общества, которое напрямую зависит от гарантированности прав и свобод граждан. Конституция Республики Беларусь (далее – Конституция), провозгласив Беларусь унитарным демократическим социальным правовым государством, констатировала, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства [1].

Согласно ч. 2 ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) уголовно-процессуальный закон призван способствовать формированию в обществе уважения к правам и свободам человека и гражданина, утверждению справедливости [2]. Заключение лица под стражу является достаточно строгой мерой процессуального пресечения, затрагивающей целый комплекс прав и свобод, в том числе и право на получение, хранение и распространение информации, неразрывно связанное со свободой мнений, убеждений и их свободным выражением. Многие общественные отношения, возникающие в процессе реализации рассматриваемых прав и свобод заключенных под стражу, не получили должного правового регулирования или носят небесспорный характер.

Анализ ст. 10, 12 и 18 Закона Республики Беларусь от 16 июня 2003 г. № 215-3 «О порядке и условиях содержания лиц под стражей» (далее – Закон № 215-3) и ст. 33 и 34 Конституции позволяет сделать вывод, что содержащиеся под стражей условно не ограничены в возможности

самостоятельного сбора и распространения информации, свободно выражения своих мнений и убеждений при личном общении с находящимися совместно в камере, во время разрешенных им встреч, а также при цензурируемой переписке [3]. Качество такой информации не может гарантироваться законодателем. Следует отметить, что сотрудники администрации и прокуроры, надзирающие за точным и единообразным исполнением законодательства, при обращении на личном приеме, должностные лица государственных органов, органов местного управления и самоуправления при ответе на нецензурируемые обращения обязаны предоставить обратившемуся возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы. В таком случае полнота, достоверность и своевременность такой информации гарантирована ст. 34 Конституции [1].

Для получения информации от указанных в Конституции субъектов гражданину необходимо обратиться к ним. В списке прав рассматриваемой категории граждан, закрепленном в ст. 10 Закона № 215-3, на первое место законодатель поставил право получать информацию о своих правах и обязанностях, режиме содержания под стражей, порядке подачи обращений. Закрепление такого права свидетельствует о высоком внимании законодателя к рассматриваемому вопросу. Однако отсутствие в Законе № 215-3 прямой обязанности администрации информировать по указанным вопросам обратившегося, содержащегося под стражей, не отменяет ее. Здесь важно отметить, что в законодательстве имеется пробел, так как обязанность общественного объединения предоставить гражданину информацию конституционно закреплена, а право содержащегося под стражей на обращение в него в Законе № 215-3 не упоминается, порядок таких обращений и их цензуры не регламентирован [1, 3].

Согласно Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными при принятии в тюрьму каждому заключенному следует предоставлять письменную информацию, касающуюся правил обращения с заключенными его категории, дисциплинарных требований данного заведения, а также дозволенных способов получения информации и подачи жалоб, равно как и всех других вопросов, позволяющих ему отдать себе отчет в его правах и обязанностях и приспособиться к условиям жизни в данном заведении. В Законе № 215-3 не содержится соответствующей нормы [3]. Согласно ч. 1 п. 16 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов (ПВР СИЗО) уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Республики Беларусь, утвержденных постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 13 января 2004 г. № 3 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной систе-

мы Министерства внутренних дел Республики Беларусь» лицам, принятым в следственный изолятор, предоставляется информация о правах и обязанностях, требованиях по соблюдению режима содержания, распорядке дня, порядке подачи обращений, а также о возможности получения психологической помощи. Согласно ч. 1 п. 7 Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания (ПВР ИВС) территориальных органов внутренних дел, утвержденных постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 30 ноября 2016 г. № 315 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания территориальных органов внутренних дел», в ИВС на видном месте размещается стенд с информацией об основных правах и обязанностях содержащихся под стражей, а в камерах – информация о распорядке дня. Других обязанностей администрации ИВС по информированию лиц, содержащихся под стражей, в ПВР ИВС не установлено, что недостаточно обеспечивает информационные права содержащихся под стражей в ИВС. Более того, в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными речь идет о предоставлении при принятии каждому заключенному письменной информации. Таким образом, ПВР СИЗО и ИВС не в полной мере закрепляют минимальное стандартное правило по информированию заключенных. Кроме того, вопрос, регулирующийся международным нормативным правовым актом (НПА), должен находить свое закрепление на уровне закона, а не ведомственных НПА [3–6].

Возможность реализации права на получение и распространение информации, на свободное выражение мнений и убеждений заключенным под стражей имеет свою специфику в связи с цензурой переписки [1]. Кроме ограничения исследуемых прав цензурой, каких-либо иных ограничений для рассматриваемой категории лиц в законодательстве не предусмотрено. Ограничение свободы слова цензурой обосновано, так как ее критерии соответствуют задачам, решаемым в ходе уголовного процесса (ст. 7 УПК) [2, 3].

Согласно ст. 25 Закона № 215-3 свидания с близкими родственниками и членами семьи предоставляются по разрешению органов, ведущих уголовный процесс [5]. Критерии предоставления такого разрешения в законодательстве не предусмотрены. В большинстве случаев следователи на такие просьбы отказывают, ссылаясь на интересы следствия, так как лица, прибывшие на свидание, и подозреваемые или обвиняемые могут передать сведения, которые могут препятствовать установлению истины по делу, способствовать совершению преступления. В ст. 36 УПК указано, что следователь вправе разрешать свидания. Логично предположить, что указанные органы, отказывая в разрешении на свидание, должны делать это, мотивируя целями решения задач уголовного

процесса и применения меры пресечения. Немотивированный отказ со ссылкой на интересы следствия формально не обоснован, обязанность следователя мотивировать такой отказ не закреплена. Такое положение может создавать условия для необоснованных отказов, что, в свою очередь, может повлечь нарушения прав лиц, содержащихся под стражей, в том числе и на получение и распространение информации, на свободное выражение мнений и убеждений [2].

Стоит отметить, что такое условие содержания под стражей, как предусмотренное ч. 2 ст. 13 Закона № 215-3 оборудование камер средствами радиовещания, а при возможности – обеспечение телевизорами, и предусмотренное ч. 1 ст. 10 право на самообразование и пользование литературой, изданиями периодической печати и письменными принадлежностями способствуют реализации ими права на получение хранения и распространение информации. Что касается права на хранение информации, то его содержащиеся под стражей могут реализовывать, согласно ст. 10 Закона № 215-3, путем хранения при себе документов и записей, относящихся к уголовному делу либо касающихся вопросов реализации их прав и законных интересов, за исключением содержащих государственные секреты. Документы и записи, содержащие государственные секреты, хранятся у администрации. Пользование ими осуществляется в специальных помещениях. Заключенные под стражу также могут хранить при себе религиозную литературу [3].

Наличие при себе у заключенных под стражу других носителей информации не допускается. Так, согласно ст. 9 Закона № 215-3 перечень и количество предметов, вещей и продуктов питания, которые содержащиеся под стражей могут хранить при себе, получать и приобретать (далее – Перечень), устанавливается ПВР. Предметы и вещи, не включенные в Перечень, изымаются. Согласно ч. 2 ст. 27 содержащимся под стражей запрещается хранить при себе, получать и приобретать предметы, вещи и продукты питания, сверх тех, что указаны в Перечне [3]. Так, в Перечне, который прилагается к ПВР СИЗО, среди предметов и вещей, которые могут способствовать реализации права на информацию, имеются следующие: шариковая ручка, стержни к ней, карандаши (фломастеры); бумага для письма, ученические тетради, почтовые конверты, открытки, почтовые марки; художественная и иная литература, а также издания периодической печати; не более двух фотографий; документы и записи, относящиеся к уголовному делу либо касающиеся вопросов реализации их прав и законных интересов; бланки почтовых отправлений, квитанции на сданные на хранение деньги, ценности, документы и другие предметы. Перечень, прилагающийся к ПВР ИВС, аналогичен [5]. Предметы и вещи, не предусмотренные Перечнем, запрещены [6].

Таким образом, ограничений заключенных под стражу в праве на получение и распространение информации, на свободное выражение мнений и убеждений нет, за исключением цензуры переписки, что обоснованно и целесообразно. Отсутствие законодательного закрепления критериев предоставления органом, ведущим уголовный процесс, разрешения на свидание с содержащимся под стражей напрямую не ограничивает права последних на получение информации, однако может создать предпосылки для этого и усложнить изолированному от общества порядок реализации его права. Разработка таких критериев требует дальнейших научных исследований в данной области [1–3].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

а) лица, содержащиеся под стражей, обладают закрепленным в Конституции правом на получение, хранение и распространение информации и свободой мнений, убеждений и их свободным выражением. Сотрудники администрации не должны препятствовать реализации содержащимися под стражей рассмотренных прав и свобод законными способами;

б) с целью обеспечения гарантированности содержащимся под стражей права на получение, хранение и распространение информации и свободу мнений и убеждений и их свободное выражение целесообразно:

1) в Законе № 215-3 предусмотреть: порядок направления ими обращений в общественные объединения и их цензуры; обязанность администрации при приеме предоставлять заключенному под стражу письменную информацию, касающуюся правил обращения с ним, дисциплинарных требований, дозволенных способов получения информации и подачи жалоб, его правах и обязанностях, условиях содержания;

2) в УПК предусмотреть критерии отказа в предоставлении свидания заключенного под стражу с близкими родственниками и членами семьи и обязанность соответствующего органа мотивировать свое решение при отказе [2–4; 7–10].

#### Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. № 112-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. О порядке и условиях содержания лиц под стражей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 июня 2003 г., № 215-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными [Электронный ресурс] : принятые на первом Конгрессе по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1955 г. и одобрены резолюциями 663 С (XXIV) и 2076 (LXII) Экон. и Соц. Совета, 31 июля 1957 г. и 13 мая 1977 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/prison.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml). – Дата доступа: 08.01.2022.

5. Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания территориальных органов внутренних дел [Электронный ресурс] : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 30 нояб. 2016 г., № 315 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

6. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 13 янв. 2004 г., № 3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

7. Мельников, С.Ю. Конституционное право лиц, содержащихся под стражей, на получение информации [Электронный ресурс] / С.Ю. Мельников // Борьба с преступностью: теория и практика : IX Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 23 апр. 2021 г. : тез. докл. / Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: Ю.П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. – Могилев, 2021. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

8. Мельников, С.Ю. Конституционное право лиц, содержащихся под стражей, на свободу мнений, убеждений и их свободное выражение / С.Ю. Мельников // Актуальные проблемы развития современного конституционализма : респ. заоч. науч.-практ. конф. обучающихся, Минск, 12 марта 2021 г. : тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: П.В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2021. – С. 263–264.

9. Мельников, С.Ю. О праве лиц, содержащихся под стражей, на приобретение членства в политических партиях / С.Ю. Мельников // Актуальные проблемы юридической науки: взгляд молодежи : студенч. науч. конф. по юриспруденции для обучающихся на I и II ступенях получения высш. образования, Минск, 22–28 нояб. 2021 г. : тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: П.В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2021. – С. 77–79.

10. Мельников, С.Ю. Реализация права на получение информации лицами, содержащимися под стражей / С.Ю. Мельников // Молодая наука – 2021 : регион. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов вузов Могилев. обл., Могилев, 22 апр. 2021 г. : материалы конф. / МГУ им. А.А. Кулешова ; под ред.: О.А. Лавшук, Н.В. Маковской. – Могилев, 2021. – С. 276.

*Е.М. Петрусевич*, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *И.А. Шаматкульский*

### ОБЩИЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 426 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В соответствии с ч. 1 ст. 426 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) *превышение власти или служебных полномочий* (далее – превышение власти) – это умышленное совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему по службе, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам [1].

Изучим общие вопросы уголовно-правовой характеристики рассматриваемого преступления на примере превышения власти или служебных полномочий сотрудниками органов внутренних дел (ОВД). *Непосредственным объектом* преступления, предусмотренного ст. 426 УК, являются общественные отношения, обеспечивающие соответствующую интересам службы деятельность аппарата управления ОВД.

С *объективной стороны* превышение власти может выражаться только в активных действиях, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных сотруднику ОВД по службе. По своему характеру действия по службе при превышении власти могут заключаться:

в совершении действий по службе, которые относятся к компетенции вышестоящего должностного лица;

в совершении действий, входящих в компетенцию должностного лица другого ведомства;

в совершении действий, входящих в компетенцию коллегиального органа, как ОВД, так и иного;

в совершении действий, хотя и входящих в компетенцию данного должностного лица, но которые допустимы при определенных условиях, отсутствующих в данном случае;

в совершении действий, которые неправомочно совершить ни одно должностное лицо.

*Действиями, которые не вправе совершить ни одно должностное лицо*, признаются: вовлечение начальником подчиненного в совершение

преступления с использованием его служебной зависимости; сокрытие преступлений (путем активных действий); отдача подчиненным заведомо преступных приказов и распоряжений и др.

Рассматриваемая категория преступления в основном имеет конструкцию *материального состава* и предусматривает в качестве обязательного признака наступление следующих *общественно опасных последствий*:

1. Причинение ущерба в крупном размере (ч. 1, 2 ст. 426 УК).

2. Причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан (ч. 1 ст. 426 УК).

3. Причинение существенного вреда государственным или общественным интересам (ч. 1 ст. 426 УК).

4. Тяжкие последствия (ч. 3 ст. 426 УК).

Исключение из общего правила составляет превышение власти, сопряженное с насилием, мучением потерпевшего либо применением оружия или специальных средств (ч. 3 ст. 426 УК), которое имеет конструкцию *формального состава*.

В соответствии с ч. 2 примечаний к гл. 35 УК *ущербом в крупном размере* признается ущерб на сумму, в двести пятьдесят и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления. Речь идет об ущербе имущественного (материального) характера, который поддается суммарной денежной оценке, независимо от того, причинен такой ущерб организации (коллективному образованию) или гражданину. Для определения окончательного размера ущерба допускается сложение сумм стоимости ущерба, причиненного нескольким субъектам, если такой ущерб охватывался единым умыслом.

Понятие *существенного вреда* правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам носит оценочный характер.

Вред является существенным, если посредством превышения власти совершено другое преступление (самим должностным лицом или в соучастии с другими лицами). Применительно к составу превышения власти вред также является существенным, если вследствие превышения стало возможным совершение преступлений другими лицами или были скрыты совершенные преступления (независимо от их тяжести).

Содержание *тяжких последствий* превышения власти должно определяться с учетом их тяжести и соотносительно с последствиями, указанными в ч. 1 ст. 426 УК. К тяжким последствиям следует относить имущественный ущерб в особо крупном размере, крупные аварии, катастрофы, длительную дезорганизацию работы транспорта или производственного процесса и т. п.

Специальный вид квалифицированного состава данного преступления (ч. 3 ст. 426 УК) образует превышение власти, сопряженное с **насилием, мучением потерпевшего либо применением оружия или специальных средств**.

Под **насилием** понимается любое физическое воздействие на лицо или реальная угроза применения такого насилия [2]. При этом физическим насилием охватывается любое насилие (причинение побоев, физической боли, телесных повреждений, нанесение ударов, удушение, ограничение или лишение свободы и т. п.). Психическое насилие не исключается в качестве квалифицирующего признака при условии, если оно сопровождается угрозой применения физического насилия.

Под **мучениями** понимается причинение особых страданий потерпевшему (длительное лишение пищи, питья или тепла, помещение лица во вредные для здоровья условия и т. п.).

Под **оружием и специальными средствами** следует понимать такие виды оружия и специальных средств, которые указаны в соответствующих нормативных правовых актах: Законе Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее – Закон) [3], а также Законе Республики Беларусь от 13 ноября 2001 г. № 61-З «Об оружии» [4].

**Применение оружия** означает фактическое применение любого вида оружия (огнестрельного, холодного, газового и т. п.), использование оружия для физического воздействия на потерпевшего, а также для психического воздействия на него (угрозы применения физического воздействия). Обращаем внимание на то, что в данном случае оружие должно применяться в соответствии с его поражающими свойствами. В противном случае речь будет идти об обычном насилии как квалифицирующем признаке превышения власти [4].

**Применение специальных средств** означает фактическое незаконное (т. е. в случаях, не вызываемых необходимостью) применение специальных средств, предназначенных для иных целей (наручники, резиновые палки, смирительные рубашки, газовые баллончики, электрошокеры, водометы и т. п.).

Условия и пределы применения сотрудниками ОВД физической силы, оружия и специальных средств определены в гл. 5 Закона [3].

Насилие или иные указанные выше обстоятельства могут рассматриваться в качестве квалифицирующих лишь в том случае, если они были совершены должностным лицом на основе использования им служебных полномочий.

На этапе рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении следователем собираются сведения, которые подтверждают или опро-

вергают наличие признаков преступления. Эти сведения оцениваются с позиций их достаточности для принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела. Понятие достаточности данных является оценочным и во многом зависит от усмотрения лица, на которое возложено рассмотрение заявления, сообщения о преступлении. Выявление признаков преступления не означает установления состава преступления. Для наличия оснований для возбуждения уголовного дела достаточно выявить лишь общие признаки объективной стороны преступления, т. е. внешние признаки события преступления. Все остальные юридически значимые обстоятельства проверяются и устанавливаются на следующей стадии уголовного процесса при проведении предварительного расследования.

**Субъективная сторона** преступления, предусмотренного ст. 426 УК, характеризуется умышленной виной как по отношению к совершаемому сотрудником ОВД действиям, так и наступившим последствиям. Для наличия состава превышения власти необходимо установить не просто умышленный характер соответствующих действий должностного лица, но и факт осознания того, что совершенные им по службе действия явно выходили за пределы предоставленных полномочий и сопряжены с наступлением последствий, перечисленных в ст. 426 УК, т. е. должно быть доказано наличие умышленной вины в отношении указанных последствий.

Превышение власти образует преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 426 УК, если оно совершено из корыстной или иной личной заинтересованности.

**Корыстную заинтересованность** составляют корыстные побуждения, т. е. мотивы, характеризующиеся стремлением извлечь из совершенного преступления для себя или близких выгоду имущественного характера либо намерением избавить себя или близких от материальных затрат [1].

При превышении власти корыстная заинтересованность может выражаться в стремлении сотрудника ОВД извлечь из этого материальную выгоду (получить имущество или приобрести право на имущество, избежать материальных затрат и т. д.). Это может проявляться:

- в приобретении должностным лицом имущества по себестоимости;
- в изъятии имущества в свою собственность посредством его замены или с возмещением стоимости;
- во временном заимствовании чужого имущества;
- в использовании служебного транспорта, материальных и физических ресурсов организации в личных целях;

в пользовании бесплатными проездными документами при отсутствии права на это и т. д.

**Иная личная заинтересованность** при совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 426 УК, характеризуется стремлением виновного извлечь для себя или близких любую выгоду неимущественного характера. В свою очередь, иная личная заинтересованность по своему содержанию, как и корыстная заинтересованность, должна сама по себе выражать низменный, порицаемый характер, т. е. она должна быть, с одной стороны, обусловлена побуждениями, направленными на удовлетворение интересов виновного или близких ему лиц, а с другой – основана на эгоистическом паразитировании служебными полномочиями.

Иная личная заинтересованность охватывает такие противоречащие интересам службы побуждения личного и вместе с тем асоциального характера, как карьеризм, семейственность, протекционизм, месть, зависть, желание получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-то вопроса, скрыть свою некомпетентность, скрыть недостатки и упущения в своей работе и работе руководимых предприятий, организаций или их подразделений, подхалимство и т. п.

**Субъектом** превышения власти может быть только должностное лицо [1]. Наряду с лицами, прямо указанными в п. 1 ч. 4 ст. 4 УК, представителями власти являются также лица, состоящие на государственной службе, которые в пределах возложенных на них полномочий на осуществление властных функций вправе отдавать распоряжения или приказы либо принимать решения относительно не подчиненных им по службе лиц. На этом основании к представителям власти относятся сотрудники ОВД.

Согласно п. 7 ч. 5 ст. 4 УК Министр внутренних дел Республики Беларусь, руководители территориальных ОВД и их заместители являются должностными лицами, занимающими ответственное положение.

Превышение власти, совершенное данной категорией лиц, квалифицируется по ч. 3 ст. 426 УК. Кроме того, в отношении должностных лиц, включенных в кадровый реестр Главы государства – Министра внутренних дел Республики Беларусь и его заместителей, уголовное преследование осуществляется в соответствии с требованиями гл. 49 «Производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц» Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [5].

Сотрудником ОВД является гражданин Республики Беларусь, принятый на службу в ОВД, которому в установленном порядке присвоено специальное звание. Права и обязанности сотрудников ОВД, в том числе по охране общественного порядка, применению оружия и специальных

средств, определены в ст. 22–30 Закона. Реализация данных полномочий сотрудниками ОВД на практике может быть связана с существенным ограничением прав и свобод граждан, а нередко и с причинением вреда их имуществу, здоровью и т. д., в связи с чем такие действия должны осуществляться в строгом соответствии с Законом и в пределах своей компетенции.

Каждый сотрудник ОВД на всей территории республики независимо от занимаемой должности, места нахождения и времени в случае обращения к нему должностных лиц и других граждан обязан принять меры по пресечению преступления, административного правонарушения, спасению граждан, оказанию нуждающимся помощи, установлению и задержанию лиц, совершивших преступление, административное правонарушение, выявлению очевидцев преступления, административного правонарушения, охране места происшествия [3].

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Уголовно-правовая характеристика превышения власти или служебных полномочий является достаточно сложной в силу использования законодателем оценочных критериев при описании объективной стороны указанного преступления.

2. В судебной практике отсутствуют единые подходы к оценке вреда, причиненного в результате превышения власти или служебных полномочий, кроме того, в приговорах судов редко встречается описание критериев «существенности» вреда, а также «тяжких последствий».

#### Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.01.2021 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 16 дек. 2004 г., № 12 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 02.06.2011 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-3 : с изм. и доп. от 23.07.2019 г. / КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Об оружии [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 нояб. 2001 г., № 61-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2019 г. // КонсультантПлюс. Бе-

ларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. № 112-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

УДК 343.985

*А.Ю. Подоматько*, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук  
*Д.В. Гриб*

### **СООТНОШЕНИЕ ОПЕРАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА И ПРОВОКАЦИИ ПРИ РАСКРЫТИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

В современном мире взяточничество является одним из наиболее распространенных и опасных проявлений коррупции, поскольку подрывает принципы государственного управления, равенства и социальной справедливости, сдерживает экономическое развитие, составляет угрозу моральным устоям общества [1]. В связи с этим исследование проблемы взяточничества как негативного социально-политического, экономического и правового явления в обществе на современном этапе развития государственности приобрело особенно значимый характер.

Согласно статистическим данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, прослеживается значительное падение выявленных фактов взяточничества. Так, например, в 2019 г. зарегистрировано 1 876 фактов взяточничества, в 2020 г. значительно ниже – 635, а в 2021 г. – 579 [2]. Вместе с тем данные официальной статистики не должным образом отражают показатели преступлений этого вида, так как последние отличаются повышенной латентностью, а также существуют объективные сложности их уголовно-процессуального доказывания.

В настоящее время в правоприменительной практике известны следующие способы маскировки дачи – получения взятки: дарение каких-либо ценностей; выдача займов; погашение мнимого долга или прощение реального долга; купля-продажа ценных вещей по заниженной стоимости, неравноценный обмен; отпуск товаров по заниженным ценам;

заключение фиктивных трудовых соглашений и гражданско-правовых договоров и выплата по ним взяткополучателю или его родным и знакомым (а также доверенным лицам) за якобы выполненную работу, работу по совместительству; выполнение для взяткополучателя безвозмездно или явно за низкую оплату каких-либо работ (ремонт квартиры, автомобиля, изготовление мебели и пр.); предоставление различных путевок бесплатно или со значительным занижением стоимости; организация специальных аукционов для должностных лиц с целью приобретения ими разных ценностей по заниженным ценам и др.

В большинстве случаев знание сотрудниками оперативных подразделений способа дачи-получения взятки способствует эффективному планированию оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) и, следовательно, успешному документированию преступной деятельности с последующим задержанием взяточников.

Вместе с тем, полагаем, следует обратить внимание на то, что вышеуказанные способы постоянно совершенствуются, особенно в условиях цифровизации экономики, и приобретают новые особенности, которые необходимо учитывать для противодействия взяточничеству.

При раскрытии и документировании взяточничества проводится комплекс ОРМ, при этом такое ОРМ, как «оперативный эксперимент» (далее – оперативный эксперимент), позволяет задержать преступника с поличным. Следует отметить, что органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в соответствии со ст. 14 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2007 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) запрещается: подстрекать, склонять, побуждать граждан к совершению противоправных деяний (провокация); искусственно создавать обстановку, а равно оказывать на лицо, в отношении которого проводится ОРМ, воздействие, исключающее возможность свободного выбора этим лицом характера своих деяний, в том числе реализации права на добровольный отказ от преступления; фальсифицировать результаты оперативно-розыскной деятельности [3].

Провокация при проведении оперативного эксперимента на протяжении многих лет является ключевой и наиболее часто встречающейся проблемой при его проведении. Существует множество различных мнений касательно данной проблемы. Связано это с тем, что отсутствуют четко определенные границы провокации от правомерно созданных условий [4, с. 32].

В Законе об ОРД закреплено определение оперативного эксперимента, под которым понимается вовлечение под контролем должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность,

гражданина (граждан), в отношении которого имеются сведения о его преступной деятельности, в созданную органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, на основе этих сведений обстановку, максимально приближенную к предполагаемой преступной деятельности этого гражданина (граждан), в целях вызывания определенного события, а также получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности [3].

Некоторые исследователи этой проблемы считают, что оперативный эксперимент по своей природе является провокацией и подстрекательством, так как условия данного ОРМ воздействуют на лиц, имевших умысел на совершение преступления, так и не имевших. На наш взгляд, с таким мнением согласиться нельзя. При правильном проведении оперативного эксперимента к лицу не применяются действия, имеющие насильственный характер, при этом у лица имеется возможность отказаться от совершения преступления. Как отмечает В.Н. Борков: «В отличие от лица, причиняющего вред под воздействием физического или психического принуждения, провоцируемому никто не угрожает, его воля свободна» [5, с. 114]. Такое же мнение имеет и С.Д. Демчук: «...невозможно спровоцировать совершение преступления лицом, внутренне (субъективно) не готовым к этому» [6, с. 109].

Оперативный эксперимент проводится в целях выявления, предупреждения и раскрытия тяжких преступлений, а в случае со взяточничеством данное ОРМ в большинстве случаев является единственным способом документирования дачи-получения взятки. Связано это с тем, что взяточничество носит согласительный характер и в большинстве случаев для проведения указанного ОРМ необходимо привлечение граждан, оказывающих содействие на конфиденциальной основе.

Привлечение граждан, оказывающих содействие на конфиденциальной основе, повышает риск провокации при проведении оперативного эксперимента в целях документирования и задержания взяточников. Привлекая такого гражданина, перед сотрудником оперативного подразделения стоит задача – подготовить его к оперативному эксперименту, так как необходимо создать условия максимально приближенные к преступным и в то же время исключить провокацию со стороны лица, оказывающего конфиденциальное содействие.

В любом случае, при проведении оперативного эксперимента по документированию взяточничества должна соблюдаться его законность и обоснованность. Действия должны быть такими, чтобы преступник никаким образом не подвергался давлению со стороны правоохранительных органов и сам принимал решение совершать или отказаться от совершения преступления.

Говоря о провокации, следует отметить соотношение момента возникновения умысла и момента проведения оперативного эксперимента. Исходя из этого, можно выделить три момента:

на момент проведения оперативного эксперимента у лица отсутствует умысел на совершение преступления;

на момент проведения оперативного эксперимента умысел на совершение преступления сформирован независимо от действий сотрудников оперативных подразделений;

на момент проведения оперативного эксперимента лицо начало подготовку к совершению преступления.

В первом случае возникает описанная выше проблема, связанная с воздействием на лицо, не имевшее умысел, поэтому большинство ученых считает, что необходимо отказаться от проведения таких оперативных экспериментов. Так, сотрудники оперативных подразделений смогут предупредить возникновение провокации в ходе проведения оперативного эксперимента.

Во втором случае также усматривается проблема провокации. Так, в ходе проведения ОРМ сотрудники оперативных подразделений могут обнаружить у лица умысел на совершение преступления и решиться провести оперативный эксперимент в отношении его. Но необходимо учитывать, что наличие умысла еще не говорит о том, что преступление будет совершено, потому что сам факт возникновения и обнаружения умысла еще не является составом преступления. В данном случае создание обстановки, максимально приближенной к предполагаемой преступной деятельности, может послужить своеобразным «поводом» совершения преступления. Ведь по своей сути сотрудники оперативных подразделений тем самым создают провокацию, заключающуюся в переходе от стадии возникновения умысла на совершение преступления к стадии приготовления к преступлению или покушению на совершение преступления.

Третий момент является наиболее подходящим для проведения оперативного эксперимента в целях документирования взяточничества, так как указанное ОРМ проводится с учетом имеющейся информации о месте, времени, способе передачи взятки, а также известен предмет взятки, что свидетельствует о том, что взяточник уже самостоятельно определился с объектом преступного посягательства и начал создавать условия для совершения преступления, независимо от действий оперативных сотрудников. Для этого оперативному подразделению необходимо заранее получить точную информацию о подготовительных действиях преступника.



Исходя из вышеуказанного, можно определить критерии правомерного оперативного эксперимента:

1) инициатива совершения преступления принадлежит проверяемому лицу, но не оперативным работникам;

2) у проверяемого лица есть свободный выбор варианта поведения (преступного или непроступного);

3) поведение проверяемого лица находится на стадии предварительной преступной деятельности;

4) оперативные работники не склоняют лицо к совершению преступления, а лишь вынужденно следуют в русле навязываемого им противоправного поведения [7, с. 26].

Использование указанных средств исключает: подстрекательство, склонение, побуждение граждан к совершению противоправных деяний (провокацию); ограничение свободного выбора этим лицом характера своих деяний, в том числе реализации права на добровольный отказ от преступления [8, с. 148].

Исходя из изложенного, в целях документирования передачи должностному лицу взятки следует тщательно провести анализ имеющейся информации и на ее основе провести ОРМ.

Подводя итог, следует отметить, что оперативный эксперимент отличается от провокации тем, что при его проведении разрабатываемое (проверяемое) лицо имеет полную свободу выбора вариантов своего поведения (совершать ему преступление или нет), т. е. на него не оказывается ни психического, ни физического давления (насилия).

#### Список использованных источников

1. Верховный Суд Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Верховный Суд Республики Беларусь ([court.gov.by](http://court.gov.by)). – Дата доступа: 29.05.2022.

2. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Национальный статистический комитет Республики Беларусь ([belstat.gov.by](http://belstat.gov.by)). – Дата доступа: 27.05.2022.

3. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // ЭТАЛОН Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Галушко, В.А. Провокация при проведении оперативного эксперимента / В.А. Галушко, А.С. Малахов // Научн. вестн. Ом. акад. МВД России. – 2016. – № 3 (62). – С. 32.

5. Борков, В.Н. Жертва оперативной провокации или преступник / В.Н. Борков // Вестн. С.-Петербур. ун-та МВД России. – 2020. – № 2 (86). – С. 114.

6. Демчук, С.Д. И вновь о провокации преступления / С.Д. Демчук // Юрид. наука и правоохран. практика. – 2015. – № 2 (32). – С. 109.

7. Савинский, А.В. О соотношении оперативного эксперимента, провокации и обстоятельств, исключающих преступность деяния / А.В. Савинский // Сиб. уголов.-процес. и криминалист. чтения. – 2018. – № 3 (21). – С. 23–38.

8. Шиенок, В.П. Типичные нарушения законности проведения оперативного эксперимента при раскрытии взяточничества / В.П. Шиенок, В.Н. Крюков // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2007. – № 2 (14). – С. 144–149.

УДК 343.54

**К.В. Проскуров**, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *Н.И. Козелецкая*

#### ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО В ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Государственная политика в современном обществе направлена на особую охрану прав и интересов несовершеннолетних, нормальное физическое и нравственное развитие которых является гарантом того, что общество получит полноценного члена общества. Любое негативное вмешательство в этот процесс может серьезно повлиять на развитие ребенка и привести к самым тяжким последствиям. Уголовный закон поэтому особое внимание уделяет охране жизни, здоровья и нормального развития несовершеннолетних. К группе преступлений против нормального физического и психического развития несовершеннолетних относится преступление, предусмотренное ст. 168 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК).

Актуальность данной проблемы особо ощущается в связи с ростом в последние годы посягательств на половую неприкосновенность детей, включая лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста. Заметный рост показателей статистики по этим преступлениям привел отечественного законодателя к необходимости пересмотреть отдельные положения уголовного закона за преступления рассматриваемой группы. Однако, несмотря на внесенные коррективы в конструкции уголовно-правовых норм об ответственности за половые преступления, ряд вопросов так и остался не до конца разрешенным.

Сложность и дискуссионность применения норм на практике связана в том числе и с особенностями потерпевшего от преступлений рассматриваемой группы.

Посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетнего лица всегда обладают повышенной общественной опасностью и не только потому, что дети не способны в полной мере защитить себя, хотя это тоже необходимо учитывать, но главное потому, что это крайне негативно характеризует само виновное лицо. Психические и физические травмы, полученные ребенком в детстве, впоследствии очень сильно влияют на половое поведение взрослого человека. Семейное сексуальное насилие чревато тем, что осознание страшных событий детства через много лет может привести к тому, что лицо выпадает из полноценной социальной и личной жизни, а это ведет к уходу его в разные формы девиантного поведения, сопровождающиеся проявлением агрессии, неконтролируемого эмоционального поведения и т. п. И.С. Кон отмечает, что «некоторые сексуально травмированные дети, став взрослыми, отличаются пониженным самоуважением, гипертрофированными чувствами вины и стыда, чувством отчуждения от других, отвращением к прикосновениям, склонностью к пьянству и наркомании, высоким процентом самоубийств и предрасположенностью к виктимизации», «ребенок, подвергшийся сексуальному нападению, сам становится опасен для других» [1, с. 64].

Склонность у таких лиц к насилию есть ничто иное, как желание отомстить окружающим, которые враждебны по отношению к ним. Большинство лиц, которые оказались торговцами людьми, сутенерами и изготовителями детской порнографии, сами в прошлом были жертвами сексуального насилия.

Потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 168 УК, могут быть лица, которым на момент вступления в сексуальные контакты с совершеннолетними, не исполнилось шестнадцати лет.

Устанавливая уголовную ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, – хотя и не имеющие насильственный характер, законодатель исходил из того, что потерпевшее лицо в силу психологической незрелости не сознает в полной мере характер совершаемых с ним действий и их физические, нравственные, психологические, социальные и иные последствия и, соответственно, выступает жертвой осознанных и волевых действий совершеннолетнего лица. Именно поэтому ответственность за действия сексуального характера с лицом, заведомо не достигшим шестнадцатилетнего возраста, может наступить только при условии доказанности того, что виновный совершил запрещенные

уголовным законом действия, заведомо зная, возраст такого лица. Предшествующий сексуальный опыт подростка, степень его половой зрелости или какие бы то ни было иные его характеристики не влияют на признание деяния преступлением. Не изменяет преступности такого поведения и последующее добровольное вступление подростка в половую связь с виновным независимо от ее продолжительности.

Шестнадцатилетний возраст по уголовному закону является рубежом, достигнув который лицо наделяется правом самостоятельно распоряжаться своей половой свободой. В правовой литературе данный возраст принято называть «возрастом согласия».

По общему правилу указанный возраст является началом половой жизни, не нарушающим физиологического, психического и нравственного формирования личности. Например, Г.Б. Дерягин в своем исследовании рассмотрел преимущества шестнадцатилетнего возраста с учетом морфофункциональной точки зрения. Автор считает, что данный возраст является наиболее подходящим «возрастом согласия» в связи с тем, что, во-первых, большинство девушек, живущих в материально и социально благоприятных условиях, к шестнадцати годам достигают половой зрелости; во-вторых, практически все здоровые юноши, живущие в материально и социально благоприятных условиях, к шестнадцати годам являются половозрелыми, способны к репродуктивной функции; в-третьих, в гражданских кодексах многих союзных республик бывшего Советского Союза был определен брачный возраст в шестнадцать лет; в-четвертых, законы большинства стран разрешают вступление девушек в брак (при условии согласия родителей, властей и священников) с шестнадцати лет; в-пятых, в разных странах не менее 30–50 % женщин в этом возрасте ведут половую жизнь; в-шестых, наиболее благоприятный и репродуктивно безопасный возраст начала половой жизни у здоровых девушек находится в диапазоне 15–19 лет [2, с. 290].

Правоприменительная практика длительное время демонстрировала определенные сложности, возникающие в разграничении ненасильственных и насильственных деяний против половой неприкосновенности. В частности, речь шла о преступлениях, предусмотренных ст. 166–168 УК. Так, одни и те же действия в одних случаях квалифицировались как изнасилование с использованием беспомощного состояния, а в других – как добровольное половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста.

Отметим, что уровень психического развития и восприятия потерпевшим совершаемых с ним действий – один из важнейших критериев разграничения насильственных и ненасильственных половых преступлений.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 168 УК, заключается в половом сношении, мужеложстве или лесбиянстве виновного, достигшего восемнадцатилетнего возраста, с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. Квалификацией содеянного по указанной статье охватываются лишь такие действия лица, которые были совершены с добровольного согласия потерпевшей (потерпевшего).

Если же потерпевшая не понимала значение и характер совершаемых с нею действий вследствие малолетства, умственной отсталости или иных обстоятельств, половое сношение либо действия сексуального характера, совершенные виновным без применения насилия к потерпевшей, следует квалифицировать как изнасилование или насильственные действия сексуального характера с использованием беспомощного состояния, поскольку в этом случае согласие потерпевшей на совершение таких действий не может быть признано добровольным.

Факт наличия или отсутствия согласия несовершеннолетнего на вступление в половые отношения является основным критерием разграничения преступления, предусмотренного ст. 168 УК, с насильственными актами сексуальной агрессии, совершенными с использованием беспомощного состояния несовершеннолетнего. Когда возникают сомнения в добровольности вступления несовершеннолетнего в половую связь, возможна квалификация содеянного по ст. 166 или 167 УК. Именно здесь находится тонкая грань между беспомощным состоянием несовершеннолетнего и его осознанными действиями при наличии признаков состава ст. 168 УК. Дело в том, что ни законодатель, ни правоприменитель не должны упускать из виду, что согласие малолетнего, которому пускай и объяснили в доступной форме технические аспекты половой жизни, всегда будет иметь определенную степень фиктивности. Ведь вряд ли малолетний может оценить ее общественное и личное значение, поскольку для этого требуется определенный жизненный опыт, получаемый хотя бы по прошествии периода полового созревания.

В этой связи следует поддержать решение законодателя, который дополнил ст. 166 УК примечанием, согласно которому малолетний, не достигший двенадцатилетнего возраста на момент совершения в отношении его преступления, признается находящимся в беспомощном состоянии. Данное примечание распространяет свое действие и на ст. 167 УК.

Впервые в отечественном уголовном законодательстве была выделена новая группа несовершеннолетних потерпевших – в возрасте до двенадцати лет.

Законодатель установил минимальный возраст потерпевшего, до достижения которого даже добровольные действия сексуального характера с ним будут рассматриваться как изнасилование (либо насильствен-

ные действия сексуального характера). Внесение соответствующих корректив позволит усилить охрану половой неприкосновенности лиц до двенадцати лет.

Вполне понятно, что гомосексуальный контакт, например, с семи или восьмилетним ребенком нельзя ни при каких условиях считать с его стороны добровольным. Однако в практике встречаются чаще случаи, когда взрослые вступают в гомосексуальную связь, лишенную насилия и угроз, с лицами более старшего возраста – тринадцати или четырнадцати лет. Потому, оценивая в целом положительно введенное в ст. 166 УК дополнение, Н.И. Козелецкая и Д.В. Шаблинская считают необходимым предостеречь от неправильного применения его положений на практике. Они полагают, что неверная трактовка анализируемой нормы может поставить в уязвимое положение малолетних в возрасте от 12 до 14 лет и в целом несовершеннолетних потерпевших в случае, если правоприменитель ошибочно сделает вывод, что беспомощное состояние привязано сугубо к возрасту потерпевшего, и несовершеннолетние старше 12 лет не находятся в беспомощном состоянии, так как презюмируется, что они сознают характер и значение совершаемых с ними действий сексуального характера. С подобным тезисом нельзя согласиться [3, с. 40].

В этой связи стоит поддержать авторов, которые предлагают внести коррективы в понятие беспомощного состояния, содержащееся в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сентября 2012 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст.ст. 166–170 УК)», в ст. 4 УК либо в примечание к ст. 166 УК, и далее выделить абсолютную (безусловную) беспомощность потерпевших в возрасте до 12 лет, указав на необходимость установления и доказывания наличия либо отсутствия беспомощного состояния у лиц старшего возраста.

Еще одной новеллой регламентации вопросов уголовной ответственности за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, является введение нового основания освобождения от уголовной ответственности.

Ввиду достаточного распространения случаев вступления в половое сношение лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста, с лицом, заведомо не достигшим шестнадцатилетнего возраста (например, половая близость подростков пятнадцатилетнего и восемнадцатилетнего возраста), по примеру Российской Федерации, было принято решение ввести примечание к данной норме с возможностью освобождения виновного лица от ответственности, в случае, если будет установлено, что это лицо

и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим).

Подобное нормативное предписание не могло не вызвать в российских научных кругах дискуссию. Одни ученые высказывали сомнения в его целесообразности, указывая на возможность увеличения в связи с этим количества фиктивных браков [4, с. 42]. Другие же отмечали сложности в определении правовой природы такого вида освобождения от наказания, и в логической несогласованности с примечанием к ст. 134 Уголовного кодекса Российской Федерации [5, с. 27].

Полагаем, что, несмотря на дискуссионный характер принятых корректив, данное нововведение позволит решить существующую проблему привлечения к уголовной ответственности лиц, вступивших в брак с потерпевшей (-им), поскольку неоднократность вступления в половую связь, обусловленная наличием между виновным и потерпевшей (-им) определенного рода отношений, не обладает степенью общественной опасности, дающей основания для отнесения такого деяния к категории тяжких преступлений.

Положительно оценивая внесенные в отечественное уголовное законодательство изменения, полагаем, что проблема уголовно-правового статуса несовершеннолетнего потерпевшего до конца не разрешена и требует дальнейшего научного исследования. Как правильно отметил А.Е. Якубов, действующее уголовное законодательство не в полной мере еще обеспечивает индивидуализацию наказания, дифференциацию уголовной ответственности виновных лиц в зависимости от возраста несовершеннолетнего потерпевшего [6, с. 23].

#### Список использованных источников

1. Кон, И.С. Сокращение детей и сексуальное насилие / И.С. Кон // Педагогика. – 1998. – № 5. – С. 58–66.
2. Дерягин, Г.Б. Криминальная сексология : учеб. пособие / Г.Б. Дерягин, Н.Д. Эриашвили, Ю.М. Антонян, С.Я. Лебедев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2011. – 552 с.
3. Козелецкая, Н.И. Анализ актуальных направлений оптимизации уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних / Н.И. Козелецкая, Д.В. Шаблинская // Право.by. – 2021. – № 6. – С. 39–44.
4. Билалов, Р.К. Брак по Уголовному кодексу / Р.К. Билалов // Законность. – 2010. – № 6. – С. 41–42.
5. Кузнецов, А.В. Основание освобождения от наказания в связи со вступлением в брак с потерпевшим: проблемы теории и практики / А.В. Кузнецов // Рос. судья. – 2009. – № 12. – С. 24–27.
6. Якубов, А.Е. Федеральный закон от 27 июля 2009 г. / А.Е. Якубов // Законность. – 2010. – № 5. – С. 23–27.

УДК 343

**П.И. Протаицк**, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *А.В. Григорьев*

#### РЕЛИГИОЗНО-ТРАДИЦИОННАЯ ПРАВОВАЯ СЕМЬЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Реальностью конца XX в. стала глобализация, которая в настоящее время представляет собой ведущую тенденцию мирового развития. Данный качественно новый этап характеризуется глубинными изменениями всех аспектов человеческого бытия. В рамках глобализации развитие и взаимодействие правовых систем мира – важный фактор эффективного и безопасного развития человечества, поэтому исследование влияния этих процессов на религиозно-традиционные правовые системы является чрезвычайно актуальным.

В начале XXI в. формируется новое направление исследований по проблемам глобализации – глобализация в сфере права и, в частности, влияние глобализации на различные правовые семьи современности. Традиционно среди основных тенденций развития права в условиях глобализации выделяют следующие:

1) универсализация права – это отражение в национальных правовых системах общепризнанных норм и принципов международного права. Возможность глобализации содержится в самой сущности права, поскольку право является сложной социальной системой, открытой к взаимодействию с другими социальными системами и правовыми системами других государств. Многие исследователи отмечают, что универсализация права проявляется в стремлении выработать общие подходы, методологию права, а унификация – введение в законодательство единых, общих норм. Универсализация правовых систем имеет как объективный, так и целеустремленный характер. Объективная универсализация предполагает отражение современного состояния общественного развития, заключающееся во взаимозависимости и взаимодействии национальной правовой системы с международным правом. Целеустремленность же является продуманным запланированным процессом, для реализации которого необходимы конкретные шаги. Например, гармонизация, рецепция, стандартизация, унификация. Это пример тех форм, которые обеспечивают сближение правовых семей;

2) регионализация права – это процесс правового регулирования международных отношений, субъектами которых являются территори-

альные (региональные) экономические и политические союзы, международные организации и т. д., а также отдельные регионы государств, которые могут выступать участником международных отношений. На современной правовой карте мира появился ряд объединений и образований, в рамках которых идея регионализации и регионального права приобрела реальное воплощение. Примером этому могут служить такие объединения, как Европейский союз, Содружество Независимых Государств, Евразийское экономическое сообщество, Организация по гармонизации коммерческого права в Африке, МЕРКОСУР и др.);

3) влияние международного права на национальное. Чем же оно выражено? Влияние международного права на национальное осуществляется путем непосредственного применения норм, принципов и прецедентов международного права в рамках национального. Такое влияние происходит путем приведения в соответствие норм национального права с международным, что вызывает потребность усовершенствования законодательной базы в рамках национальной правовой системы. В эпоху глобализации необходимость признания примата международного права связывается с общими проблемами, стоящими перед человечеством и требующими мобилизации возможностей и усилий всего мирового сообщества относительно их разрешения. Примером служит регламентация таких важных сфер, как права человека, экология, международное частное право, регламентирующее экономическое сотрудничество;

4) взаимовлияние правовых систем современности, которое приводит к нивелированию особенностей правовых систем, влечет их сближение, взаимное проникновение [1, с. 8–9];

5) расширение и углубление различных сфер регулирования общественных отношений. В частности, возникновение новых отраслей, подотраслей, правовых институтов. Расширение сферы правового регулирования связано с распространением действия права на новые сферы социальной действительности, усложнением существующих общественных отношений, расширением предмета правового регулирования. Появились новые отрасли, институты права, такие как информационное, космическое, транспортное, социальное и т. д.

Основу конвергенции правовых семей составляют процессы правовой модернизации, которые могут быть представлены правотворчеством, заключающимся в сближении правовых систем; правореализацией, где особый интерес приобретает формирование наднациональных юрисдикционных органов, то как применяются унифицированные нормы права во взаимосвязи с другими правовыми системами; формирование новой единой правовой идеологии, культуры, правосознания, выра-

жающейся в унификации правовых ценностей, сближении характерных черт национальных правовых идеологий. Помимо этого, конвергенция права приводит к появлению уникальных юридических институтов, например, «Право Amazon», «Право Apple» «Право McDonald's» – это новые стандартизированные правовые конструкции, возникшие во всех транснациональных компаниях;

6) возрастание роли публичного права как на национальном, так и наднациональном уровнях. За последнее время предмет правового регулирования избирательного права, деятельности представительных органов власти законодательно расширяется, а вместе с ним и правовой плюрализм, гласность, расширение оппозиционных течений, свобода слова. Системные взаимосвязи между правовой глобализацией и конституционализацией основных руководящих начал выражается в интернационализации конституционных правоотношений. Раскрытие содержания и сути данных закономерностей – залог верного видения перспектив формирования единого правового пространства;

7) тенденция более широкого формирования и более активного использования принципов права. Анализ международных нормативно-правовых документов показывает, что среди средств правового регулирования общественных отношений принципы права играют все более активную роль. Принципы права создают не только отправные начала правового регулирования на национальном уровне, но и создают фундамент механизма правового регулирования на глобальном и региональном уровнях;

8) усиление роли и значение общего права, его источников и судебной практики. В научной литературе бытует мнение о том, что в связи с развитием процесса глобализации право становится все более сложной системой, а предусмотреть все в законах невозможно, что неизбежно повышает роль судебной правоприменительной практики. Данные тенденции касаются не только англосаксонского права, но и в других правовых системах, включая романо-германское право. В настоящее время определилась ярко выраженная тенденция фактического, а также частичного юридического признания прецедента источником романо-германского права, причем не только на уровне национальных правовых систем, но и в масштабе права Европейского союза в целом [2, с. 115; 3, с. 106];

9) децентрализация правового регулирования. Правовой центр в национальной правовой системе постепенно перераспределяется в соответствии с объемом общегосударственного и местного законодательства;

10) слияние правовых семей формирует «глобальное право» на основании горизонтального и вертикального взаимодействия. Гори-

горизонтальное взаимодействие выражается в унификации некоторых отдельных параметров права – правовая культура, юридическая техника, понятийно-категориальный аппарат, источники права. Вертикальное взаимодействие проявляется через взаимное влияние национального права государств и международного права. В глобальной правовой системе имеют место быть еще два компонента, о сущности и правовой природе которых до настоящего времени идут споры, а именно речь идет о транснациональном праве и наднациональном.

Концепцию транснационального права можно определить как правотворчество участниками международных отношений (транснациональные корпорации) норм поведения, находящихся за пределами норм национального и международного права. Например, унифицированные правила Международной торговой палаты для межбанковских операций, служащие общими для всех стран-участников данной организации, участники которой входят в различные правовые семьи и системы. Определяя концепцию наднационального права, то данное право упорядочивает, в большинстве своем, общественные отношения, которые не подвержены правовому регулированию как национальному праву, так и международному, так как данные общественные отношения, регулируются этими нормами, ими не охватываются [4, с. 15].

Полагаем, что самым оптимальным с практической точки зрения будет рассмотрение не всех правовых систем исследуемой правовой семьи, а одной, но наиболее многочисленной и «проблемной» – мусульманской.

Достаточно распространенной является ошибка, когда исследователи смешивают влияние западного права на национальные правовые системы мусульманских стран, которое значительно усилилось в XX в., и, собственно, мусульманское право. Так, М.А. Сапронова отмечает, что государственные режимы в арабских странах адаптируют механизм власти и политическую надстройку к глобальным тенденциям мирового развития, в другой работе подчеркивает, что современные конституции арабских стран подвергаются значительному внешнему воздействию и заимствуют большой объем западных конституционных принципов и институтов [5, с. 221; 6, с. 13].

Однако уровень влияния на национальное право исламских стран и на исламское право как таковое совершенно разный. Влияние на мусульманское право имеет место преимущественно в вопросах развития общественных отношений и появления новых отношений, по которым нет постоянных и однозначных норм. Так, например, одним из новых и спорных вопросов в западных правовых системах есть возможность

применения эвтаназии к неизлечимо больному человеку. Различают два ее вида: активная и пассивная эвтаназия. Первый заключается в предоставлении врачом препаратов или действий, которые непосредственно приводят к безболезненной смерти пациента. Второй вид состоит в прекращении поддерживающей терапии, в результате чего пациент умирает от естественных причин. Несмотря на неоднозначность этого вопроса как в этическом, так и правовом аспекте, некоторые западные страны уже юридически позволили и урегулировали условия и процедуры применения эвтаназии (Бельгия, Канада, Люксембург, Нидерланды, Швейцария, отдельные штаты США и т. д.) [5, с. 229].

Достаточно интересен в этом плане опыт восприятия необходимости и решения подобной проблемы с точки зрения исламского права. Два главных источника исламского права – Коран и Сунна – не содержат норм по такому вопросу, а поэтому есть возможность его урегулирования с помощью дополнительных источников, в том числе путем вынесения фетвы (решение авторитетного мусульманского деятеля о соответствии тех или иных решений и действий нормам ислама) [7, с. 203].

Так, фетва Юсуфа Аль-Кардави «Об эвтаназии» дает ответ по эвтаназии в исламе. Активная эвтаназия, по мнению богослова, не допускается. Ведь дав смертельную дозу пациенту, врач намерен убить больного, ускорить его смерть, а это один из самых тяжких грехов. Поступок врача не перестает быть убийством, даже если побудительным его мотивом стало чувство милосердия и сострадания к больному, желание лишить его мучений и страданий. Врач не более милостив к больному, чем тот, кто создал его. Всевышний подарил человеку жизнь, и он же займет его в определенное время [8, с. 213].

В пассивной эвтаназии же, например, если больной находится в коме, его жизнь поддерживается исключительно медицинскими аппаратами, а шансов на выздоровление нет. В таком случае можно с полной уверенностью сказать, что аппарат поддерживает только внешнюю видимость жизни, выражающуюся в дыхании и кровообращении, хотя фактически человек мертв. Пребывание пациента в таком состоянии требует огромных затрат, используется аппаратура, которая может понадобиться тому, кто в ней действительно нуждается. Этот вид «легкой смерти» является не убийством, а отказом от действия, что, как было сказано, не в исламе обязательным или желательным и, соответственно, не влечет за собой наказание [8, с. 215–218].

Таким образом, ведущей тенденцией мирового развития является глобализация, которая проникает во сферы жизнедеятельности, затрагивает как отдельного индивида, так и народы, государства, цивилизации.

Тенденции развития права в современный период указывают на сближение правовых систем, в том числе, и на религиозно-традиционную правовую. Однако религиозно-традиционная система в условиях глобализации не была полностью подвергнута процессам глобализации, так как сохранение правовых постулатов (традиций) является системообразующим принципом формирования правовых норм. Концепция мусульманского права допускает формирование новых норм и источников права, при условии полного соответствия Корана и Сунны. Аналогичным образом работает система источников и норм права в других религиозных системах. Уровень влияния на национальное право исламских стран и на исламское право совершенно разный. Влияние на мусульманское право имеет место в развитии общественных отношений и появления новых отношений, по которым нет постоянных и однозначных норм.

#### Список использованных источников

1. Глазатова, Т.С. Влияние процессов глобализации на развитие права в современный период / Т.С. Глазатова // Вестн. Тамб. ун-та. Серия «Гуманитар. науки». – 2009. – Вып. 11(79). – С. 412–416.
2. Крашенинникова, Н.А. Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты / Н.А. Крашенинникова. – Минск : Норма : ИНФРА-М, 2009. – 304 с.
3. Проташик, П.И. / Судебный прецедент как источник права в странах романо-германского мира / П.И. Проташик // Актуальные проблемы юридической науки: взгляд молодежи : тез. докл. студенч. науч. конф. по юриспруденции для обучающихся на I и II ступенях получения высш. образования (Минск, 22–28 нояб. 2021 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: П.В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2021. – С. 105–107.
4. The Texts of the White Yajurveda / Ralph Thomas Hotchkiss Griffith // Library of Alexandria, 1927. – 409 с.
5. Лукашук, И.И. Глобализация и право / И.И. Лукашук // Государство и право. – 2005. – № 12. – С. 112–123.
6. Глобализация в перспективе устойчивого развития : [монография] / С.Н. Бабурин, М.А. Мунтян, А.Д. Урсул. – Москва : Магистр, ИНФРА-М, 2015. – 494 с.
7. Бехруз, Х. Исламские традиции права / Х. Бехруз. – Одесса : Юрид. лит., 2006. – 356 с.
8. Аль-Кардави, Ю. Современные фатвы / Юсуф Аль-Кардави. – Москва, 2004. – 241 с.

УДК 341.17

*М.В. Рудько*, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *О.В. Волчкевич*

#### ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) является не просто рядовой организацией в мировом экономическом пространстве. Данный союз воплощает в себе высокотехнический конкурентноспособный механизм, позволяющий сдерживать нападки коллективного Запада на национальные экономики, что обуславливает возможность достижения паритета во всех сферах взаимодействия государственных образований, расположенных на территориях Восточной Европы, Ближнего Востока и Азии со странами Западного мира.

В настоящий момент на базе ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, а также услуг, капитала и рабочей силы, и проведение скоординированной единой политики в отраслях экономики, что позволяет создать национальным экономикам субъектов организации устойчивый фундамент для развития экономики и комплексный базис по противодействию конкуренции. В рамках текущего исторического промежутка ЕАЭС является для одних государств надежным партнером, а для других серьезным, экономически устойчивым оппонентом, способным в случае открытой конкуренции в сферах влияния начать фазу активных действий, которые могут поставить под вопрос их дальнейшую экономическую и политическую стабильность.

Стоит отметить также, что ЕАЭС имеет сложную организацию, позволяющую развиваться на соответствующих в равной степени уровнях странам-партнерам первого (Российская Федерация, Республика Казахстан, Республика Беларусь, Республика Армения, Республика Киргизия) и второго (Сербская Республика, Республика Куба, Демократическая Республика Египет и иные) кругов. Это на данный момент является необыкновенным прецедентом, поскольку в парадигме современных мировых отношений такое понятие, как «коллективизм» несовместимо с достижением поставленных целей в любой сфере. Все имеют направленность лишь на получение индивидуального блага, которое позволит сделать ход вперед и, стало быть, оставить партнера или же конкурента позади, но такая стратегия является несовершенной, поскольку при возникновении какого-либо остропотекающего катаклизма глобального

масштаба теряются всякие шансы на продуктивное и взаимовыгодное взаимодействие или же получение помощи.

ЕАЭС является многонациональной организацией, которая располагается в одиннадцатичасовых поясах, и совокупной территории, превышающей своей площадью размеры Плутона. В ней взаимодействуют уже на протяжении 6 лет граждане пяти государств мира, общая численность которых превышает 183 млн человек. В данное число входят люди различных национальностей (белорусы, русские, армяне, комьяки, удмурты, нгасаны, ненцы, татары, казахи, киргизы и множество иных), обладающие различными идеологическими, культурными, политическими, религиозными убеждениями [1]. Чтобы совместное сотрудничество не прекращалось, а лишь набирало обороты, необходимо проводить глубокую интеграционную политику. Результатами данной политики будет установление более уважительной динамики общения в рамках совместного пространства, налаживание социокультурных связей, которые будут создавать совместную евразийскую культуру, объединяющую традиции всех государств союза, что позволит заняться совместным проведением национальных праздников не только на этнической (исторической) родине, а повсеместно. Все указанные меры будут способствовать развитию устойчивых доверительных отношений, результатом которых будет динамичное развитие общей финансово-правовой и социально-правовой сфер, что позволит выйти на более высокий уровень интеграции в рамках объединения и возможно создать единое государство, прообраз СССР с рядом глобальных преобразований. В состав преобразований войдут новая структура общества, новая политическая система, новая правовая база, не отрицающая в широком смысле систему разделения властей как СССР, новые по типу мышления люди, со старыми нравственными ценностями.

Все это даст тот необходимый толчок, который поможет абсолютно новому государству на базе ЕАЭС установить паритет в международных отношениях со всеми партнерами и оппонентами, а также получить общественное уважение в рамках цивилизованного общества, у которого адекватный взгляд на систему ценностей без фанатичного уклона [2].

Основными инструментами проведения интеграционной деятельности в социально-гуманитарной сфере, на наш взгляд, являются:

1. Совместная историческая память, представленная различными периодами мировой истории в целом и истории Востока в частности. Исходя из периодизации, первичным доказательством нашей общей истории является происхождение – все субъекты ЕАЭС по своему происхождению относятся к индоевропейцам. Это показывает, что все члены ЕАЭС имеют общее происхождение, которое датируется 4500-м г. до н. э. или

даже ранее, что свидетельствует о развитии взаимоотношений субъектов союза на протяжении более 6500 лет. За столь долгий временной промежуток наши предки совместно преодолели ряд катаклизмов и потрясений различного характера, самыми выделяющимися из них и относящимися к результатам антропогенного воздействия являются Великое переселение народов [3], вызванное гуннами, преодоление нападок Османской империи (XV–XIX в.) [4, с. 41], победа над Францией Наполеона в 1812 и 1815 гг., привнесение решающего вклада в победу над Тройственным союзом в 1918 г., разгром фашистской Германии в Великой Отечественной войне и тотальная победа во Второй мировой войне. Из всех вышеперечисленных событий самым значительным является Великая Отечественная война. Это наиболее продолжительный этап Второй мировой войны, который является самым кровопролитным, жестоким и просто чудовищным событием в истории СССР и всей Восточной Европы. Великая победа в данной войне – это одиозный вклад граждан СССР, которые всем своим необъятным количеством в 195 млн человек не остались равнодушными к государствам и территориям, принявшим на себя первичный и основной удар. Кто-то сражался на линии фронта, а кто-то боролся в тылу, но все, от мала до велика, трудились на общее благо – ковали ценой собственного здоровья и жизни Великую победу. Именно это достижение советского народа стоит определить основной точкой преткновения в интеграционной политике ЕАЭС, на основе которого можно проводить ряд мероприятий, в дальнейшем способных позволить сплотить общество и направить на достижение единой цели [5, с. 266]. К данным мероприятиям мы относим:

а) создание общего учебного пособия на всех языках советских республик, охватывающего исторический этап с 1914 г. до наших дней. Данный временной промежуток выбран неслучайно. Это аргументируется тем, что наиболее тесная совместная деятельность стала разворачиваться с начала Первой мировой войны и образования СССР. После этих событий она лишь продолжилась и стала крепче, доказав, что наша сила в единстве [6];

б) проведение тематических массовых мероприятий научного и учебного характера. Это позволит населению с ранних лет включиться в совместную деятельность по просвещению наций и не даст забыть об общем великом прошлом;

в) проведение культурно-массовых мероприятий, посвященных исторической тематике (реконструкции боев, курсы медицинской помощи, полевая кухня, тактические игры и иные). Такие мероприятия позволят привлечь абсолютно все слои населения к участию, тем самым



появится массовый характер деятельности, которая постепенно охватит все население в совокупности [5];

г) льготирование целевых путешествий в рамках ЕАЭС в отношении работников, служащих, учащихся со стороны организаций и учреждений, в которых они функционируют, для побуждения интереса к исследованию территорий, на которых когда-то жили (находились) их предки, за которых они проливали собственную кровь;

д) освещение в средствах массовой информации (ведение отдельной колонки в регулярных изданиях, создание тематической телепередачи, освещение информации о военных событиях по радио, разработка специальных информационных порталов и сайтов в глобальной сети Интернет);

е) осуществление бескомпромиссной и непреклонной политики по защите исторической памяти наций, ранее состоявших в СССР и ныне находящихся в СНГ и ЕАЭС, в силу недопустимости влияния негативного пропагандистского воздействия через все удобные средства, подконтрольные западному миру с целью воспитания общества, обладающего знаниями в собственной истории и имеющего гордость за действия своего народа и державы во время различных исторических периодов [7].

2. Религиозная общность. В рамках данного положения необходимо создать полностью толерантную среду от разных предрассудков в рамках религии и расовой принадлежности к той или иной этнической группе. Это даст возможность проводить интеграцию в крайне динамичном формате и привлекать к сотрудничеству новых партнеров, поскольку даже в настоящие дни гонение по каким-либо признакам, которые не зависят от человека весьма распространено по всему земному шару и именно этот аспект покажет всем, что есть среда, где нет барьеров и ограничений различным национальным меньшинствам или обособленным субъектам, что их мнение будет учитываться через призму уважения, а не предопределенности.

3. Распространение национального колорита. Данный инструментарий состоит в придании национальным обычаям и традициям масштабности. Попытка выхода за рамки одного государства и проведения ежегодной культурной программы в рамках фестивалей, на которых будет продемонстрирована вся наиболее красочная и интересная составляющая культуры субъекта ЕАЭС. Это даст возможность привлечь внимание как жителей государств, состоящих в ЕАЭС, так и ряд иных туристов, что позволит осветить на весь мир новизну подхода в решении определенных проблем, в том числе связанных с ущемлением права на

ведение привычного (ординарного) быта, сформированного из поколения в поколение [8].

4. Работа с молодежью. В рамках такого аспекта стоит затронуть все наиболее актуальные на данный момент сферы интересов молодежи. Это позволит привлечь их внимание и начать непосредственное взаимодействие с ними, что даст возможность зародить в них лишь приемлемые нравственные ценности и воспитать их высококультурными личностями, которые в последующем станут новыми силами для продолжения общего дела в рамках ЕАЭС [9].

Все это возможно реализовать через следующие сферы жизнедеятельности:

а) привлечение через глобальную сеть Интернет с использованием социальных сетей, мессенджеров, пабликов и иных наиболее актуальных форм и мест взаимодействия в данном источнике. Поскольку в настоящее время у молодежи наиболее востребованным и продолжительным видом времяпрепровождения является взаимодействие с интернетом, в нем молодые люди развлекаются и познают нечто новое, находят друзей и общаются, работают и учатся;

б) освещение в средствах массовой информации, социальная реклама в телепередачах и ток-шоу, между телевизионными эфирами, в колонках газет и журналов, проведение промоакций, пикетов, тематических мероприятий, пропагандистских бесед. Все это позволит постепенно подготовить людей к более тесным интеграционным мероприятиям, без изменения их повседневной жизни;

в) создание тематического приложения об ЕАЭС – его структуре, субъектах, территории, партнерах, конкурентах, пользе и т. д., для пользователей смартфонов и иных гаджетов. Данное нововведение позволит довести информацию до ряда пользователей через привычную обстановку – экран;

г) проведение международных мероприятий, в состав которых будет включен игровой формат. Он позволит привлечь самые ранние по степени зрелости умы, в которые, пользуясь моментом, можно будет вложить идеологически верную информацию, а вместе с этой категорией граждан придут их родители, для которых тоже необходимо провести обособленную культурную программу, способную удовлетворить их интересы [10].

5. Безграничность в ЕАЭС. Данный инструментарий позволит без ограничений производить обмен кадрами, обучение обучающихся средних, средних специальных, высших учреждений образования, магистрантов и аспирантов [11], а также развить сферу туризма. Ведь у каждого субъекта ЕАЭС имеются свои ключевые особенности, лицеизреть

которые будет очень интересно. Например, в Республике Беларусь есть сеть чистейших озер и заповедных лесов, в Российской Федерации – полный спектр объектов туризма, в Республике Казахстан – степные равнины, пустыни, в Армении и Киргизии – горный ландшафт и глубокое проявление восточного гостеприимства [9].

На наш взгляд, этот метод является крайне прагматичным, с хорошей стороны значения данной дефиниции, со всех сторон, особенно с точки зрения экономики, поскольку он позволит оставить денежные средства в рамках единого пространства, без проведения лишних валютно-обменных операций с монетарной массой прямых конкурентов.

Весь ранее указанный инструментарий даст возможность нарастить темпы интеграционной деятельности, поддержать национальные экономики, установить взаимодополнение в рамках объединения и создать структурно сильную и слабо восприимчивую к внутренним и внешним катаклизмам систему, ведь сила Содружества проявляется в единстве всего, что их связывает вместе.

Таким образом, мы раскрыли сущность современных внешнеполитических взаимоотношений, установили основные сферы и точки взаимодействия, требующие особого контроля и поддержки, а также привели практическую методологию проведения тесной интеграционной политики в рамках пространства ЕАЭС, которая позволит укрепить внешние границы, повысить уровень готовности в решении различных проблем и установить паритетную модель взаимоотношений с Западом и иными партнерами путем полного объединения воедино общего потенциала, заключающегося в совместном взаимодействии при наличии угрозы существованию социально значимых положений, заложенных в истоках бытности народов, входящих в состав ЕАЭС и СНГ.

#### Список использованных источников

1. Мединский, В. Война. Мифы СССР. 1939–1945 / В. Мединский. – М., 2017.
2. Левко, А.И. Духовно-культурные предпосылки евроазиатской интеграции и их философский анализ / А.И. Левко // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2022. – № 5.
3. Буданова, В.П. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты / В.П. Буданова, А.А. Горский, И.Е. Ермолова. – М. : Алетей, 2017. – 296 с.
4. Манахова, В. Проблема допуска корреспондентов на Балканский театр русско-турецкой войны 1877–1878 гг. / В. Манахова // Вестн. Моск. гос. ун-та. – 2018. – № 3. – С. 41.
5. Паин, Э. Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием / Э. Паин, С. Федюнин. – М. : Мысль, 2017. – 266 с.

6. Казаринова, Д.Б. Траектории развития постсоветских идентичностей: подходы, модели, тенденции / Д.Б. Казаринова, Н.А. Дунамян // Полит. наука. – 2022. – № 1.

7. Петросян, Д.И. Россияне и соседние народы: равноправие и добрососедство или постимперский синдром / Д.И. Петросян, И.В. Свинцов // Дневник Алтайской школы политических исследований. – № 23. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке) : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Ю.Г. Чернышова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007.

8. Малинова, О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России : монография / О.Ю. Малинова. – М. : РАН. ИНИОН. Центр соц. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки, 2013. – 421 с.

9. Бикетова, Е. Национально-культурное строительство Республики Беларусь и европейский компонент белорусской идентичности / Е. Бикетова, Ю. Чернышов // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2018. – Т. 62. – № 1. – С. 94–103.

10. Гавровская, Е.А. Независимый Туркменистан: идеологические аспекты национальной политики. Формирование нового дискурса / Е.А. Гавровская // Идеи и идеалы. – 2010. – Т. 2, № 1 (3). – С. 117–123.

11. Кочкорбаева, М.Д. Социальные аспекты устойчивого развития туризма в странах ЕАЭС / М.Д. Кочкорбаева // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2022. – № 5; Михайлов, И.В. Проблема расширения НАТО в российско-американских отношениях // Америк. ежегодник. – 2020. – № 2020. – С. 176–183.

УДК 343.8

**В.А. Самойло**, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *П.Л. Боровик*

#### АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗРАБОТКЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТ

Успех выявления и расследования преступлений, связанных с легализацией преступных доходов посредством использования криптовалют во многом зависит от знания криминалистической характеристики уголовно наказуемого деяния данного вида. Такая категория представляет собой систему криминалистически значимых признаков отдельно

взятого преступления, проявляющихся в особенностях способа и следов, механизма и обстановки его совершения, а также личности его субъекта и иных структурных элементов. Ее практическая значимость заключается в том, что она позволяет сотрудникам органов уголовного преследования при минимальном объеме исходных данных обоснованно выдвигать версии, планировать проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, строить предположения о личности преступника, его мотивах и целях.

Проблемам противодействия легализации доходов, полученных преступным путем посредством использования криптовалют, посвятили свои научные работы М.С. Азаров, А.А. Гусева, Ю.А. Даниленко, С.А. Дороховец, К.Э. Емцева, Д.Б. Жамбалов, Р.В. Журбин, С.И. Коновалов, Ю.В. Крачун, М.В. Косович, Н.И. Лимож, О.В. Маркова, Л.Л. Мельник, В.И. Михайлов, Е.З. Трошин, А.Л. Баньковский, Э.Х. Надысева, И.Г. Мухин, А.Я. Палант, И.Н. Ефременко, В.В. Хилюта, А.М. Хлус, А.П. Шевченко, Е.В. Щеглова и др. Несмотря на высокую научно-теоретическую и практическую значимость их исследований, отдельные элементы криминалистической характеристики данного вида преступлений остались в полной мере не рассмотренными. Так, в научно-теоретической актуализации нуждаются такие элементы, как предмет преступного посягательства, обстановка совершения преступления, способы совершения.

Указанные обстоятельства обосновывают актуальность обозначенной темы и определяют соответствующие задачи исследования.

Определяющим элементом криминалистической характеристики рассматриваемого вида деяний является *предмет преступного посягательства*. Криминалистическая значимость его изучения обусловлена прежде всего тем, что воздействие преступника на этот объект сопряжено с возникновением различных изменений (следов); эти изменения локализуются: на месте преступного события; на самом объекте; его частях; в местах последующего его нахождения, укрытия, реализации; на преступнике (его теле, одежде и др.); на орудиях преступления, технических средствах, используемых преступником [1, с. 39–40].

Из нормы уголовного закона (ч. 1 ст. 235 УК) следует, что *предметом* легализации преступных доходов являются средства, полученные заведомо преступным путем. К ним относятся денежные средства, ценные бумаги, электронные деньги, иное имущество, в том числе имущественные права, а также исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности. При этом указанные средства могут выступать предметом легализации при условии, если они приобретены заведомо преступным, а не иным незаконным путем.

Среди ученых отсутствует единая позиция относительно того, какие средства следует считать «полученными заведомо преступным путем». Так, часть авторов (А.Э. Жалинский, Н.А. Лопашенко, А.Ю. Викулин, А.С. Горелик, Г.Н. Хлупина, И.В. Шишко) считают, что под средствами, полученными заведомо преступным путем, необходимо понимать лишь средства, полученные в результате совершения исключительно преступлений [2, с. 175].

Другие исследователи (В.М. Алиев, И.Л. Третьяков, В.И. Михайлов, Е.З. Трошкин, А.Л. Баньковский) полагают, что подобные средства могут быть получены не только в результате совершения преступлений, но и иной неправомерной деятельности, указывая на то, что незаконные доходы, полученные в результате гражданско-правовых деликтов, административных или налоговых правонарушений, также могут незаметно повлечь за собой экономические, рыночные проблемы в стране [3, с. 30].

В Законе Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» *доходы, полученные преступным путем*, – это средства, полученные в результате совершения преступления, а равно доход, полученный от использования указанных средств.

Нельзя не согласиться с мнением специалистов о том, что определяющим компонентом в структуре криминалистической характеристики преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты, является криминалистически значимая информация о самой криптовалюте. Так, к криминалистически значимым признакам криптовалюты относятся: нематериальная природа; отсутствие единого эмиссионного центра в виде банковской системы или правительства, которые осуществляли бы выпуск и регулирование криптовалют; использование в международном обороте; криптовалюта как универсальное средство обмена; анонимность использования; необратимость проведения транзакций; прозрачность проведения транзакций в блокчейне [4, с. 64].

В этой связи уместно подчеркнуть двоякий характер участия криптовалют в преступной деятельности, при котором она может выступать как предмет легализации преступных доходов, так и средство (орудие) реализации способов совершения данного преступления.

Вышеприведенные признаки и характеристики криптовалют позволяют установить, является ли цифровой знак (токен) криптовалютой, а также получить и зафиксировать криминалистически важную информа-

цию для расследования преступлений, связанных с их использованием в сфере легализации преступных доходов.

Ключевым элементом криминалистической характеристики уголовно наказуемого деяния является *способ преступления*, под которым понимается совокупность используемых при его совершении приемов и методов, последовательность совершаемых преступных действий, применения средств воздействия на предмет посягательства.

В общем виде легализация преступных доходов посредством криптовалют представляет собой сложный многокомпонентный процесс, состоящий из следующих основных стадий:

1. *Физическое размещение наличных денежных средств на различных финансовых платформах, криптобиржах, обменниках, сервисах децентрализованных финансов (DeFi) и пр.* Для этих целей используются специальные финансовые инструменты, приложения, онлайн-ресурсы и пр.

Важно отметить, что неотъемлемым условием регистрации на большинстве криптобирж является идентификация личности, предусматривающая изучение личных данных кандидата (фото лица, паспортные данные, сведения о месте работы, информация об источнике происхождения денежных средств).

Дополнительный способ конвертации большой суммы наличных денег в криптовалюту – многочисленные незначительные переводы на разные счета. Для этого создаются несколько активных аккаунтов и начисляются на них максимально допустимые суммы, при которых идентификация не требуется.

2. *Перемещение доходов.* Представляет собой отделение незаконных доходов от их источников путем сложной цепи финансовых операций, направленных на маскировку следов преступной деятельности. Так, чтобы избежать идентификации личности правоохранительными органами, злоумышленники используют такие специализированные веб-ресурсы, как «тумблеры» (сервисы, в которые владелец может перевести свои деньги и, заплатив комиссию, получить совершенно другие счета в криптовалюте, которые с ним никак не будут связаны) и «миксеры» (сервисы перемешивания транзакций), что в значительной степени снижает возможность идентификации владельцев электронных кошельков.

В системе блокчейна также широко представлена криптоигральная индустрия, в которой злоумышленники в целях маскировки схемы по «отмыванию» денежных средств переводят криптовалюту на различные игровые платформы, делают незначительные ставки и выводят обратно, как правило, в виде фиатных (наличных) денег. Кроме того, существует возможность использования технологий виртуализации и анонимизации (например, виртуальные частные сети, прокси-серверы, TOR-браузер и

др.), позволяющих скрыть цифровой отпечаток пользователя (например, сведения об IP-адресе, операционной системе, компьютере и др.).

3. *Вывод «отмытых» денежных средств.* Схема действий по реализации данного этапа обычно заключается в следующем: находится желающий приобрести значительную сумму криптовалюты, затем происходит обмен криптовалюты на наличные или безналичные деньги. В результате, происхождение полученных от продажи криптовалюты денежных средств отследить либо идентифицировать с конкретным лицом практически невозможно.

Перечисленные этапы механизма преступной деятельности могут осуществляться одновременно либо частично «перекрывать» друг друга.

Следующей популярной в настоящее время схемой легализации денежных средств, полученных преступным путем, является использование сервисов первичного размещения денежных средств – так называемых платформ ICO (Initial Coin Offering). Последние представляют собой форму привлечения инвестиций в виде продажи инвесторам фиксированного количества новых единиц криптовалюты, полученных разовой или ускоренной эмиссией. Изначально такие проекты разрабатываются для наибольшего привлечения инвестиционного внимания к той или иной криптовалюте. Однако в криминальных кругах подобные платформы используются и для «отмывания» денежных средств, полученных незаконным путем. Это связано с тем, что через схему ICO проходит много операций, в том числе с целью «отмывания» доходов. При этом никаких аудитов и проверок проект, как правило, не проходит.

Способ преступления обусловлен *обстановкой совершения преступления* (место, время и иные условия его совершения, условия, детерминирующие выбор того или иного способа действия, направленного на легализацию преступных доходов посредством криптовалют). Установление данного обстоятельства дает возможность выяснить, когда и где совершено уголовно наказуемое деяние, уточнить способ совершения преступления и детализировать содержание его механизма.

Так, непосредственно использование криптовалюты для отмывания преступных доходов осуществляется в местах ее майнинга и последующего оборота. В литературе справедливо отмечается, что в связи с тем, что выпуск криптовалюты возможен лишь в цифровом варианте, теоретически в любое время любой участник сети может ее «майнить», т. е. добывать, или осуществлять иной оборот с ней. При этом сеть распределяется между ее участниками, и органа, который контролировал бы данную сеть, не существует. Следовательно, при таких обстоятельствах трудно установить местонахождение участника майнинга и оборота криптовалюты [5, с. 225].

Характеризуя в криминалистическом аспекте время совершения легализации криминальных доходов, следует отметить, что учеными оно определяется как «объективно существующий определенным образом выраженный элемент структуры легализации как реального явления, который обуславливает поведение виновного, характеризует начало протекания процесса преступления и его завершения и используется виновным для совершения операций по прерыванию непосредственной связи денежных средств или иного имущества с преступлением, маскировки следов, легализации и введения денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем, в гражданский оборот» [6, л. 86]. При этом в ходе расследования рассматриваемых преступлений следует учитывать тот факт, что время совершения преступления имеет свои специфические особенности, обусловленные тем, что различные компоненты архитектуры компьютерной сети фиксируют его в разных часовых поясах.

Суммируя вышеизложенное, представляется возможным сформулировать следующие выводы.

1. Криптовалюта как предмет преступного посягательства или как средство (орудие) совершения преступных действий имеет присущие только ей отличительные признаки, которые обусловлены использованием технологии блокчейн при ее функционировании. Ее отличительные признаки имеют важное криминалистическое значение, поскольку, с одной стороны, позволяют установить, является ли цифровой знак (токен) криптовалютой, а с другой – предполагают специфический порядок обнаружения, фиксации и осмотра, а также последующего анализа имеющейся информации («электронных следов»).

2. В общем виде легализация преступных доходов посредством криптовалют представляет собой сложный многокомпонентный процесс, состоящий из следующих основных стадий:

физическое размещение наличных денежных средств на различных финансовых платформах, сервисах, онлайн-ресурсах;  
перемещение доходов;  
вывод денежных средств.

#### Список использованных источников

1. Криминалистика / под ред. В.А. Образцова. – М. : Юристъ. – 1997. – 760 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Общая часть / В.В. Ераксин [и др.]; под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. – М. : ИНФРА-М, Норма, 1996. – 303 с.

3. Михайлов, В.И. Противодействие легализации «грязных» доходов : правовые и организационные формы / В.И. Михайлов, Е.З. Трошин, А.Л. Баньковский ; под общ. ред. В.И. Михайлова. – Минск : Тесей, 2001. – 400 с.

4. Мельник, Л.Л. О криминалистической характеристике криптовалюты как предмета и платежного средства совершения преступлений / Л.Л. Мельник // Теория и практика борьбы с компьютерной преступностью : материалы заоч. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, окт. 2019 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: Д.Н. Лахтиков (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2020. – С. 63–65.

5. Надысева, Э.Х. Проблемы расследования преступлений в сфере оборота криптовалют / Э.Х. Надысева // Вестн. экон. безопасности. – 2019. – № 3. – С. 223–227.

6. Абаканова, В.А. Криминалистическая характеристика и общая типовая программа исследования события с признаками легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.А. Абаканова. – СПб., 2002. – 190 л.

УДК 343.98

*Н.А. Свирид*, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *Г.А. Павловец*

#### ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ЧЕРТЫ

В современных условиях совершенствования и развития уголовного процесса Республики Беларусь особое значение приобретают положения, затрагивающие обеспечение строгого соблюдения установленного порядка производства по материалам и уголовным делам, а также процессуальных норм, гарантирующих защиту личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства от преступлений, путем быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения и привлечения к уголовной ответственности лиц, их совершивших, справедливого судебного разбирательства и правильного применения уголовного закона. Реализации на практике указанных положений в наибольшей степени способствует исследование вопросов центральной сферы уголовно-процессуальной деятельности – доказательственного права.

Бурное развитие информационных технологий обусловило тот факт, что большое количество сведений, способных повлиять на разрешение дела по существу (доказательства), находится на электронных носителях и в сети Интернет. Насущная потребность и использование доку-

ментов в электронном виде позволяют рассмотреть некоторые практические результаты.

Так, в электронном документообороте используют системы управления документами, автоматизации деловых процедур, обработки изображений документов, оптического распознавания символов (OCR) и др.

Бумажные и электронные документы имеют свои преимущества и одновременно ограничения, связанные с носителем информации.

Рассмотрим только некоторые из них:

#### 1. Время транспортировки документа.

Для бумажных документов эта характеристика зависит от используемых способов доставки (отнести, отвезти, переслать по пневмопочте, доставить самолетом и т. п.). Электронные документы здесь имеют неоспоримое преимущество, поскольку использование электронных каналов связи позволяет исчислять время передачи сообщения или ознакомления с файлом документа в базе данных секундами и минутами.

2. Справочно-информационная работа (поиск информации в информационном фонде по атрибутам документа и по содержанию).

Для бумажных документов она может быть достаточно трудоемкой, особенно если нет продуманной системы классификации информации и документов. Для электронных документов задача максимально упрощается и сокращается по времени.

#### 3. Требования к оформлению документов.

Требования к оформлению бумажных документов определены стандартами и унифицированными формами.

#### 4. Придание документу юридической силы.

Для документов на бумажном носителе решены практически все вопросы придания им юридической силы. Специфические требования к отдельным категориям документов закрепляются специальными нормативными актами.

5. Возможность при ознакомлении с документами выделить нужный фрагмент.

Эту возможность дают и бумажный, и электронный носители информации документа. Вместе с тем есть и особенности.

На бумажном документе следы от пометок, сделанных чернилами, пастой, карандашом и т. п., обычно остаются. В случае электронного документа (ЭД), если позволяет его формат записи, требуемый фрагмент можно выделить, а затем это выделение убрать.

#### 6. Возможность сделать копии без потери качества.

В случае изготовления копии документа на бумажном носителе можно использовать несколько вариантов в зависимости от используемых технических средств.

В случае получения копии с ЭД трудоемкость и затраты времени получения копии значительно уменьшаются. Файл можно скопировать, дополнительно распечатать документ. Файл документа может быть вложен в электронное сообщение и отправлен по электронной почте.

#### 7. Информационная безопасность и защита информации.

Для бумажных документов защита информации от несанкционированного доступа может быть обеспечена физической недоступностью документа (хранение в сейфе, в запираемом ящике стола и т. п.), фиксацией факта передачи документа в специальных учетных формах (передача под расписку), а также другими организационными мерами.

Для ЭД эта задача решается использованием средств регламентации доступа пользователей к компьютерам и базам данных, использованием средств криптозащиты, протоколированием действий пользователей и т. п. Отдельная проблема – техническая защита информации, в том числе от компьютерных вирусов и хакеров [1, с. 9].

8. Сохранность информации и ее доступность для восприятия человеком.

Сохранность документов на бумажном носителе определяется достаточно длительным периодом ее старения и разрушения.

При работе с ЭД важно учитывать, что жизненный цикл программных средств и носителей записи (моральное и физическое старение) может быть меньше, чем требуемый срок хранения документа. Отсюда возникает проблема перезаписи информации на другой носитель и средств ее аутентификации (иначе документ утратит юридическую силу).

#### 9. Сфера применения (бытования) документов.

Документы на бумажных носителях применяются повсеместно.

Электронные документы используются теми участниками коммуникаций (организациями и физическими лицами), которые имеют соответствующую компьютерную технику.

Таким образом, бумажные и электронные документы имеют свои преимущества.

Традиционные документы имеют преимущества, связанные с бумагой как носителем информации, что важно для долговременного хранения информации с сохранением возможности ее восприятия. Соответственно, нельзя отвергать применение бумажных документов, когда нужно обеспечить длительное хранение информации (так называемые документы со сроком хранения «Постоянно», поступающие затем в госархив) [2, с. 267].

С другой стороны, можно использовать преимущества ЭД при работе с копиями документов, подлинники которых существуют на бумажных носителях. Для оперативного информационного обеспечения (прежде

всего доведения информации и ее поиска в информационном фонде) ЭД имеют неоспоримые преимущества.

Электронная информация стала широко использоваться во всех областях человеческой жизни, в том числе и криминальной. Не только преступления в сфере компьютерной информации, но и многие «традиционные» общественно опасные деяния оставляют после себя электронные следы в компьютерных сетях, на магнитных или оптических носителях, экранах мониторов. В связи с этим возникает практическая проблема использования данных следов в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела [3].

Что касается особенностей использования ЭД как источников доказательств, то в современных условиях многие сферы общественной жизни управляются посредством информационных технологий, что ставит эффективность борьбы с преступностью в прямую зависимость от информационно-технологического обеспечения деятельности органов, ведущих уголовный процесс, и правового регулирования такого обеспечения. В связи с этим представляется актуальным для исследования вопрос нормативного определения и использования в уголовно-процессуальном доказывании «электронных» («цифровых») доказательств. Следует отметить, что легального определения названных доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь и других государств – участников СНГ не содержится, а в юридической литературе наблюдается терминологическая разобщенность в наименовании таких доказательств и их правовой природы.

Так, ученые, позиционирующие идею о введении в законодательный оборот понятия «электронное доказательство» и определяющие его как документ, где информация представлена в электронно-цифровой (электронной) форме, считают его самостоятельным видом доказательств [3], подлежащим закреплению в специальных нормах процессуального законодательства.

Другие авторы [4, 5] предлагают называть такое доказательство «виртуальным документом», определяя его как совокупность информационных объектов, создаваемую в результате взаимодействия пользователя с электронной информационной системой.

Исследование зарубежного опыта свидетельствует о том, что изначально информация, созданная с помощью аппаратных и программных средств компьютерной техники, получила название «компьютерных доказательств». Однако в связи с появлением технических средств, которые по существующей классификации не могли быть отнесены к такой товарной группе, как компьютеры или электронно-вычислительные машины (например, цифровые фотоаппараты, средства мобильной связи,

диктофоны), зарубежные ученые и практики стали использовать наиболее общую группу доказательств – «цифровые доказательства». При этом эксперты единой Научной рабочей группы по исследованию электронных документов как источников доказательств в США предложили таким термином называть любую информацию доказательственного значения, зафиксированную или переданную в цифровой форме [3].

В настоящее время ЭД интерпретируют как любые сведения, хранимые, обрабатываемые и передаваемые с помощью автоматизированных информационных и телекоммуникационных систем, на основе которых орган, ведущий уголовный процесс, в предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством порядке устанавливает наличие (отсутствие) обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, и иных обстоятельств, имеющих значение для дела, полученные с соблюдением процессуального порядка их собирания и приобщенные к уголовному делу специальным постановлением (определением).

Электронный документ – это сведения об обстоятельствах, подлежащих установлению по делу, записанные на перфокарту, магнитный, оптический, магнитооптический накопитель, карту флэш-памяти или иной подобный носитель, полученные с соблюдением процессуального порядка их собирания [6].

Думается, что цитируемые суждения являются расширительным толкованием дефиниции «электронный документ», поскольку включают в себя предмет и элементы доказывания, процессуальный порядок оформления такого документа, а в последнем случае – содержат описание местонахождения документа на электронном носителе, но не раскрывают его сущность.

В заключение вышеизложенного следует отметить, что использование электронного документа как источника доказательств в уголовном процессе в настоящее время все более актуализируется и, несомненно, требует дальнейших углубленных исследований как с позиции теории доказывания, так и криминалистики.

Электронные документы могут выступать в качестве средств совершения преступлений в сфере компьютерной информации, а также иных преступлений с использованием компьютерной техники, быть объектами преступного посягательства, либо информационными «следами», возникающими при подготовке к преступлению и совершении преступных действий.

#### **Список использованных источников**

1. Оконенко, Р.И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравни-

тельный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Р.И. Оконенко ; Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина. – М., 2016. – 24 с.

2. Колупаева, Т.А. Использование информационных технологий в правоохранительной деятельности / Т.А. Колупаева // Молодой ученый. – 2020. – № 22. – С. 267–268.

3. Шостак, М.А. Место цифровой информации в системе доказательственного права [Электронный ресурс] / М.А. Шостак, Н.А. Свирид // Консультант-Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г., и алфавит.-предмет. указ. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 80 с.

5. Свирид, Н.А. Электронные документы как источники доказательств в уголовном процессе и практика их применения в пограничном пространстве / Н.А. Свирид // Обеспечение пограничной безопасности и охраны Государственной границы Республики Беларусь: теория и практика : сб. материалов XI Респ. науч.-практ. конф. : в 2-х т. / ин-т Погранич. службы Респ. Беларусь. – Минск, 2017. – Т. 1. – С. 325–327.

6. Шаршун, В.А. К вопросу о понятии правовой информатизации [Электронный ресурс] / В.А. Шаршун // Информационные технологии и право (Правовая информатизация-2010) : III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25 нояб. 2010 г. – Режим доступа: [www.pravo.by/Conf2010/reports/Sharshun.doc](http://www.pravo.by/Conf2010/reports/Sharshun.doc). – Дата доступа: 15.06.2022.

УДК 323.283

**Ю.Ю. Свитич**, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук  
*А.Н. Дрозд*

### **ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ**

Террористическая деятельность обусловлена целым рядом серьезных политических, экономических, социальных, конфессиональных и иных проблем. При этом устранение всех причин является почти невозможным в условиях существования различных государств, различных этнических групп, наций с противоположной идеологией и интересами. В связи с чем возникает вопрос о разработке и реализации разнонаправленных направлений по противодействию этому негативному социальному явлению.

Противодействие терроризму представляет собой деятельность по предупреждению, выявлению, пресечению и минимизации последствий террористической деятельности.

Основы противодействия терроризму в нашей стране закреплены в Законе Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-3 «О борьбе с терроризмом». Данным нормативным правовым актом урегулировано большинство вопросов, связанных с противодействием терроризму, включая положения, касающиеся определения основных понятий, принципов и целей борьбы с терроризмом, системы государственных органов, осуществляющих борьбу с терроризмом, и их функций, а также вопросов, связанных с проведением контртеррористических операций.

Однако п. 49 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь», указывает на необходимость комплексного совершенствования методов противодействия терроризму [1]. Следовательно, разработка перспективных направлений совершенствования контртеррористической деятельности, согласующихся с Концепцией борьбы с терроризмом в Республике Беларусь, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 июля 2013 г. № 658 [2], продолжает характеризоваться высокой актуальностью и востребованностью.

В первую очередь следует отметить, что существует три основных группы мероприятий по противодействию терроризму: силового; правового и профилактического характера.

Силовые мероприятия являются наиболее наглядными. Они могут быть выражены в физической ликвидации или задержании террористов, проведении контртеррористических операций в уязвимых зонах или в отношении опасных лиц и т. д. Данное направление достаточно четко регламентировано в правовом плане, а сотрудниками КГБ и МВД (в частности, речь идет о деятельности СПБТ «Алмаз») накоплен успешный опыт проведения таких мероприятий.

Правовые мероприятия заключаются в правовом регулировании противодействию терроризму в Республике Беларусь и представляют собой следующую систему: Конституция Республики Беларусь, Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, Уголовный кодекс Республики Беларусь (УК) [3], Закон Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-3 «О борьбе с терроризмом», Указ Президента Республики Беларусь от 17 августа 2015 г. № 356 «О комиссии по противодействию экстремизму и борьбе с терроризмом» [4], названная выше Концепция о борьбе с терроризмом в Республике Беларусь и иные нормативные право-



вые акты, а также те международные документы, в отношении которых Республика Беларусь приняла на себя определенные обязательства.

Можно констатировать, что международная правовая база противодействия терроризму достаточно обширная и детализированная, затрагивает почти все возможные аспекты проявления терроризма, что, несомненно, должно оцениваться положительно, однако данное обстоятельство одновременно создает определенные сложности в вопросах оценки действий лиц, осуществляющих террористическую деятельность, и привлечение их к уголовной ответственности, что, по нашему мнению, требует определенной доработки в целях унификации.

Что касается национального законодательства, то считаем необходимым отметить, что одним из направлений его совершенствования может стать реформирование положений об освобождении от уголовной ответственности лиц, находящихся в процессе совершения преступлений террористического характера. В настоящее время большинство статей УК, предусматривающих ответственность за совершение таких преступлений, содержит примечание, согласно которому лица, виновные в подготовке таких преступлений, освобождаются от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением государственных органов или иным образом предотвратило такие преступления. Как нам представляется, с учетом того, что добровольный отказ от совершения преступлений возможен также на стадии покушения, то следует предусмотреть освобождение от уголовной ответственности не только на стадии приготовления, но и в отношении лиц, добровольно или по требованию власти прекративших выполнение действий, составляющих объективную сторону соответствующих преступлений (т. е. на стадии покушения), что может также в последующем иметь существенное значение при проведении контртеррористических операций, в частности, на стадии ведения переговоров.

Однако, рассмотрев силовые мероприятия и мероприятия правового характера, нельзя не указать, что ликвидация терроризма невозможна исключительно вышеназванными средствами, и в настоящее время чрезвычайно важно активизировать усилия, направленные на совершенствование системы превентивной деятельности, состоящие в нейтрализации самих тенденций, устранении потенциальных предпосылок формирования террористических угроз. Как свидетельствует современный опыт, необходимы меры, нейтрализующие главный источник потенциальных социальных эксцессов, сокращение безработицы и решение назревших социально-экономических проблем, снижение социальной напряженности, повышение контроля за деятельностью террористических организаций, активная молодежная политика [5, с. 53].

При этом следует отметить, что профилактика, осуществляемая на государственном и межгосударственном уровнях, имеет ряд особенностей.

Как представляется, в рамках профилактики на международном уровне необходимо создание единой международной стратегии по борьбе с терроризмом, которая включит все лучшие стороны существующих протоколов и конвенций и исключит существующую проблему отсутствия полномасштабной, единообразной и, самое главное, оперативной системы противодействия данному явлению на международном уровне. В данную концепцию также необходимо включить создание единого международного списка террористов и единую систему их международного розыска, предусмотреть обеспечение более тесного взаимодействия правоохранительных органов, обеспечить систему предотвращения финансирования террористических организаций [6].

Одним из перспективных направлений международной профилактики терроризма также следует признать международное сотрудничество в сфере противодействия кибернетическому терроризму посредством создания предложенного Президентом Республики Беларусь «пояса цифрового добрососедства» (международной договоренности о цифровом суверенитете и нейтралитете, которые будут гарантировать невмешательство стран в информационные ресурсы друг друга) [7], а также разработку и распространение систем искусственного интеллекта, позволяющим повысить эффективность совместного противодействия террористическим и иным угрозам в киберпространстве.

К внутригосударственным профилактическим мероприятиям следует относить деятельность, направленную на улучшение социально-экономических и политических условий, на устранение тех причин, которые способствуют террористической деятельности. Хотя причины терроризма в полной мере не могут быть устранены, необходимо стремиться к возможной их минимизации. Для этого отдельные полномочия в сфере борьбы с терроризмом предоставлены разнообразным органам власти. Так, например, постановление Комитета государственной безопасности Республики Беларусь и Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 30 сентября 2016 г. № 24/268 «Об утверждении Положения о профилактических, режимных и организационных мерах предупреждения террористической деятельности и минимизации ее последствий на критически важных объектах Республики Беларусь» [8] устанавливает, что к основным профилактическим мерам предупреждения террористической деятельности и минимизации ее последствий на критически важных объектах относятся оборудование информационных стендов с информацией о внутриобъектовом режиме и доведение

до работников признаков возможной подготовки и осуществления террористической деятельности на данном объекте.

К профилактическим мерам, проводимым на внутригосударственном уровне, также следует относить:

- а) информационное просвещение населения (работа с молодежью, специальные занятия в школе, формирование толерантности и т. д.);
- б) выявление причин симпатии к террористическим убеждениям;
- в) устранение причин приверженности террористическим убеждениям и др.

Кроме того, несмотря на то что в целом в Беларуси «нет причин для первичного зарождения террористических проявлений» [9], трагедии, происшедшие в нашей стране в годы независимости [10], а также события недавних лет [11] показывают, что в данном направлении недопустимо самоуспокоение. Как представляется, необходимо широкое привлечение общественности к вопросам профилактики терроризма, а также повсеместное более широкое информирование населения по вопросам обеспечения собственной безопасности при угрозе террористических актов через все доступные средства массовой информации.

Таким образом, проанализировав основные направления деятельности органов государственной власти по противодействию терроризму, можно сделать вывод о том, что выполнение этой задачи может достигаться только согласованным взаимодействием различных государственных органов. При этом должны быть разработаны меры как противодействия самим преступлениям террористического характера, так и меры, устраняющие причины и условия для актов терроризма.

Эффективное противодействие терроризму возможно при рациональном сочетании трех основных групп мероприятий: силового; правового и профилактического характера. При этом последние стоит разделять на профилактические меры, осуществляемые внутри страны, а также на международном уровне.

В качестве одного из перспективных направлений противодействия терроризму можно назвать более широкое привлечение граждан к содействию субъектам борьбы с терроризмом, в том числе с использованием различных информационных материалов о порядке действий.

В рамках международного сотрудничества необходимо создание единой международной стратегии по борьбе с терроризмом, которая включит все лучшие стороны существующих протоколов и конвенций, а также создание единого международного списка террористов и единой системы их международного розыска. В настоящее время особую актуальность приобретает также международное сотрудничество в сфере противодействия кибернетическому терроризму, а также разработки

информационных систем выявления и противодействия террористическим угрозам.

Кроме того, в целях совершенствования законодательства следует распространить нормы об освобождении от уголовной ответственности не только на лиц, готовившихся к совершению преступлений террористического характера, но и на лиц, добровольно или по требованию власти прекративших выполнение действий, составляющих объективную сторону соответствующих преступлений (т. е. на стадии покушения), что может также в последующем иметь существенное значение при проведении контртеррористических операций, в частности на стадии ведения переговоров.

#### Список использованных источников

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2004 г. // Консультант-Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Концепция борьбы с терроризмом в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 25 июля 2013 г., № 658 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.05.2022 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
4. О комиссии по противодействию экстремизму и борьбе с терроризмом [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 17 авг. 2015 г., № 356 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
5. Ананич, С.В. Терроризм: криминологические и уголовно-правовые меры противодействия / С.В. Ананич, Н.А. Легенченко // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2012. – № 1. – С. 53–57.
6. Тихиня, В.Г. Партнерство Республики Беларусь и Европейского союза в сфере борьбы с международной преступностью и терроризмом [Электронный ресурс] / В.Г. Тихиня // Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/101231/1/%D1%82%D0%B8%D1%85%D0%B8%D0%BD%D1%8F.pdf>. – Дата доступа: 06.04.2022.
7. Участие в международной конференции по борьбе с терроризмом [Электронный ресурс] // Пресс-служба Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/uchastie-v-mezhdunarodnoj-konferentsii-po-borbe-s-terrorizmom-21910>. – Дата доступа: 10.03.2022.

8. Положение о профилактических, режимных и организационных мерах предупреждения террористической деятельности и минимизации ее последствий на критически важных объектах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Ком. гос. безопасности Респ. Беларусь и М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 30 сент. 2013 г., № 24/268 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

9. В Беларуси нет причин для первичного зарождения террористических проявлений – Арчаков [Электронный ресурс] // Белта. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/v-belarusi-net-prichin-dlja-pervichnogo-zarozhdenija-terroristicheskijh-projavlenij-archakov-436720-2021/>. – Дата доступа: 23.04.2022.

10. Теракты в Белоруссии [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: <https://clck.ru/URbiA>. – Дата доступа: 23.04.2022.

11. Генпрокуратура Беларуси возбудила уголовное дело за подготовку акта терроризма [Электронный ресурс] // Белта. – Режим доступа: <https://www.belta.by/incident/view/genprokuratura-belarusi-vozbudila-ugolovnoe-delo-zapodgotovku-akta-terrorizma-434835-2021/>. – Дата доступа: 23.04.2022.

УДК 343.9

**П.С. Соболевский**, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *С.М. Казакевич*

### **О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ НАРКОПРЕСТУПНИКА**

На современном этапе развития человечество столкнулось с масштабной проблемой наркомании и наркопреступности в целом, которые проникли практически во все сферы жизни общества, воздействуя на него исключительно с негативной стороны. Развитие общества требует от ученых-криминологов постоянного обновления научных подходов к изучению и анализу элементов криминологии, не стал исключением такой элемент, как личность преступника.

Как известно, преступность является неотъемлемой частью общества и одним из указателей на его недостатки, готовит почву для необходимых изменений [1, с. 39–40]. В данном случае уместно указать на то, что изучение личности наркопреступника является одним из приоритетных вопросов при разработке мер профилактического и предупредительного характера по отношению к преступлениям, связанным с не-

законным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (далее – наркотиков).

В целях рассмотрения данной категории следует провести анализ причин начала занятия преступной деятельностью. Так, в научной и практической литературе часто говорят о причинах, способствующих совершению наркопреступлений, к числу которых относят: наличие большого количества предложений как по приобретению наркотических средств, так и по работе, связанной с их незаконным оборотом, находящихся в открытом доступе; несформированность психики лица, которое является потенциальным наркопреступником; восприимчивость современного человека к любой получаемой информации в сети Интернет, в том числе распространяемых идей о бессилии или неэффективности деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений данной категории; непонимание пагубности наркотических средств не только на отдельного человека, но и на общество в целом; желание устранить материальные трудности за относительно короткий период времени; стремление показать сверстникам пренебрежение к общественным установкам в социуме по отношению к наркотикам, а также отсутствие страха ответственности за совершенные деяния; недостаточное количество, а также относительно низкое качество социальной рекламы, направленной на профилактику наркопреступности, и др. Указанные причины являются начальной стадией становления наркопреступника, формирующие его отличительные признаки как личности, представляющей реальную социальную опасность. Для выявления данных личностей требуется постоянно осуществлять изучение, структурирование и обновление данных признаков, что позволит установить криминологический портрет.

На наш взгляд, следует указать, что на сегодня имеется доктринальная структура личности преступника, которая чаще всего представляется соотношением качеств, свойств, признаков, позволяющих сделать вывод о лице, совершившем преступное деяние. Данные качества и свойства позволяют группировать признаки для выявления среди них наиболее распространенных [2, с. 108].

К первой классификационной группе относят социально-демографические признаки, которые по сути являются анкетными данными лица, т. е. пол, возраст, уровень образования, семейное положение, социальное положение, профессия и род занятий, материальная обеспеченность, место жительства, гражданство [3, с. 102]. В практическом применении указанные данные позволяют иметь общее представление о личности преступника. Согласно исследованиям, имеется негативная тенденция привлечения несовершеннолетних к незаконному обо-

роту наркотиков, но чаще всего преступниками в этой сфере являются лица 18–25 лет. Однако, исходя из перечисленных нами выше причин, способствующих совершению наркопреступлений, данная статистика может изменить свой вектор в сторону увеличения числа лиц, совершающих такие преступления в возрасте 15–18 лет. Эти изменения можно объяснить тем, что современное поколение сильно вовлечено в интернет-сферу, и уровень развития современного ребенка, при сравнении с аналогичным по возрасту ребенком поколения начала 2000-х гг., достаточно весомо отличается ввиду общедоступности информации, предоставляемой в различном виде. У современного поколения несовершеннолетних, употребляющих наркотики, наблюдается деформация личностных ценностей, утрата социально полезных связей, развитие асоциальных установок. В этой связи сотрудники отделов по противодействию незаконному обороту наркотиков отмечают, что сложившаяся ситуация в сфере незаконного наркооборота с высоким уровнем вознаграждений за такую противоправную деятельность и легкостью вовлечения в нее, в большинстве случаев, становится оптимальной для лиц, ищущих простые способы извлечь материальную выгоду [4, с. 159]. Гендерные показатели продолжают указывать на преобладание мужчин в совершении рассматриваемых преступлений, однако не следует исключать возможность изменения ситуации в сторону уравнивания данных показателей ввиду изменения общих подходов к роли женщин в жизни общества. На наш взгляд, следует также обратить внимание на такие признаки, как уровень образования, род деятельности и профессию. Самыми распространенными показателями в данном случае будут средний или средне-специальный уровень образования, постоянная работа может быть в различных сферах, чаще представлена техническими специальностями, но часто вовсе отсутствует (46 %) [5, с. 14–15]. Этот показатель, на наш взгляд, в будущем может претерпеть изменения. В первую очередь, это связано с тем, что на сегодня тенденции развития молодежи направлены на IT-индустрию, что в значительной мере коррелирует с тем, что большинство современных наркопреступлений совершаются с использованием информационных технологий (разработка, администрирование интернет-ресурсов, управление штатом лиц, занимающихся «рядовой» деятельностью в сфере незаконного оборота наркотиков через специально созданные чат-каналы). Помимо этого, ввиду сложности ситуации с поставками наркотиков из-за границы, возникает необходимость поиска новых способов создания синтетических наркотиков, что требует наличия определенных знаний. Исходя из вышеперечисленного, можно предположить, что число высокообразованных лиц в ближайшем будущем будет увеличиваться.

Второй группой признаков является уголовно-правовая. К ней относятся юридически относимые элементы, сопровождающие личность до, во время и после совершения преступления и входящие в предмет доказывания при производстве предварительного следствия и суда. Данные признаки отражают форму вины, мотивацию, склонность к совершению преступлений, склонность к групповому совершению преступлений, рецидиву, а также степень и характер общественной опасности преступного деяния, причем установление данных признаков является необходимо, ввиду их учета при вынесении приговора судьей [3, с. 104].

Согласно имеющимся данным, на сегодня за совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков большинство лиц осуждены по ч. 3 ст. 328 Уголовного кодекса (УК) Республики Беларусь, но также имеет место быть и частое привлечение к ответственности по ч. 1 указанной статьи. При этом, исходя из имеющихся данных, большинство осужденных сознавали негативный характер своих действий, однако не могли поступить иначе и сожалеют о содеянном, а после выхода из мест лишения свободы не собираются более совершать подобные деяния. Однако на практике лица, впервые осужденные по ч. 1 ст. 328 УК Республики Беларусь, т. е. за совершение преступления, не связанного со сбытом наркотиков, в последующем возвращаются к такой преступной деятельности. На наш взгляд, это обстоятельство связано с волевыми моментами, способностью принимать и осуществлять решения, добиваться намеченной цели, в данном случае – отказаться от наркотиков или осуществлять лечение от наркомании. На волевые моменты также влияют и такие свойства наркотиков, как вызывание привычек и зависимости от них. Указанные обстоятельства объясняются желанием продолжения поиска возможности приобретения наркотиков, но ввиду специфики деятельности правоохранительных органов быстро пресекаются. Исходя из этого, нами предлагается рассматривать вопрос введения мер принудительного лечения к подобным лицам, ввиду того, что простое отбывание наказания не является эффективным для подобной категории лиц. В свою очередь, лица, занимавшиеся «администрированием» преступных деяний, связанных с наркотиками, чаще подвержены материальным влечениям, ввиду относительно крупных заработков, от которых даже после освобождения из мест лишения свободы отвыкнуть достаточно проблематично.

Вопрос о снижении ответственности по рассматриваемой категории преступлений, по примеру западных государств, не привел к положительным результатам, а наоборот увеличил число данных преступлений (со стороны заинтересованных лиц государственная политика 2018–2019 гг. по смягчению наказаний за наркопреступления воспринимает-

ся как «слабость»). Несмотря на это, многие государства продолжают легализовать выращивание и хранение некоторых видов наркотиков. Например, на 2022 г. в национальных законодательствах государств присутствуют открытые возможности как для оборота, так и для производства наркотиков. Такими наркотиками являются гашиш и марихуана (КНДР, Аргентина, Бельгия), кроме них также разрешены опий, кокаин, галлюциногенные грибы (Чехия, Голландия, Нидерланды, Мексика) [6]. Данные обстоятельства влекут последующее возникновение желания оценить на «собственном опыте» воздействие наркотиков на организм, так как решения западных государств, часто воспринимаются как эталонные.

Третьей группой признаков являются социально-ролевые, т. е. признаки, указывающие на социальное положение, принадлежность к определенной социальной группе, выполняемым функциям. Информацию о статусе лица можно почерпнуть из характеристики с его места работы, учебы или по месту жительства. Как правило, данные лица характеризуются с нейтральной или положительной стороны, за ними практически не замечают недостатков, ввиду их закрытости для окружения, в том числе об их деятельности. Если лицо имело зависимость от наркотиков, чаще всего оно игнорировало возможность лечения в медучреждениях, а продолжало вести антиздоровый образ жизни, ведущий к возникновению болезней, возрастанию социальной напряженности.

Четвертой группой признаков являются нравственно-психологические. Здесь речь идет о мировоззренческих и нравственных чертах и свойствах: интеллект, волевые и эмоциональные свойства, темперамент, потребности и интересы, мотивация, установки, ценностные ориентации и взгляды, способности, навыки и привычки, а также психические заболевания. Так, некоторые авторы выделяют мотивационные установки, к которым относят: политическую; корыстную; насильственно-эгоистическую; анархически-индивидуалистическую; легкомысленно-безответственную мотивацию к совершению наркопреступлений [7, с. 186–187]. На наш взгляд, данные мотивационные установки уточняют некоторые признаки и позволяют дополнительно рассматривать черты личности преступника, нравственные проблемы, роль характера, смысл преступного поведения.

Качествами личности обычно выступают типичные характеристики лица в разных ситуациях. Среди таких качеств преступников часто отмечаются эмоциональная неустойчивость, импульсивность, конфликтность, агрессия. У значительной части преступников имеются слабости, повышенная внушаемость, подверженность негативным влияниям со стороны, в том числе от близких друзей или знакомых. Данные об-

стоятельства объясняют тот факт, что человек, не имеющий негативных взглядов и убеждений, может совершать преступления. Нельзя упускать и тот факт, что наличие неустойчивого эмоционального состояния может повлечь развитие возбужденности, раздражительности, изменчивости личности, что во многом может повлиять на дальнейшее поведение наркопреступника. Интеллектуальные свойства зависят от его рода деятельности, ввиду необходимости владения определенными знаниями и умениями. Например, так называемым минерам свойственно наличие смекалки и хитрости, но ввиду неопытности и появления спустя время завышенного о себе мнения, их преступный путь прерывается. Обладание хорошим интеллектуальным развитием не является основным критерием к становлению наркопреступников, однако постепенное изменение общественной жизни, уход в IT-сферу, для более безопасного осуществления преступной деятельности, требует наличия некоторых знаний, позволяющих ее осуществлять. Имея в виду это, правоохранительные органы должны действовать наступательно.

Подводя итог вышеизложенному, полагаем, следует отметить, что личность наркопреступника по многим позициям имеет отличительные черты, по сравнению с личностями иных видов преступлений. Отличие выражается в предмете преступления, опасности совершения с ним действий, отнесенных к незаконным действиям с наркотиками. Имеющаяся модель личности наркопреступника не является окончательной, но позволяет выявлять таковых на ранних стадиях. При этом лица, относящиеся к наркопреступникам, должны быть подвергнуты наиболее длительному воздействию, в том числе мерам профилактики и предупреждения, воздействующих на их корыстную мотивацию, а также на отвлечение от самого занятия незаконными действиями с наркотиками.

#### Список использованных источников

1. Дюркгейм, Э. Норма и паталогия / Э. Дюркгейм // Социология преступности. Современные буржуазные теории : сб. ст. : пер. с англ. – М. : Прогресс, 1966. – С. 39–44.
2. Прокументов, Л.М. Криминология. Общая часть : учебник / Л.М. Прокументов, А.В. Шесле. – Томск : ТГУ, 2007. – 238 с.
3. Криминология : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Еминова. – М. : Норма, 2005. – 912 с.
4. Гордейчик, В.В. Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков: некоторые особенности криминализации лиц, их совершающих / В.В. Гордейчик // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21 февр. 2019 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образова-

ния «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; редкол.: А.В. Яскевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2019. – С. 159–160.

5. Ананич, С.В. Личность преступника как криминологическое основание формирования и применения институтов и норм уголовного права / С.В. Ананич // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / Гос. учреждение «Науч.-практ. центр Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь». – Минск : Право и экономика, 2019. – Вып. 2/46. – С. 11–16.

6. Где легализованы наркотики: ТОП-10 стран [Электронный ресурс] // АнтиСуд. Юридическая помощь по делам о наркотиках. – Режим доступа: <https://www.antisud.com/news/gde-legalizovany-narkotiki-top-10-stran/>. – Дата доступа: 09.06.2022.

7. Лунеев, В.В. Мотивация преступного поведения / В.В. Лунеев. – М. : Наука, 1991. – 384 с.

УДК 343.98

*Н.П. Хамёнок*, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – *О.В. Павлють*

### **О ПОНЯТИИ, СУБЪЕКТАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ**

В настоящее время процесс раскрытия и расследования преступлений не представляется возможным без помощи лиц, обладающих специальными знаниями. В ряде случаев благодаря своевременной и квалифицированной помощи специалиста при производстве следственных действий уголовное дело может быть даже не возбуждено. Важно отметить, что институт специальных знаний, несмотря на довольно длительный период времени с момента возникновения, все еще имеет нерешенные пробелы в теоретическом и практическом закреплении, поскольку единого понятия категории «специальные знания» не сформулировано.

На современном этапе на законодательном уровне определено, что основными субъектами специальных знаний являются эксперт (от лат. *expertus* – опытный, проверенный, знающий по опыту) и специалист (от лат. *specialis* – особенный, особый).

В уголовно-процессуальном законе предусмотрено определение данных понятий. Так, в ст. 61 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) изложено, что экспертом является незаинтересованное в исходе уголовного дела лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, которому поручено проведение экспертизы. Принимая во внимание специфику работы эксперта и юридические последствия его деятельности, он должен

быть высококвалифицированным специалистом в определенной сфере, соответственно, обязан иметь теоретические знания, практические навыки и опыт в этой сфере, удостоверенные соответствующей документацией (дипломом, удостоверением, допуском, лицензией, свидетельством и т. д.). Исходя из вышеизложенного, эксперт, обладающий специальными знаниями, также может быть привлечен в качестве специалиста при производстве следственных и иных процессуальных действий.

Согласно ст. 62 УПК специалистом является незаинтересованное в исходе уголовного дела лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, вызванное органом, ведущим уголовный процесс, для участия и оказания содействия в производстве следственных и других процессуальных действий.

Проанализировав вышеперечисленное, можно прийти к выводу, что каждый эксперт является специалистом, однако не каждый специалист может быть экспертом. Следовательно, понятие «специалист» охватывает понятие «эксперт» и является шире.

Стоит отметить, что в обоих толкованиях вышеуказанных категорий, приведенных законодателем, имеет место понятие «специальные знания», однако дефиниция последнего отсутствует. На современном этапе специальные знания выступают важнейшим критерием участия как специалиста, так и эксперта в производстве следственных и иных процессуальных действий, однако данный институт и в настоящее время является дискуссионным.

Сущность вышеизложенного составляет определенную проблематику, изучением которой в своих трудах занимались такие ученые, как Р.С. Белкин, Е.И. Зуев, А.А. Эйсман, Н.П. Яблоков, А.А. Янков, Я.Р. Боргоякова, А.И. Туленев, М.А. Малютин, А.А. Светличный, В.С. Зобнин, М.В. Косенко, М.С. Замир, Т.В. Демидова и др.

При изучении данного вопроса было выявлено, что определения, как и сами понятия различны, что является недопустимым при толковании норм уголовно-процессуального законодательства. В научных изысканиях вышеприведенных авторов можно встретить такие категории, как «специальные знания», «научные знания», «специальные познания» и «необходимые познания».

Невозможно не согласиться с высказыванием Р.С. Белкина о характеристике данного понятия: «Термин «специальные познания» приобрел такое обыденное звучание, что в теории и практике стал употребляться автоматически, как нечто само собой разумеющееся» [1, с. 102].

А.А. Эйсман полагал, что «специальные познания – это те познания, которыми не располагает адресат доказывания», эти «знания не общеизвестные, не общедоступные, не имеющие массового распростране-

ния; это знания, которыми располагает ограниченный круг специалистов» [2, с. 90–91]. Многие ученые придерживаются данного мнения, привнося лишь незначительные уточнения и корректировки. Например, Е.И. Зуев исключил область процессуального и материального права из круга специальных знаний [3, с. 19]. В.И. Шиканов также подчеркивал, что правовые знания не стоит относить к специальным [4, с. 23]. В научных кругах до сих пор не принято единое мнение относительно этой области знаний, и мы, в свою очередь, придерживаемся позиции, что правовые знания нельзя отнести к специальным.

Особое место среди специальных знаний, используемых в уголовном процессе, стоит выделить для криминалистических знаний, которые по своей природе являются синтезом правовых и технических наук. Рассмотрим понятие криминалистики и криминалистических знаний подробнее.

*Криминалистика* – это наука, исследующая закономерности преступных деяний, механизм их отражения в источниках информации, особенности деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению всех видов преступлений и разрабатывающая на этой основе и использовании данных юридических и других наук средства и методы указанной деятельности с целью обеспечения надлежащего применения процессуально-материальных правовых норм [5, с. 11]. Данные аспекты могут быть изучены при помощи социальных, юридических, естественных и технических наук. Система криминалистики включает в себя:

- 1) общую теорию криминалистики;
- 2) криминалистическую технику;
- 3) криминалистическую тактику;
- 4) криминалистическую методику [5, с. 15].

По мнению В.М. Логвина, под *криминалистическими знаниями* следует понимать результат познания закономерностей, составляющих предмет криминалистики, и материализацию этого результата в виде предлагаемых практике средств, методов и рекомендаций по раскрытию, расследованию преступлений.

Криминалистические знания находят воплощение в *двух формах*:

фундаментальные составляют содержание общей теории криминалистики, частных криминалистических теорий и учений;

прикладные выступают в виде научных рекомендаций практике, криминалистических приемов, тактических приемов, тактических комбинаций, частных криминалистических методик расследования преступлений, технико-криминалистических средств и методов и т. д. [6, с. 228].

Поскольку криминалистика представляет собой совокупность средств, приемов и методик естественно-научных и технических знаний,

и, соответственно, лица, получающие исключительно юридические профессии, могут не обладать знаниями в этих областях. Поэтому криминалистика не может быть отнесена к чисто правовым наукам, а скорее является прикладной технической наукой, а соответственно, криминалистические знания могут быть отнесены к области специальных знаний.

Несмотря на множественность толкований данной категории, большинство из них носит фрагментарный характер, иначе говоря включают в себя лишь часть критериев, отражающих исключительность самого понятия «специальные знания».

Проанализировав многочисленные научные изыскания на эту тему, мы выделили общие положения, составляющие сущность данной категории, отражающие все аспекты этого термина, среди которых:

- 1) специальные знания не являются общедоступными, т. е. ими обладает узкий круг специалистов;
- 2) являются научно обоснованными;
- 3) проверены и удостоверены практическим применением, т. е. закреплены практическими навыками и умениями;
- 4) это знания в области науки, техники, искусства и ремесла;
- 5) применяются для решения вопросов, возникающих в ходе производства по уголовным и гражданским делам, а также при производстве по делам об административных, таможенных и иных правонарушениях;
- 6) применяются в целях обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств.

Обобщая вышеперечисленное, под *специальными знаниями* следует понимать научно обоснованные знания (за исключением правовых), практические навыки и умения в области науки, техники, искусства и ремесла, которыми обладает узкий круг лиц (специалистов), применяемые в целях обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств для решения вопросов, возникающих в ходе осуществления правосудия.

На современном этапе развития науки и практики выделяется две формы использования специальных знаний: процессуальная (регулируемая нормами процессуального права) и непроцессуальная. Однако стоит отметить, что у многих ученых возникают разногласия даже в этом разделении, поскольку одни и те же действия сведущих лиц они могут относить к разным формам.

Свое видение разделения форм использования специальных знаний представили В.Г. Заболоцкий и В.Д. Арсеньев. По их мнению, данные формы подразделяются:

- на обязательные и факультативные;
- используемые в рамках следственных и иных процессуальных действий [7, с. 4, 14].

Поскольку единой и общепризнанной классификации в научных литературных источниках нами выявлено не было, то в ходе сравнительного анализа различных классификаций и мнений, мы пришли к выводу, что одни ученые только перечисляют всевозможные формы использования специальных знаний, а другие приводят обоснования и критерии для разделения.

На наш взгляд, интересна классификация, приведенная М.А. Радионовой, которая включает в себя вертикальную и горизонтальную составляющие. Вертикальная составляющая – этапы или стадии, на которых применяются специальные знания, горизонтальная составляющая включает различные формы и виды использования специальных знаний.

На основании изученных научных источников мы составили следующую классификацию форм использования специальных знаний по таким критериям:

по природе (прямо указанные в УПК (процессуальные) и не указанные в УПК (непроцессуальные);

по субъектам (используемые специалистами (экспертами), используемые следователями, органами дознания, прокурорами, судами);

по источнику правового регулирования (регулируемые нормами УПК, законодательными актами Республики Беларусь, внутриведомственными нормативными актами, межведомственными нормативными актами);

по этапам (стадиям), на которых применяются специальные знания (на стадиях досудебного производства, на судебных стадиях) [8, с. 46].

Таким образом, можно сделать вывод о наличии определенных пробелов категориального аппарата в законодательстве, что затрудняет единообразное толкование вышеуказанных понятий и недопустимо при применении норм процессуального права. Анализ литературных источников, посвященных проблематике использования специальных знаний на современном этапе развития науки и практики, позволил прийти к выводам, что в настоящее время наблюдается тенденция множественного толкования отдельных категорий. Было выявлено, что у авторов имеется определенная общность подходов в определении специальных знаний, однако все еще присутствует дискуссионность в вопросе выделения признаков, определяющих сущность данной дефиниции.

#### Список использованных источников

1. Белкин, Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Мегатрон XXI, 2000. – 334 с.
2. Эйсман, А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование / А.А. Эйсман. – М. : Юрид. лит., 1967. – 152 с.

3. Зуев, Е.И. Непроцессуальная помощь сотрудника криминалистического подразделения следователю / Е.И. Зуев. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1975. – 31 с.

4. Шиканов, В.И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса / В.И. Шиканов. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978. – 190 с.

5. Яблоков, Н.П. Криминалистика : учебник / Н.П. Яблоков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2005. – 781 с.

6. Логвин, В.М. О необходимости криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел / В.М. Логвин // I Минские криминалистические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 20 дек. 2018 г.) : в 2 ч. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: М.П. Шруб (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2018. – Ч. 1. – С. 227–232.

7. Арсеньев, В.Д. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела / В.Д. Арсеньев, В.Г. Заболоцкий. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – 152 с.

8. Радионова, М.А. Формы использования знаний сведущих лиц на стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.А. Радионова ; Юж.-Ур. гос. ун-т. – Челябинск, 2010. – 277 с.

УДК 343.985.8 + 342.7

**И.В. Черницкий**, выпускник факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *А.Г. Желобкович*

### **ОБ ИЗМЕНЕНИИ СОДЕРЖАНИЯ ПРИНЦИПА СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ, СВОБОД И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН, ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

На современном этапе развития общества и государства принципы можно рассматривать как основополагающие, отправные начала, руководящие идеи, требующие нормативного закрепления. Принципы определяют сферу правового регулирования, ее закономерность, назначение и правовую сущность в различных сферах деятельности. Стоит отметить, что и принципы такой сферы, как оперативно-розыскная деятельность (ОРД) не являются исключением.

Одним из принципов ОРД, имеющих важнейшее значение в практической деятельности оперативных сотрудников органов внутренних дел, является принцип соблюдения прав, свобод и законных интересов



граждан, прав и законных интересов организаций при осуществлении ОРД.

По мнению А.И. Шведа, вышеуказанный принцип основан на ст. 2 Конституции Республики Беларусь, согласно которой «человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства». В связи с этим установлена четкая законодательная процедура проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), ограничивающих конституционные права и свободы граждан, а также основания и порядок рассмотрения материалов об этих ОРМ, которые прописаны в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) [1, с. 18].

И.Д. Шатохин под принципом соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций при осуществлении ОРД понимает основанное на конституционных требованиях и закрепленное в Законе об ОРД основополагающее правило, которым обязаны руководствоваться все субъекты ОРД, заключающееся в признании достоинства личности, безусловном соблюдении ее прав и законных интересов, недопустимости их необоснованного и несоразмерного ограничения в установленных законом случаях [5, л. 66].

Ю.С. Блинов под содержанием данного принципа в том числе понимает и то, что лицо, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, т. е. в отношении которого в возбуждении уголовного дела отказано либо уголовное дело прекращено в связи с отсутствием события преступления, или в связи с отсутствием в деянии состава преступления, и которое располагает фактами проведения в отношении его ОРМ и полагает, что при этом были нарушены его права, вправе истребовать от органа, осуществляющего ОРД, сведения о полученной о нем информации [9, с. 18–19].

В Законе об ОРД принцип соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций при осуществлении ОРД трактуется следующим образом: «государство гарантирует соблюдение прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций при осуществлении ОРД. Соблюдение прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций при осуществлении ОРД обеспечивается посредством установления обязанностей органов, осуществляющих ОРД, определения порядка проведения ОРМ, надзора и контроля за ОРД. Ограничение прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций при осуществлении ОРД допускается в интересах националь-

ной безопасности Республики Беларусь, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других граждан в соответствии с Законом и иными законодательными актами» [2].

В законодательстве об ОРД Российской Федерации содержание указанного принципа не раскрывается, однако в литературных источниках данный принцип трактуется как основополагающий, общеправовой принцип, закрепленный в ст. 2 Конституции Российской Федерации. Этот принцип подразумевает признание законодателем в качестве ключевого по отношению к другим социальным ценностям, направленным на защиту жизни, здоровья, прав и законных интересов граждан, а также защиту собственности от противоправных посягательств [3, с. 16–17].

Исходя из анализа принципа соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций при осуществлении ОРД становится очевидно, что перечень мер, обеспечивающих его реализацию, не является исчерпывающим и может быть расширен. Применительно к данному послылу следует заключить, что одной из мер, позволяющих существенным образом усилить регулятивное значение рассматриваемого нами принципа, является законодательная регламентация возможности получения гражданами квалифицированной юридической помощи при проведении в отношении их ОРМ.

Вместе с тем стоит обратить внимание на то, что в своей повседневной деятельности должностные лица органов, осуществляющих ОРД, регулярно сталкиваются с проведением ОРМ, которые носят гласный характер. У лиц, в отношении которых проводятся ОРМ, может возникать потребность в реализации конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи.

С учетом сходности правового регулирования сферы ОРД в Республике Беларусь и Российской Федерации представляет интерес анализ данной проблемы со стороны российских исследователей. Анкетирование сотрудников оперативных подразделений Российской Федерации показало, что 68,3 % респондентов сталкивались со случаями участия адвоката в качестве защитника при проведении гласных ОРМ. Из них 85,7 % указали, что адвокат участвовал в проведении ОРМ «опрос», 39,3 % – в ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», 7,1 % – в ОРМ «сбор образцов для сравнительного исследования», менее 3,6 % отметили, что адвокат принимал участие в ходе проведения иных ОРМ. При этом анкетирование представителей адвокатского сообщества свидетельствует, что около 80 % респондентов оказывали помощь доверителям в ходе ОРМ. Сведения относительно конкретных ОРМ, в которых адвокаты принимали участие, прямо коррелируют с данными, полученными при анкетирова-

ний оперативных сотрудников. Так, 82,7 % участвовали в проведении ОРМ «опрос», 53,8 % – в ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», 26,9 % – в ОРМ «сбор образцов для сравнительного исследования».

Как видно из представленных сведений, адвокаты активно участвуют в проведении ОРМ гласно. В большинстве случаев они принимают участие в проведении ОРМ «опрос», «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», «сбор образцов для сравнительного исследования». Однако, как отмечает российский исследователь Е.В. Герасименко, проводивший опросы респондентов, до настоящего времени на законодательном уровне не определен порядок действий сотрудников органов, осуществляющих ОРД, и адвокатов при оказании ими квалифицированной юридической помощи доверителям в ходе проведения ОРМ [4, с. 54].

Следует также отметить, что ст. 62 Конституции Республики Беларусь гласит о том, что: «каждый имеет право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде, иных государственных органах, других организациях и в отношениях с должностными лицами и гражданами» [7]. В свою очередь, ст. 45 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь регламентирует участие защитника по материалам и уголовным делам [6]. В данном случае под материалами понимаются процессуальные документы, оформленные в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства. Вместе с тем сфера ОРД, в части порядка оформления оперативно-служебных документов и результатов проведения ОРМ не регулируется Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь.

Совокупность изложенного позволяет сделать вывод о том, что должностные лица органов, осуществляющих ОРД, сталкиваются с такими ситуациями, когда неизвестно, как и в какой ситуации возможно и допустимо оказание квалифицированной юридической помощи при проведении ОРМ и какие действия требуется при этом выполнить, в особенности, если лицо, в отношении которого проводится ОРМ гласно настаивает на юридической помощи.

Исходя из этого, в действующем законодательстве об ОРД Республики Беларусь отсутствуют положения, связанные с оказанием квалифицированной юридической помощи при осуществлении ОРД, что в значительной степени ограничивает конституционные права граждан. На наш взгляд, требуется определение порядка оказания квалифициро-

ванной юридической помощи при осуществлении ОРД, а также регламентация этих положений в Законе об ОРД.

Резюмируя изложенное, содержание второго абзаца ст. 7 Закона об ОРД «соблюдение прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» следует дополнить положением о возможности получения гражданами квалифицированной юридической помощи при проведении в отношении их ОРМ гласно, сформулировав его следующим образом: «соблюдение прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций при осуществлении оперативно-розыскной деятельности обеспечивается *возможностью получения квалифицированной юридической помощи при проведении в отношении их оперативно-розыскных мероприятий гласно*, а также посредством установления обязанностей органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность определения порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий, надзора и контроля за оперативно-розыскными мероприятиями». Логичным продолжением правового закрепления данного положения следует считать дополнение ст. 10 Закона об ОРД формулировкой следующего содержания после слов «имеют право»: *«на получение квалифицированной юридической помощи при проведении в отношении их оперативно-розыскных мероприятий гласно»*.

Новацией следует считать закрепление за гражданами права на получение квалифицированной юридической помощи при проведении ОРМ гласно. В частности, получение квалифицированной юридической помощи может иметь место при проведении ОРМ «оперативный опрос», «оперативный осмотр», «сбор образцов», «оперативное отождествление». Сведения о лице, оказавшем юридическую помощь, целесообразно отражать в соответствующих оперативно-служебных документах, оформляемых по результатам проведения ОРМ.

При этом квалифицированную юридическую помощь можно определить как профессиональную, квалифицированную юридическую поддержку правовой деятельности по реализации и защите его прав, свобод и законных интересов [9, с. 339–341].

По мнению А.Л. Кононова, юридическую помощь могут оказывать работники юридических служб организаций, в том числе организаций, оказывающих юридические услуги, индивидуальные предприниматели, нотариусы, работники органов власти и местного самоуправления и иные лица, уполномоченные на ведение профессиональной деятельности [10, с. 216–221].

Таким образом, внедрение такого положения, как обеспечение права на получение квалифицированной юридической помощи при прове-

дении ОРМ гласно в содержание принципа соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций при осуществлении ОРД во многом способствовало бы защите прав граждан, в отношении которых проводятся ОРМ, повышению результативности при раскрытии и пресечении преступлений, исключению принуждения и другого иного негативного воздействия на граждан со стороны лиц, которые осуществляют ОРД, недопущению фальсификации результатов проведения ОРМ оперативными сотрудниками и нарушения порядка проведения ОРМ.

#### Список использованных источников

1. Швед, А.И. Оперативно-розыскная деятельность : учеб. пособие / А.И. Швед, И.И. Бранчель. – Минск : Тетралит, 2014. – 352 с.
2. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. № 88-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. Давыдов, А.Ф. Основы оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие / С.И. Давыдов, В.В. Кальницкий, В.Н. Кукарцев [и др.]. – Барнаул : БЮИ МВД РФ, 2007. – 246 с.
4. Герасименко, Е.В. Обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь адвоката при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий / Е.В. Герасименко // Науч. вестн. Ом. акад. МВД России. – 2022. – № 1 (84). – С. 53–57.
5. Шатохин, И.Д. Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / И.Д. Шатохин. – Барнаул, 2018. – 210 л.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. от 26 мая 2021 г. № 112-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
7. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 80 с.
8. Блинов, Ю.С. Принципы оперативно-розыскной деятельности / Ю.С. Блинов // Оперативно-розыскная деятельность : учеб. пособие / редкол.: К.К. Горяинов, В.С. Овчинский, Г.К. Синилов, А.Ю. Шумилов. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : ИНФРА-М, 2004. – С. 18–19.
9. Суродеева, Н.А. Обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь в уголовном судопроизводстве / Н.А. Суродеева // Единство и дифференциация досудебного и судебного производства в уголовном процессе: новые концептуальные подходы в свете наследия великой судебной реформы :

материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 155-летию Судеб. Устава 1864 г., Курск, 14–15 нояб. 2019 г. / Нац. исслед. Морд. гос. ун-т им. Н.П. Огарёва. – Курск, 2019. – С. 339–341.

10. Романова, В.Е. Понятие оказания квалифицированной юридической помощи адвокатом / В.Е. Романова // Проблемы экономики и юрид. практики. – 2014. – № 2. – С. 216–221.

УДК 342.9

*А.А. Чехович*, выпускник магистратуры

Научный руководитель – кандидат юридических наук,  
доцент *М.В. Губич*

#### ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ВОЗДЕЙСТВИЙ СОЦИАЛЬНЫХ ИНЖЕНЕРОВ, СОЗДАЮЩИХ УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ И ИХ СОТРУДНИКОВ

Основной ресурс многих современных организаций – это информация. Ее можно разделить на информацию непосредственно о сотрудниках; информацию о клиентах; информацию о способах и методах работы организации. С учетом разнонаправленности информации, которая циркулирует во многих организациях, государственных органах, она представляет большую ценность для злоумышленников, особенно в эпоху цифрового общества и информационных войн. Современная история насыщена многочисленными фактами создания отнюдь не виртуальных, а реальных угроз человеку, обществу и государству в целом в результате злонамеренного использования ограниченной к распространению информации, утраченной ее собственниками, в том числе при воздействии социальных инженеров.

Устоявшийся подход к построению системы защиты информации включает в себя правовые, организационные и технические меры, комплекс которых позволяет обеспечивать безопасность систем и информационных ресурсов. Однако в цепочке «человек–машина» слабым звеном часто является человек. У машины нет эмоций, присущих человеку пороков и слабостей, у всех людей разные темперамент и интеллект. Наличие указанных и иных «уязвимостей» человека обусловило появление нового направления в обеспечении информационной безопасности – противодействие социальной инженерии. Однако наукой и практикой до настоящего времени не выработаны единые подход и понимание социальной инженерии как угрозы информационной безопасности, не

определены основные направления нейтрализации воздействий социальных инженеров, что препятствует организации системного противодействия рассматриваемой деятельности.

Проведенный анализ научной и специальной литературы показал, что организация эффективного противодействия социальной инженерии является одной из самых проблемных областей для субъектов обеспечения информационной безопасности, так как одним из наиболее слабых звеньев в защите любой системы, как правило, являются ее пользователи. Люди обладают такими слабостями, как, например, торопливость, алчность, альтруизм или страх перед официальным учреждением. Данные свойства отсутствуют у технических систем, что позволяет более просто организовать, с точки зрения утраты информации, их информационную безопасность. Однако любой машиной, так или иначе, управляет человек, которого нельзя полностью оградить от злоумышленника, путем программных и других технических продуктов.

При воздействии методами социальной инженерии, в целях получения доступа к системам, сетям или получения материальной выгоды, осуществляются воздействия (атаки), которые опираются на взаимодействие людей и сопровождаются манипулированием этими людьми (в нарушение нормальной процедуры безопасности).

Социальная инженерия применяется с целью побудить человека выполнить конкретные действия, которые без определенного влияния он никогда бы не стал выполнять, например, передача конфиденциальной информации третьим лицам. Исходя из этого, в случае, если получение конфиденциальной информации, используя технические и физические способы добычи информации, становится слишком дорогостоящим, то злоумышленнику гораздо легче и менее ресурсоемко воспользоваться методами социальной инженерии для достижения цели.

Особенности воздействий, рассчитанных на так называемый человеческий фактор, заключаются в отсутствии значительных материальных и ресурсных затрат, они, как правило, не требуют глубинных специальных знаний и могут осуществляться на протяжении длительного срока. При этом обладают латентностью – очень сложно выявляются субъектами обеспечения информационной безопасности.

В этой связи в целях определения направлений нейтрализации воздействий социальных инженеров, создающих угрозы безопасности сотрудников организаций, необходимым видится рассмотрение основных видов атак, используемых при применении злоумышленниками методов социальной инженерии.

Претекстинг – это действия, осуществленные злоумышленником по заранее составленному плану (алгоритму действий), т. е. претексту. При

этом так же, как и для всех злонамеренных действий, осуществляемых с применением методов социальной инженерии, одним из слагаемых является осуществление психологических манипуляций, посредством которых достигается доверие жертвы к злоумышленнику. В качестве информационно-коммуникационных технологий, посредством которых организуется взаимодействие с жертвой, используется VoIP-телефония.

В качестве примера претекстинга можно привести случаи, при которых лицу, реализующему товар через онлайн-площадки объявлений, поступает звонок от злоумышленника, выдающего себя за потенциального покупателя, готового осуществить сделку. Злоумышленник просит предоставить необходимые реквизиты банковской платежной карточки продавца, после получения которых проводит регистрацию этой банковской платежной карточки на стороннем интернет-ресурсе. Для подтверждения данной регистрации банк направляет продавцу уведомление о проведении подозрительной операции по карт-счету. В целях сокрытия данного уведомления злоумышленник созванивается с продавцом и вводит его в заблуждение об истинных причинах поступившего сообщения из банка (например, что пытается выполнить перевод из какого-то другого банка, либо с интернет-площадки). В ряде случаев злоумышленник создает у жертвы психологическое состояние спешки, «подгоняет» продавца, сообщая, что для завершения операции остается всего 10 секунд, на ввод кода, который поступил продавцу от банка, после чего злоумышленник получает доступ в мобильный банк продавца [2].

Метод «услуга за услугу» (quid pro quo) заключается в том, что злоумышленник предлагает услугу или какую-либо выгоду в обмен на доступ к информации или самой информации. Данный вид атаки злоумышленники часто используют, выступая от имени сотрудников технической поддержки организации. Под видом мониторинга проблем в информационной сфере злоумышленники обращаются к потенциальной жертве с предложением о помощи, чаще всего заранее, умышленно организовывая проблему, путем диверсии в сети Интернет. Далее они просят предоставить реквизиты доступа работника в систему организации, объясняя это тем, что хотят увидеть, путем удаленного доступа, со своего рабочего места, проблему потенциальной жертвы. Не подозревая о том, что добровольно передает реквизиты доступа, работник становится жертвой применения злоумышленниками социальной инженерии, а злоумышленники получают доступ в закрытую систему, или к конфиденциальным сведениям [1].

Фишинг – это попытка получить конфиденциальную информацию, в виде идентификаторов пользователей закрытой сети, либо реквизитов банковских платежных карточек. Атака происходит путем использова-

ния «двойников» знаменитых и надежных электронных ресурсов, когда в адресе изменен один символ, который при беглом осмотре незаметен. При этом интерфейс полностью остается идентичен оригинальному ресурсу. Чаще всего при атаке потенциальная жертва получает сообщение, которое было отправлено от имени надежной, давно известной компании, или банка, который выпустил платежную карточку жертвы. В сообщении содержится вредоносное программное обеспечение, либо, чаще всего, ссылка на ресурс, содержащий такое вредоносное программное обеспечение. Цель атаки заключается в том, чтобы установить на устройство жертвы «вирусное» программное обеспечение, которое поможет злоумышленникам завладеть реквизитами банковской платежной карточки, или идентификаторами доступа в закрытую сеть жертвы, либо направить жертву по ссылке на ресурс, где такое вредоносное программное обеспечение располагается [2].

Троянский конь, или троянская программа, злоумышленниками маскируется под файл офисных приложений, который рассылается посредством электронной почты, как вложение в письмо. При открытии такого вложения жертвой на любом компьютерном устройстве, видимых изменений в работе такого устройства или других признаков атаки, не происходит. Однако программа путем «тихой установки» проникает в систему, откуда копирует и передает злоумышленнику все конфиденциальные сведения жертвы, либо идентификаторы доступа к таким сведениям. Простому обывателю такую программу на своем устройстве вычислить практически невозможно, без использования специализированного программного обеспечения, созданного для вычисления и удаления таких программ [2].

Дорожное яблоко – это вид атаки, которая представляет собой разновидность троянского коня. Она рассчитана на любопытство человека. Злоумышленник создает вредоносную программу-вирус, записывает на любое устройство для переноса и хранения компьютерной информации. Далее такое устройство оставляется на видном месте в организации, либо подкидывается на рабочее место потенциальной жертвы. Поддавшись простому любопытству, жертва решит проверить, что за информация содержится на обнаруженном им носителе. Вставив такой носитель в компьютерную технику, происходит процесс, аналогичный троянской программе, когда вредоносное программное обеспечение с носителя попадает в память устройства, либо в сеть, откуда передает злоумышленнику сведения, которые представляют интерес и являлись целью атаки [2].

Лжеантивирус или псевдоантивирус – это форма вредоносного программного обеспечения, которое злоумышленники выдают за анти-

вирусное или иное программное обеспечение, призванное бороться с вредоносными программами. Псевдоантивирус вводит в заблуждение жертву, путем того, что сообщает о нахождении в памяти компьютерного устройства или в файловой системе вредоносного программного обеспечения, которое необходимо немедленно удалить, с целью защиты от утраты конфиденциальной информации, либо сохранения работоспособности устройства. Далее жертве предлагается приобрести лжеантивирус, либо скачать его с удаленного ресурса. При попадании такого программного обеспечения на устройства жертвы злоумышленники могут пойти двумя путями: либо с его помощью удалить из памяти устройства жертвы первый «лжеантивирус» получив простую материальную выгоду, либо же посредством беспечности жертвы получить доступ к необходимым сведениям, используя все тот же «лжеантивирус», который жертва установит в память своего устройства для деактивации несуществующих в его памяти вредоносных файлов, на которые ранее ему сообщалось все другим «лжеантивирусом» [2].

Таким образом, воздействия социальных инженеров, создающих угрозы безопасности организаций и их сотрудников, можно обобщить до трех основных направлений:

завладение идентификаторами жертвы для доступа в закрытые сети и к банкам данных, при ограничении жертвы злоумышленником в действии по времени;

вынуждение потенциальной жертвы к добровольной передаче паролей доступа к сети передачи данных организаций, электронной почте, входу в корпоративную сеть и т. д.;

удаленная установка вредоносного программного обеспечения для дальнейшего проникновения в сеть передачи данных организации, либо производства действий в такой сети от имени жертвы.

Для достижения поставленных целей социальные инженеры могут применять сложные, многоходовые комбинации. В таких комбинациях на определенных этапах злоумышленники могут воздействовать не только непосредственно на сотрудников организации, занятых непосредственно выполнением профильных задач, но и на иных служащих, работников из числа обслуживающего персонала, которые находятся в непосредственном контакте с сотрудниками организации, и владеют сведениями, которые могут представлять интерес для социальных инженеров. При этом, как правило, последние при приеме на работу не проходят даже первоначальной профессиональной подготовки по вопросам обеспечения информационной безопасности организации, в том числе противодействия угрозам социальной инженерии.

В этой связи необходимым является совершенствование нормативной правовой регламентации противодействия методам социальной

инженерии при обеспечении информационной безопасности. Наиболее рациональным путем такой деятельности видится органичное встраивание мер противодействия и нейтрализации методов социальной инженерии в уже имеющуюся систему обеспечения информационной безопасности.

#### Список использованных источников

1. Грызунов, В.В. Особенности применения технологических методов в социальной инженерии / В.В. Грызунов, О.С. Шкреба // Техн.-технолог. проблемы сервиса. – 2018. – № 4. – С. 90–94.
2. Как избежать атаки с использованием социальной инженерии [Электронный ресурс] // Kaspersky. – Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/how-to-avoid-social-engineering-attacks>. – Дата доступа: 13.06.2022.
3. Ламинина, О.Г. Возможности социальной инженерии в информационных технологиях / О.Г. Ламинина // Гуманитар., соц.-экон. и обществ. науки. – 2017. – № 2. – С. 21–23.

УДК 343.619

*Д.С. Шелез*, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук  
*Д.Г. Вильмак*

### ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПЛАНИРОВАНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВ, ЗАМАСКИРОВАННЫХ ПОД САМОУБИЙСТВО ИЛИ НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Законодательство Республики Беларусь трактует убийство как умышленное противоправное лишение жизни другого человека и предусматривает ответственность в виде лишения свободы на срок от шести до пятнадцати лет за простое убийство (ч. 1 ст. 139 Уголовного кодекса (УК) Республики Беларусь) и лишение свободы на срок от восьми до двадцати пяти лет, или пожизненное лишение свободы, или смертную казнь, за квалифицированное убийство, предусмотренное ч. 2 ст. 139 УК Республики Беларусь. Как простое, так и квалифицированное убийство может быть замаскировано под самоубийство или несчастный случай.

При расследовании преступлений знание теоретической составляющей и ее правильное применение являются основой. Планирование позволяет правильно применить имеющиеся у следователя знания и при-

ложить их к расследованию. Правильно составленный план и его точное исполнение позволяют завершить расследование в установленные законодательством сроки.

Следственной практике известны случаи, когда при совершении убийств преступники, стремясь уйти от ответственности, считают возможным и достаточным скрыть не факт смерти определенного лица, а лишь конкретную причину смерти. В этих целях они создают ложную видимость гибели потерпевшего от самоубийства или несчастного случая.

Таким путем преступник достигает того, что созданная им на месте преступления обстановка приходит в соответствие с картиной будто бы происшедшего события, которое он описывает в своих показаниях.

Маскировка убийства под самоубийство или несчастный случай является частным случаем инсценировки некриминального события преступником. Целью инсценировки является подтверждение ложной версии преступника, которая объясняет причину, характер и обстоятельства расследуемого события так, чтобы у следствия не возникло подозрений в отношении лица, совершившего преступление [1, с. 225].

Основная цель инсценировки – это предвидимый и желаемый результат, который хочет получить субъект инсценировки в результате своих действий. В подобных ситуациях цель по сокрытию уступает ведущую роль другой более важной цели преступника – достигнуть определенного преступного результата любой ценой.

В литературе имеется несколько определений инсценировки преступления. Так, О.Я. Баев и А.С. Одиноких ее определяют, как «умышленное создание преступником доказательств, которые в своей совокупности образуют обстановку, характерную для определенного, желаемого преступником события» [2, с. 77].

По мнению Р.С. Белкина, инсценировка – это «создание обстановки, не соответствующей практически происшедшему на этом месте событию, что может дополняться поведением и ложными сообщениями, как исполнителя инсценировки, так и связанных с ним лиц» [3, с. 170].

В.А. Образцов определяет инсценировку как одну из разновидностей противодействия правоохранительным органам, которая представляет собой создание видимости события путем целенаправленного внесения в обстановку реального события изменений, направленных на дезориентацию следователя [4, с. 89].

При расследовании инсценировок нужно критически подходить ко всей полученной информации о преступлении, тщательно исследовать обстановку и обнаруженные следы. Следователь должен выстраивать сразу несколько версий и через их опровержение устанавливать истинную картину происшедшего.

При инсценировке убийства способ по его совершению и способ по сокрытию следов объединены в единую, общую конструкцию, отличающую ее от традиционных представлений о способах убийства, существующих в действительности.

Чаще всего преступники желают утаить факт убийства определенного лица, но бывают случаи, когда при совершении преступлений, преступники, имея желание уйти от ответственности, скрывают лишь конкретную причину его гибели. Цель преступника при инсценировке убийства только одна – убить жертву и одновременно скрыть свои следы.

Теоретические представления о расследовании убийств, замаскированных под самоубийство или несчастный случай, развиваются с того момента, как начали развиваться теоретические представления о расследовании убийств, так как расследование конкретного вида убийств неразрывно связано с расследованием всех убийств в целом, что, в свою очередь, развивается с того момента, когда криминалистика стала обособленной от науки уголовного процесса, она приобрела статус самостоятельной отрасли знания, процесс развития методических рекомендаций относительно расследования преступлений, в том числе и убийств, не прекращался. Свой вклад в разработку этого раздела науки внесли почти все выдающиеся криминалисты, как отечественные, так и зарубежные [5, с. 300].

Теоретическую основу расследования такого вида убийств составляют различные работы данной тематики. Это статьи в периодических изданиях, монографии, диссертации соискателей ученых степеней, учебные пособия. Примерами таких работ являются пособие «Расследование отдельных видов преступлений» О.Я. Баева и А.Г. Филиппова, «Расследование преступлений, скрытых инсценировками» В.А. Овечкина, «Способ сокрытия преступления и его криминалистическое значение» И.М. Лузгина и В.П. Лаврова, «Криминалистика» В.А. Образцова и др.

Правоохранительными органами, например Следственным комитетом Республики Беларусь, также выпускаются методические рекомендации по расследованию различных категорий преступлений.

Основное назначение планирования расследования конкретного уголовного дела – это тщательная проверка всех выдвинутых версий. В соответствии с этим основу планирования составляют следственные версии. Планирование – это сложный и очень важный для расследования этап, обеспечивающий решение практических задач расследования. Ответы на поставленные при планировании вопросы возможно получить в ходе производства следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и иных действий, проведение которых предусматривается в плане расследования. При этом основная роль отводится следствен-

ным действиям. Для выяснения конкретных обстоятельств, входящих в предмет доказывания, необходимо планировать производство разнообразных следственных действий и учитывать их последовательность (очередность) производства. Это, как правило, повышает достоверность полученных результатов [6, с. 222].

Расследование убийств, замаскированных под самоубийство либо несчастный случай, как и иных преступлений, начинается с составления плана следственных и иных процессуальных действий, и выдвижения версий случившегося. В криминалистике выделяют общие и частные версии.

Общие версии – это предположения, выдвигаемые относительно расследуемого события в целом. При возбуждении уголовного дела в связи с обнаружением трупа с признаками насильственной смерти, выдвигаются такие общие версии:

- 1) имело место убийство;
- 2) убийства не было, а имело место умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего;
- 3) убийства не было, а имело место самоубийство;
- 4) имело место убийство, инсценированное под самоубийство или несчастный случай;
- 5) убийства не было, а имел место несчастный случай.

Не выдвинув общие версии, следователь не сможет правильно определить направление расследования, объективно осуществить процесс доказывания по уголовному делу, установить наличие или отсутствие в деянии конкретного состава преступления.

Частные версии – это тоже предположения, но они касаются отдельных фактов или обстоятельств расследуемого события, в отношении которого выдвинуты общие версии.

Частные версии при обнаружении трупа с признаками насильственной смерти или без них, в случае установления того что смерть не носит естественный характер посредством проведения судебно-медицинской экспертизы, а также зафиксированной во время осмотра места происшествия обстановки. К частным версиям могут относиться следующие:

1. Преступление совершено лицом или группой лиц, ранее не судимых, проживающих на территории обслуживания, либо в иных населенных пунктах области, либо проживающих в других областях Республики Беларусь либо за ее пределами.

2. Преступление совершено лицом или группой лиц, ранее судимых за иные преступления и проживающих на территории обслуживания,

либо в иных населенных пунктах области, либо проживающих в других областях Республики Беларусь либо за ее пределами.

3. Преступление совершено лицом или группой лиц, ранее судимых за аналогичные преступления и проживающих на территории обслуживания, либо в иных населенных пунктах области, либо проживающих в других областях Республики Беларусь либо за ее пределами.

4. Преступление связано с совершением иных преступлений в отношении того же лица (например, разбой, грабеж, изнасилование и насильственные действия сексуального характера и т. д.).

После выдвижения версий необходимо спланировать проведение следственных и иных процессуальных действий.

В ходе предварительного расследования убийств, замаскированных под самоубийство или несчастный случай, необходимо провести следующие следственные и иные процессуальные действия:

1. Направить поручение в территориальный орган внутренних дел на проведение оперативно-розыскных мероприятий и поквартирного обхода домов на установление свидетелей и очевидцев, а также на установление свидетелей и очевидцев по маршруту перемещения лица, в отношении которого совершено преступление и обвиняемого, подворного обхода частных домовладений.

2. Допросить в качестве свидетелей бригаду скорой медицинской помощи, выывавшую на место, приобщить копию карты вызова бригады скорой медицинской помощи.

3. При наличии поблизости камер видеонаблюдения (на автозаправках, магазинах, банках, частных домовладениях и т. д.) изъять записи, с целью установления личности подозреваемого, транспортного средства, на котором передвигается подозреваемый, при наличии такой информации, уточнения маршрута движения подозреваемого и лица в отношении которого совершено преступление.

4. После установления личности подозреваемого и его задержания запросить материалы оперативно-розыскных мероприятий, проводимых в отношении его в местах содержания.

5. Допросить в качестве свидетелей лиц, состоявших в родстве либо близких отношениях с лицом, в отношении которого совершено преступление, по характеристике личности и известных обстоятельствах.

6. В полном объеме собрать характеризующий материал на обвиняемого и лица, в отношении которого совершено преступление.

7. Приобщить распечатки телефонных соединений обвиняемого и лица, в отношении которого совершено преступление, провести их анализ.

8. По результатам судебно-медицинской экспертизы трупа рассмотреть вопрос о назначении медико-криминалистической экспертизы по повреждениям на одежде лица, в отношении которого совершено преступление.

9. Провести в отношении подозреваемого после его установления комплексную судебную психиатрическую экспертизу.

10. С участием обвиняемого провести следственный эксперимент, по механизму причинения им телесных повреждений.

11. В случае демонстрации механизма, назначить дополнительную судебно-медицинскую экспертизу.

12. Провести проверку показаний подозреваемого/обвиняемого на месте с целью уточнения обстоятельств и установления новых.

13. Допросить в качестве свидетелей участковых инспекторов милиции, обслуживающих территорию, на которой произошло преступление, на которой проживает обвиняемый, на которой проживало лицо, в отношении которого совершено преступление.

14. Провести осмотры предметов, изъятых с места происшествия, изъятых по месту жительства лица, в отношении которого совершено преступление, у подозреваемого/обвиняемого, при необходимости признать вещественными доказательствами либо исключить из материалов уголовного дела.

15. В соответствии с ч. 4 ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь признать потерпевшим кого-либо из членов семьи, близких родственников либо представителя лица, в отношении которого совершено преступление.

Могут указываться и, соответственно, проводиться иные мероприятия, проведение которых связано с конкретной ситуацией [7, с. 177]. Кроме этого, в плане указываются срок выполнения перечисленных в плане следственных и иных процессуальных действий и лицо, ответственное за их исполнение. План, составленный следователем, утверждается начальником следственного подразделения, и его копия направляется в территориальный орган внутренних дел.

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать выводы о том, что следственной практике известны случаи, когда при совершении убийств преступники, стремясь уйти от ответственности, считают возможным и достаточным скрыть не факт смерти определенного лица, а лишь конкретную причину смерти. В этих целях они создают ложную видимость гибели потерпевшего от самоубийства или несчастного случая. Развитие научных представлений о расследовании убийств, замаскированных под самоубийство или несчастный случай, тесно связано с развитием теории расследования убийств в целом.



Планирование по уголовным делам по убийствам, замаскированным под самоубийство или несчастный случай, занимает одно из важнейших мест на первоначальном этапе расследования преступления. Планирование будет зависеть от выдвигаемых версий и складывающихся следственных ситуаций. Своевременное и точное планирование следственных действий, позволяющее собрать достаточное количество доказательств, ведут к максимально продуктивному расследованию преступления в установленные законодательством сроки.

#### Список использованных источников

1. Авдеев, М.И. Руководство по расследованию убийств / М.И. Авдеев, С.В. Бородин, Л.Г. Видонов, В.П. Власов. – М. : Юрид. лит., 1977. – 400 с.
2. Баев, О.Я. Расследование отдельных видов преступлений / О.Я. Баев, А.Г. Филиппов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. – 284 с.
3. Белкин, Р.С. Криминалистика : учеб. слов.-справ. / Р.С. Белкин. – М. : Юристъ, 1999. – 266 с.
4. Образцов, В.А. Выявление и изобличение преступника / В.А. Образцов. – М. : Юристъ, 1997. – 333 с.
5. Волюнский, А.Ф. Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. А.Ф. Волюнского. – М. : Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 1999. – 615 с.
6. Быстряков, Е.Н. Организация деятельности следователя при расследовании тяжких преступлений против личности : учеб. пособие / Е.Н. Быстряков. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1992. – 346 с.
7. Меретуков, Г.М. Организация планирования расследования убийств / Г.М. Меретуков, А.С. Найденов // Гуманитар., соц.-экон. и обществ. науки. – 2018. – № 5. – С. 175–178.

УДК 343.985

**В.И. Шишко**, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *А.С. Жидович*

### УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ СОВЕРШЕНИЮ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Для успешного решения задач, связанных с предупреждением, выявлением и пресечением преступлений любого рода, в том числе и налоговых, необходимо осмыслить содержание и оперативно-розыскную

характеристику (ОРХ) этих преступлений. Об ОРХ говорят многие ученые, которые занимаются освещением методов и средств раскрытия преступлений, однако до настоящего времени не выработан единый подход к определению ОРХ, и данный термин, в зависимости от вида преступления и ученого, который о нем ведет речь, трактуется по-разному.

По мнению Д.В. Гребельского, употребившего данное понятие одним из первых, ОРХ представляет собой совокупность ряда информационных признаков, упорядоченных и взаимосвязанных между собою, почерпнутых из различных информационных источников (входящих прежде всего в криминалистическую, криминологическую, психологическую, социологическую, экономическую и другие характеристики преступлений) [1, с. 72–73].

В.М. Аتماжитов полагает, что ОРХ – это «научно разработанная система наиболее существенных, типичных для определенной категории преступлений (борьба с которыми отнесена к компетенции оперативных аппаратов) черт, свойств, признаков, отражающихся в объективной действительности. Они динамичны, почерпнуты из различных информационных источников, прежде всего из криминалистической, криминологической, психологической и других видов характеристик» [2, с. 8]. Как видно, автор акцентирует внимание на наличии определенной структуры ОРХ в виде некоторых свойств, признаков, а также на их содержательном разнообразии.

Проанализировав работы И.И. Басецкого и В.Ч. Родевича, можно сделать вывод о том, что ОРХ представляет собой совокупность гласной и негласной информации о распространенности этого вида преступлений в республике, их характере, особенностях проявления и т. п. [3, с. 71]. В данном определении выделяется качественное разнообразие содержания ОРХ в виде совокупности определенной гласной и негласной информации.

Таким образом, с учетом вышеизложенного можно отметить, что оперативно-розыскная характеристика – это основанная на анализе негласной и гласной информации о подготавливаемых, совершаемых и совершенных преступлениях и причастных к ним лицах, информационная модель, использующая значимые в оперативно-розыскной деятельности сведения с целью определения наиболее оптимальных направлений противодействия отдельным видам преступлений с учетом особенностей оперативно-розыскных сил, средств и методов.

Такие ученые, как А.М. Абрамов, В.М. Аتماжитов, Д.В. Гребельский, И.А. Климов и многие другие полагают, что ОРХ преступлений состоит из элементов уголовно-правовой, криминалистической, крими-

нологической и иных характеристик, которые нужно рассматривать в совокупности.

Указанные ученые выделяли общую оперативно-розыскную характеристику для всех преступлений, но важным с точки зрения практики является определение ее содержания и структурных элементов оперативно-розыскной характеристики конкретного вида преступления. Так, Е.Н. Шахов под оперативно-розыскной характеристикой понимает научно разработанную систему обобщенных фактических данных и основанных на них научных выводов и рекомендаций о наиболее типичных оперативно значимых признаках преступления, проявляющихся в особенностях объекта преступного посягательства, способа совершения преступления, механизма следообразования и маскировки этих следов, а также личностных данных его субъекта, знание которых необходимо для выполнения задач, стоящих перед оперативными подразделениями правоохранительных органов [4, л. 32].

Исходя из приведенного определения Е.Н. Шахова, можно выделить следующие структурные элементы, которые наиболее полно отражают содержание оперативно-розыскной характеристики налоговых преступлений:

- объект преступного посягательства;
- способ совершения преступления;
- способ сокрытия преступления;
- личность преступника.

На наш взгляд, в ОРХ налоговых преступлений также следует включить такой структурный элемент, как *причины и условия*, способствовавшие совершению преступлений данного рода. Совершению любого преступления способствуют различные условия, которые «подталкивают» правонарушителя, который еще сомневается в готовности преступить черту закона, в конечном итоге поддаться мыслям о легком способе нажиться. В этом вопросе и налоговые преступления не являются исключением. Каждое преступление имеет свои условия, которые их отличают от других. Условия совершения экономических преступлений являются достаточно специфическими и сильно отличаются от других.

Рассмотрим один из важнейших элементов ОРХ налоговых преступлений – *причины и условия*, способствующие совершению налоговых преступлений. В общем понимании под условиями подразумеваются обстоятельства, от которых что-либо зависит. Под условиями же преступности следует понимать совокупность явлений, которые сами по себе не могут породить преступность, но служат обстоятельствами, способствующими ее возникновению и существованию.

Изучение указанных причин и условий позволяет глубоко понять природу налоговых преступлений и противопоставить им научно разработанные профилактические мероприятия.

Условно условия любого преступления можно разделить на индивидуальные и физические. Индивидуальные условия лежат в самой личности преступника и во многом зависят от его добросовестности. Физические – это влияние внешних факторов, таких как обстановка, социальное влияние, влияние природы и др.

По нашему мнению, для налоговых преступлений данная классификация является наиболее актуальной, так как наиболее полно раскрывает суть условий, при наличии которых вероятность совершения налоговых преступлений возрастает в разы. К индивидуальным условиям можно отнести:

1. *Руководящее положение* в организации. Налоговое преступление невозможно совершить без ведома руководителя организации и, как правило, он всегда причастен к факту сокрытия налогов от государства. Это обусловлено прежде всего тем, что руководитель организации заинтересован в максимальной прибыльности своего предприятия, в связи с чем незаконным способом пытается сократить отражаемую прибыль, тем самым, оставив ее себе.

2. *Корысть*. Как правило, большинство преступлений совершаются лицами из корыстных побуждений. Для налоговых преступлений это является, пожалуй, основным мотивом, ведь даже трудно вообразить, чтобы уклонение от уплаты налогов совершалось по другим причинам, в любом случае существует намерение приобрести наибольшую прибыль при осуществлении предпринимательской деятельности.

3. *Негативное отношение налогоплательщика к налоговым обязательствам и контролирующим органам*. Далеко не все граждане способны понять важность роли государства в повышении благополучия граждан. Некоторые налогоплательщики полагают, что бюджетные средства расходуются не по назначению и напрямую идут на выплаты заработной платы государственным служащим. В связи с этим, по нашему мнению, государству следует на постоянной основе и детально освещать направления расходования государственного бюджета и разъяснять о необходимости выделения бюджетных средств в ту либо иную сферу.

К физическим условиям можно отнести следующие:

1. *Недостаточная активность со стороны контролирующих органов*. Для Республики Беларусь данное условие характерно в меньшей степени, так как существует обширная система контролирующих органов, которые обеспечивают своевременную и полную выплату налогов

в казну государства, а в случае выявления нарушений – следят за доначислением необходимой суммы.

2. *Размер организации.* Чаще всего налоговые преступления совершаются на крупных предприятиях, и это связано с тем, что именно в организациях, имеющих сложную внутреннюю структуру и множество ежедневных операций, что затрудняет проверку бухгалтерской отчетности и создает высокий риск необнаружения проверяющим органом нарушений.

3. *Финансовое положение организации.* В зависимости от того, какой ежегодный оборот выручки приходится на организацию, у ее руководителя возникает желание занижить отображаемую в бухгалтерской отчетности прибыль, для уменьшения налогооблагаемой базы и, вследствие этого, уменьшить размер выплаты налогов. Чем больше размер выручки у предприятия, тем сильнее возникает желание у корыстного руководителя уклониться от уплаты налогов.

4. *Низкий уровень индивидуальной профилактики.* В основном деятельность правоохранительных органов направлена на выявление и пресечение преступлений, в связи с чем у сотрудников не остается времени на осуществление профилактической работы с гражданами, которые намереваются совершить преступление. Это касается также и налоговых органов, и органов финансовых расследований, работники (сотрудники) которых всю деятельность строят на выявлении лиц уже уклонившихся от уплаты налогов. При проведении профилактической работы с руководителями крупных организаций, разъяснении им возможных негативных последствий совершения противоправных деяний как для государства, так и для них самих, может улучшить ситуацию с выполнением налоговых обязательств в государстве.

Под причиной совершения преступления можно понимать стремление лица удовлетворить противоправным способом свои интересы, стремления, эмоции. Условно их можно разделить на моральные (нравственно-психологические), экономические и технические.

При рассмотрении моральных причин совершения налоговых преступлений многие ученые акцентируют внимание на личностное, негативное отношение налогоплательщиков к налоговой системе, которая существует в государстве, низкий уровень налоговой и правовой культуры населения, а также корыстный мотив. Во многом именно моральные факторы являются основной причиной совершения налоговых преступлений.

Причины совершения налоговых преступлений во многом зависят от существующей в государстве системы налогообложения. При установлении налогов любое государство, в первую очередь, стремится пополнить государственный бюджет, который является источником фи-

нансирования задач государства. По этой причине фискальная функция является основной функцией налогообложения. С помощью данной функции осуществляется основное предназначение налогов: формирование и мобилизация финансовых ресурсов государства, аккумуляция в бюджете средств для выполнения общегосударственных или целевых государственных программ.

Вместе с тем государство не должно забывать, что налоговые отношения должны отвечать объективным экономическим условиям. Это означает, что любое изменение в системе налогообложения должно происходить в соответствии с условиями воспроизводства, а налоговая нагрузка должна быть адекватна сложившимся экономическим реалиям. При невыполнении этих условий ухудшение материального положения налогоплательщиков достаточно часто является основным фактом совершения налоговых преступлений.

К техническим причинам уклонения от уплаты налогов можно отнести отсутствие технических средств учета первичных данных бухгалтерского учета. Многие предприниматели, не желая нести дополнительное имущественное бремя по приобретению кассовых аппаратов, компьютерной техники, не регистрируются в налоговых органах. Часть законно работающих налогоплательщиков испытывают нехватку высококвалифицированных специалистов, которые могут работать с новейшими персональными компьютерами и вести учеты в автоматизированном виде.

В заключение рассмотрения причин и условий, способствующих совершению налоговых преступлений, можно отметить, что приведенный выше перечень не является исчерпывающим. Как самостоятельную группу можно добавить причины социального характера, к которым можно отнести снижение уровня жизни населения ниже определенного уровня. Существуют также причины и условия социально-психологического характера, которые проявляются в искаженном понимании гражданами морали, нравственности и правосознания.

Таким образом, для успешного решения задач, связанных с предупреждением, выявлением и пресечением преступлений любого рода, в том числе и в налоговой сфере, важное значение имеет знание содержания и структурных элементов ОРХ. Один из важнейших структурных элементов ОРХ преступлений в налоговой сфере – причины и условия, способствовавшие совершению преступлений данного рода. Более детальное научное изучение причин и условий, способствующих совершению преступлений, повысит эффективность работы правоохранительных органов в рассматриваемой сфере.

### Список использованных источников

1. Гребельский, Д.В. О соотношении криминалистических и оперативно-розыскных характеристик преступлений / Д.В. Гребельский // Криминалистическая характеристика преступлений : сб. науч. тр. / под ред. Л.Н. Викторова [и др.]. – М., 1984. – С. 70–73.
2. Аتماжитов, В.М. Основы оперативно-розыскной тактики органов внутренних дел : учеб. пособие / В.М. Аتماжитов. – М. : Акад. МВД СССР, 1986. – 243 с.
3. Басецкий, И.И. Квартирные кражи: теория и практика борьбы : монография / И.И. Басецкий, В.Ч. Родевич. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 1999. – 297 с.
4. Шахов, Е.Н. Совершенствование организации и тактики деятельности оперативных подразделений ОВД по выявлению и раскрытию налоговых преступлений, совершаемых индивидуальными предпринимателями : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Е.Н. Шахов. – М., 2006. – 224 л.

УДК 343.8

*Е.И. Яцкевич*, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук  
*А.А. Тум*

### СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ИНТЕГРАЦИИ В ОБЩЕСТВО ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК

В период отбывания наказания в местах лишения свободы происходит утрата осужденным общественно полезных связей, а также социально значимых навыков. При этом, чем больше срок нахождения в исправительном учреждении, тем больше осужденный отучается от самостоятельной жизни в обществе. Длительное нахождение осужденного в исправительном учреждении приводит к тому, что осужденный привыкает жить «для себя», ориентируясь исключительно на удовлетворение своих индивидуальных потребностей. При освобождении от наказания происходит возвращение осужденного в социум, однако с устоявшимися ценностями, принятыми им в исправительном учреждении, особенно, в случае освобождения после отбытия длительных сроков наказаний актуализируется проблема интеграции его в общество [1, л. 118].

В таком случае одной из основных целей и задач уголовно-исполнительного законодательства является ресоциализация осужденных. В связи с тем что в настоящее время дефиниция ресоциализация

осужденных в научных кругах недостаточно разработана, то указанный факт продуцирует необходимость ее научного осмысления.

Формирование основ ресоциализации осужденного необходимо осуществлять с тех же позиций, что и социализацию индивида. Одной из фундаментальных основ процесса социализации индивида является участие в ней представителей социализации. С момента рождения личность окружают различные представители социализации: люди, социальные институты и группы (детский сад, школа, различные общественные объединения), которые в своей совокупности оказывают влияние на личность, формирующие таким образом поведенческие структуры, а также обуславливающие освоение индивидом социальных ролей [2, с. 114]. Очевидно, что, исходя из отношения к общепринятым правилам и нормам поведения, влияние на индивида представителей социализации может носить как положительную направленность, так и отрицательную. В свою очередь, чем больше личность окружает представителей социализации положительной направленности, тем меньшее влияние на личность оказывают агенты социализации негативной направленности [3, с. 70]. Точно такой же алгоритм воздействия на индивида осуществляется и по времени влияния представителей социализации. Чем больше личность взаимодействует с представителями социализации, тем больше оказываемое ими на нее воздействие. Таким образом, процессу ресоциализации осужденного свойственен элемент, суть которого состоит в выявлении представителей социализации. Указанное обстоятельство свидетельствует о необходимости закрепления соответствующего элемента ресоциализации – выявления детерминант преступного поведения осужденного (в том числе и представителей социализации негативной направленности). Для успешной ресоциализации осужденного данную стадию целесообразно осуществлять в самом начале реализации уголовной ответственности – до передачи уголовного дела в суд, что позволит последнему вынести приговор, наиболее соответствующий личности правонарушителя.

Выявление детерминант преступного поведения правонарушителя, без сомнения важный элемент ресоциализации осужденного, что требует совершенствования механизма реализации уголовной ответственности Республики Беларусь.

Сам процесс ресоциализации осужденных направлен на их скорейшее возвращение в социум, приобретение ими новых специальностей, профессий, навыков, необходимых для жизни в обществе, соблюдение установленных законодательством норм и правил [4, с. 48].

Однако содержание социальной адаптации представляет собой сложный длительный процесс приспособления к господствующим в

обществе нравственным ценностям, правовым установлениям, который включает в себя целый комплекс социальных институтов. Освобожденный из исправительного учреждения вступает в различные общественные отношения, усваивает определенные социальные роли и адаптируется к новым трудовым и бытовым условиям жизни и т. д. Именно в период «привыкания» к новым условиям жизни на свободе проверяются и закрепляются достигнутые в исправительных учреждениях результаты воспитательного воздействия.

По мнению Ю.В. Баранова, ресоциализация осужденных, лишенных свободы и освобожденных из мест лишения свободы, является повторной, возобновленной формой социализации, развивающейся по системе постепенного постижения предметов окружающего мира и социума. Она представляет процесс окультуривания и развивается в сфере межкультурной коммуникации, опираясь на базовые концепты (видение, понимание) их жизнедеятельности в рамках исправительного учреждения и вне его [5, л. 10].

С.Л. Бабаян отмечал, что ресоциализация лиц, лишенных свободы, представляет собой систему юридических, социально-экономических, психолого-педагогических, организационных и иных мер, которая направлена на реализацию целей уголовного наказания, социализацию личности преступника, восстановление у них утраченных социально полезных связей, оказание им содействия в бытовом и трудовом устройстве, защиту прав и законных интересов осужденных [6, с. 14].

К тому же, как показала практика, на сегодня ни одно государство в мире не обходится без наказания в виде лишения свободы.

Существование данного вида наказания говорит о том, что оно имеет большую эффективность в сфере исполнения наказаний. Несмотря на то что целесообразность закрепления в законодательстве Республики Беларусь наказания в виде лишения свободы не подлежит сомнению, польза от его реализации не всегда позволяет достичь целей уголовной ответственности, а именно – «исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами».

Указанный тезис подтверждается мнением как представителей научного сообщества, так и практических работников, свидетельствующих о том, что в процессе отбывания наказания (особенно длительного по сроку), связанного с изоляцией осужденного от общества, у него деградируют социально полезные навыки, обеспечивающие успешную интеграцию осужденного в общество после освобождения. В результате у осужденного возникает неспособность нормального вхождения в общество, в котором он жил до этого.

Стоит отметить, что «исправление» для осужденного несет в себе «готовность вести правопослушный образ жизни». Эта готовность предполагает подготовленность к самостоятельной жизни в обществе, что не достигается при исправлении осужденных. Без данной готовности невозможно интегрировать осужденного в общество [7, с. 43].

Полагаем, развитие уголовно-исполнительного законодательства нашей страны трудноосуществимо без учета зарубежного опыта в области исполнения наказаний и обращения с осужденными к наказанию в виде лишения свободы на определенный срок.

В данном случае также может быть полезен опыт других стран, как дальнего, так и ближнего зарубежья, поскольку зарубежный опыт исполнения и отбывания наказания указывает на определенные положительные аспекты использования ресоциализационного подхода. К таким аспектам можно отнести участие общественных организаций в ресоциализации осужденных, создание центров социальной реабилитации и адаптации людей, вернувшихся из мест лишения свободы, взаимодействие с психологами и социальными работниками. Как мы можем наблюдать, зачатки отдельных социальных и исправительных программ, службы подготовки к освобождению, институтов социальных лифтов, отпусков присутствуют и в законодательстве Республики Беларусь, однако в отдельных зарубежных странах они более детализированы, продуманы и направлены на достижение наиважнейшей современной цели – подготовки и помощи осужденному после отбывания наказания [8, с. 372]. Так, на наш взгляд, национальное право может заимствовать из зарубежной программы постепенного освобождения (включая отпуска не только в исключительных случаях, но и для решения личных, семейных, бытовых и других вопросов), бесплатную психологическую помощь после отбывания наказания, создание отдельного специализированного органа, осуществляющего контроль за поведением освобожденного осужденного, а также оказывающего постпенитенциарную помощь.

Стоит подчеркнуть, что уголовно-исполнительная деятельность ежегодно развивается и совершенствуется. Преступность, выступая социальной формой отклоняющегося поведения, находится в перманентной зависимости от уровня развитости общественных отношений. Таким образом, противодействие преступности должно осуществляться с учетом сложившихся общественных отношений. В связи с этим воздействие на осужденных напрямую обусловлено обществом, в котором он проживает и в котором совершил преступление.

Важно отметить, что указанная проблема особенно актуальна при исполнении наказаний, связанных с изоляцией осужденного от общества.

Это свидетельствует о необходимости переосмысления существующих подходов реализации наказания, в первую очередь в виде лишения свободы на определенный срок и смещения акцентов с карательного на ресоциализационный подход, посредством выстраивания системы интеграции в общество лиц, осужденных к уголовному наказанию.

Отметим, что ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК) является одной из наиболее значимых в аспекте реализации уголовной ответственности, так как закрепляет основные цели наказания [9].

Так, применение наказания и иных мер уголовной ответственности имеет целью исправление осужденных и предупреждение совершения преступлений как осужденными, так и другими лицами.

Однако, на наш взгляд, в настоящее время указанная цель уголовной ответственности в полной мере не позволяет осуществлять доминирующее воздействие на преступность и не способно в полной мере создавать предпосылки для успешной интеграции в общество осужденного после отбытия наказания. Следовательно, современные реалии призывают к чему-то большему, чем цель исправления осужденного, вследствие чего особую актуальность получила необходимость детальной разработки и закрепления в УИК новой цели уголовной ответственности – ресоциализации осужденных.

Проведенное исследование дает основание сформулировать авторское понятие процесса ресоциализации, под которым следует понимать деятельность субъектов реализации уголовной ответственности, направленную на устранение причин, условий и факторов, вызывающих девиантные отклонения в поведении личности, а также коррекцию его поведения в процессе исполнения наказания, социальную адаптацию осужденного при возвращении в общество.

#### Список использованных источников

1. Бурый, В.Е. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных к лишению свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.Е. Бурый. – Минск, 2010. – 265 л.
2. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер. – М. : Феникс, 1994. – 688 с.
3. Тит, А.А. Социализация индивида и ресоциализация осужденного: социолого-правовой аспект (на примере Республики Беларусь) / А.А. Тит // Вестн. Кузбас. ин-та. – 2021. – № 2. – С. 69–76.
4. Грязнов, С.А. Проблема ресоциализации осужденных / С.А. Грязнов // Основы экономики, упр. и права. – 2020. – № 3. – С. 47–49.
5. Баранов, Ю.В. Ресоциализация осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания: теоретико-методологические и правовые основы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Ю.В. Баранов. – М., 2008. – 257 л.

6. Бабаян, С.Л. К вопросу о постпенитенциарной ресоциализации / С.Л. Бабаян // Пенитенциар. наука. – 2016. – № 4. – С. 13–19.

7. Федотова, И.Н. Постпенитенциарная ресоциализация осужденных как правовая и социальная проблема / И.Н. Федотова, Ю.П. Колесникова // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. – 2016. – № 3. – С. 39–46.

8. Бастрыкин, А.И. Антикrimиногенная ресоциализация: зарубежный опыт / А.И. Бастрыкин, В.П. Сальников, В.Б. Романовская, К.И. Воронков // Всерос. криминол. журн. – 2020. – Вып. 14. – № 3. – С. 371–378.

9. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-3 : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2020 г. № 51-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>Адамчик В.А.</i> Оперативно-розыскная профилактика квартирных краж .....	3
<i>Артюх Е.А.</i> Применение информационных технологий в образовательной деятельности несовершеннолетних осужденных .....	9
<i>Батюков А.В.</i> Особенности оперативно-розыскного обеспечения раскрытия убийств, замаскированных под безвестное исчезновение лиц .....	14
<i>Бернацкий И.Ю.</i> Особенности предмета доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет .....	20
<i>Бернацкий И.Ю.</i> Актуальные вопросы гражданско-правового регулирования отношений в связи с цифровизацией сферы интеллектуальной собственности .....	29
<i>Богучунос Н.А.</i> Компьютерная информация в уголовном процессе: сущность и использование в доказывании .....	34
<i>Буева Д.Д.</i> Понятие и виды следов стоп босых ног: современное состояние и развитие .....	40
<i>Букица Н.Г.</i> Терроризм: возникновение и развитие .....	45
<i>Букица Н.Г.</i> Сущность и природа «форензики» .....	50
<i>Жалова А.А.</i> Международная организация уголовной полиции – Интерпол как современный центр информационного сотрудничества правоохранительных органов .....	56
<i>Зайцев Н.А.</i> О некоторых вопросах совершенствования законодательства в области производства по применению принудительных мер безопасности и лечения .....	62
<i>Карзанова Д.В.</i> Понятие и содержание ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел .....	68
<i>Комков Е.М.</i> Особенности правового регулирования передачи и прекращения исключительных прав на товарный знак .....	74
<i>Мельников С.Ю.</i> Права лиц, содержащихся под стражей, на получение и распространение информации, на свободное выражение мнений и убеждений .....	80
<i>Петрусевич Е.М.</i> Общие вопросы уголовно-правовой характеристики преступления, предусмотренного ст. 426 Уголовного кодекса Республики Беларусь .....	86
<i>Подоматько А.Ю.</i> Соотношение оперативного эксперимента и провокации при раскрытии коррупционных преступлений .....	92
<i>Проскуров К.В.</i> Проблемы уголовно-правового статуса несовершеннолетнего потерпевшего в половых преступлениях .....	97
<i>Протаицки П.И.</i> Религиозно-традиционная правовая семья в условиях глобализации .....	103
<i>Рудько М.В.</i> Перспективные направления интеграционной политики в Евразийском экономическом союзе .....	109
<i>Самойло В.А.</i> Актуальные подходы к разработке отдельных элементов криминалистической характеристики преступлений, связанных с легализацией преступных доходов посредством использования криптовалют .....	115

<i>Свирид Н.А.</i> Электронный документ: понятие, сущность, черты .....	121
<i>Свитич Ю.Ю.</i> Основные направления противодействия терроризму .....	126
<i>Соболевский П.С.</i> О некоторых аспектах криминологической характеристики личности наркопреступника .....	132
<i>Хамёнок Н.П.</i> О понятии, субъектах использования и классификации специальных знаний .....	138
<i>Черницкий Н.В.</i> Об изменении содержания принципа соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций при осуществлении оперативно-розыскной деятельности .....	143
<i>Чехович А.А.</i> Основные направления нейтрализации воздействий социальных инженеров, создающих угрозы безопасности организаций и их сотрудников .....	149
<i>Шелег Д.С.</i> Теоретические представления и планирование расследования убийств, замаскированных под самоубийство или несчастный случай .....	154
<i>Шишко В.И.</i> Условия, способствующие совершению налоговых преступлений, как один из элементов оперативно-розыскной характеристики налоговых преступлений .....	160
<i>Яцкевич Е.И.</i> Совершенствование механизма интеграции в общество осужденных к лишению свободы на определенный срок .....	166

**СБОРНИК СТАТЕЙ  
ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА НАУЧНЫХ РАБОТ,  
ВЫПОЛНЕННЫХ ОБУЧАЮЩИМИСЯ  
АКАДЕМИИ МВД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ  
В 2022 ГОДУ**

Подписано в печать 05.10.2022. Формат 60×84 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 10,21.  
Тираж 25 экз. Заказ 209.

Издатель и полиграфическое исполнение:  
учреждение образования  
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».  
Свидетельство о государственной регистрации издателя,  
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.  
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.



ДЛЯ ЗАМЕТОК